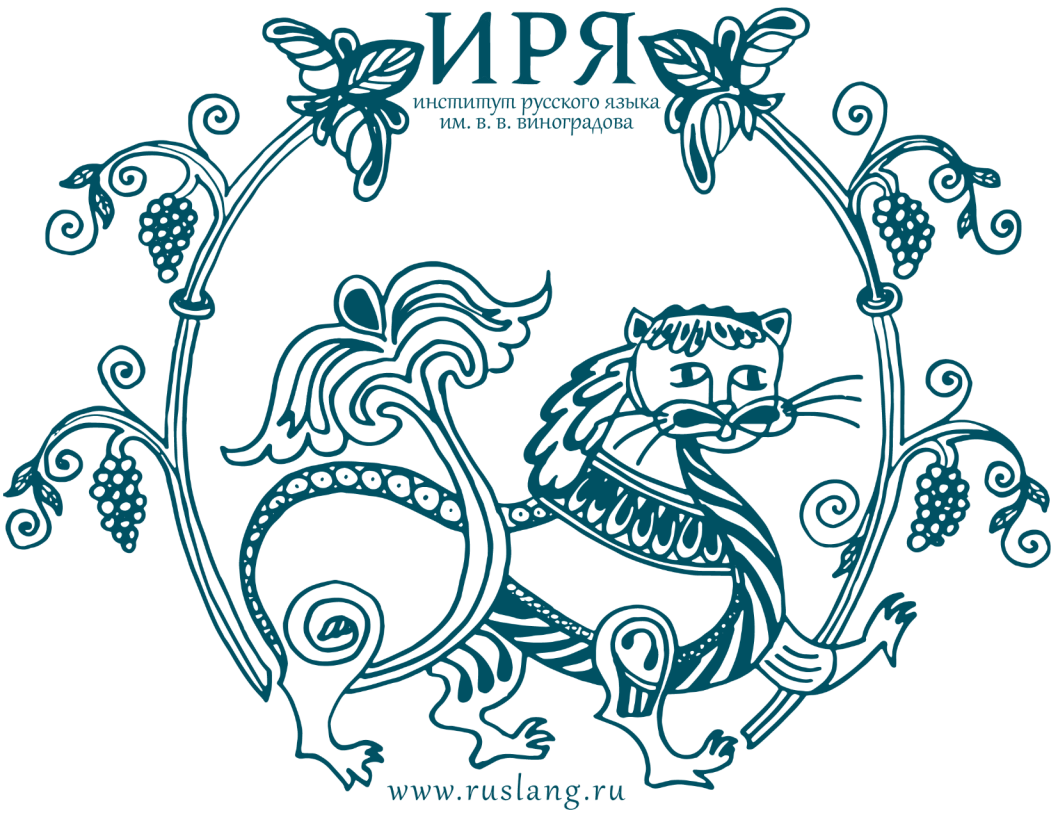
4
III-72

Д. Н. ШМЕЛЕВ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Д. Н. ШМЕЛЕВ

•

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

4
Ш-72
71351

В работе исследуется вопрос о синтаксической членимости высказывания — о сочетаемости различных компонентов высказывания, о различной степени их связанности и предикативности, а также вопрос о структурной организации предложения, его типологии, структурных схемах, их лексическом наполнении, соотношении предложения и словосочетания и др.

Ш $\frac{70103—270}{042(02)—76}$ 373—76

© Издательство «Наука», 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

*

В определении задач синтаксиса и его основных единиц никогда не существовало единства, но не будет преувеличением сказать, что по мере накопления разнообразных синтаксических фактов различие мнений и точек зрения все время только увеличивалось. К настоящему времени сложилась такая ситуация, что многие синтаксические исследования начинаются с утверждения, что предмет и задачи синтаксиса пока остаются неопределенными[1], вместе с тем именно в настоящее время обнаружен целый ряд синтаксических явлений, до сих пор вообще не привлекавших к себе внимания (особенно из области разговорной речи) и требующих специальной интерпретации.

Попытки отойти от многих традиционных категорий и определений синтаксиса — в связи с явным несовершенством и недостаточностью последних — в ряде случаев привели только к увеличению терминологической синонимии и омонимии в синтаксической науке, так как тотчас же со всей очевидностью выявилось, что основные категории традиционного синтаксиса, такие, например, как предложение, главные члены предложения, предикативность и т. д., в той или иной форме (иногда в скрытой) продолжают присутствовать в синтаксическом анализе, даже таком, который, по замыслу авторов, был как будто призван отрешиться от них.

В то же время наметилась одна характерная особенность многих новейших синтаксических исследований.

При всем многообразии, а часто и несовместимости существующих в настоящее время синтаксических теорий, выходящих за рамки традиционных синтаксических понятий, их часто объединяет одна общая черта — это стремление найти основание наблюдаемых синтаксических фактов за пределами самих этих фактов — в «глубинных структурах», в коммуникативном задании высказывания, в структуре ситуации и т. п. Н. Д. Арутюнова, например, пишет: «Предметом сообщения является предложение. В трактовке этой единицы синтаксиса нам хотелось бы отдалиться от формально-реалистического подхода, исключающего из структуры предложения все то, что не дано в материаль-

[1] Популярная брошюра, озаглавленная «Что такое синтаксис», начинается с такой фразы: «История изучения синтаксиса имеет многовековую традицию, и тем не менее вопрос о предмете и соответственно о границах этого раздела науки о языке продолжает оставаться актуальным» (*И. А. Сизова.* Что такое синтаксис. М., «Наука», 1966, стр. 3).

ном обличии слбвоформ. Принятый нами подход «от лукавого» допускает присутствие в строе предложения и некоторых незримых (или неслышимых) единиц, выявляемых в процессе анализа»[2]. В цитированной работе допускается только присутствие незримых или неслышимых единиц в строе реально наблюдаемых предложений, во многих же других работах последние вообще, по мнению авторов, должны быть сведены к подобного рода незримым и неслышимым элементам.

Понятно, что связь между словами отражает связь между реальными явлениями внеязыковой действительности, поэтому разнообразные типы словесных связей можно свести к определенным внеязыковым ситуациям, установив, какие из конструкций являются основными, первичными для изображения данной ситуации, а какие — «производными». Однако это далеко не всегда дает возможность вскрыть соотношение самих данных конструкций, что является как раз задачей синтаксиса.

В основе значительной части современных синтаксических исследований лежит идея, согласно которой структура предложения предопределена семантическими особенностями входящего в предложение глагола. Еще в 1934 г. Л. Теньер предложил объяснять особенности строения предложения через валентность глагола. Глагольный «узел», согласно выдвинутому Л. Теньером представлению,— это «маленькая драма»; подобно тому как в драме действуют герои в различных обстоятельствах, так в предложении мы находим «актанты» и выражающие различные обстоятельства «сирконстанты». Сравнивая глагол с атомом, Л. Теньер ввел понятие «валентность», с которым связал способность глаголов присоединять то или иное число актантов[3].

Через несколько десятилетий идеи, высказанные Л. Теньером, получили широкий отклик.

А. Греймас пишет в своей книге «Структурная семантика»[4], что он был поражен замечанием Л. Теньера, сравнившего элементарное высказывание со спектаклем. «Если вспомнить,— продолжает А. Греймас,— что функции, согласно традиционному синтаксису, являются не чем иным, как ролями, которые играют слова,— подлежащее там, «кто производит действие», дополнение — «кто подтвергается действию» и т. д.,— то предложение при таком понимании не что иное, как спектакль, который дает самому себе homo loquens. Этот спектакль обладает, однако, той особенностью, что он происходит непрестанно: содержание действий постоянно изменяется, актеры сменяются, но высказывание-спектакль остается все время тем же, так как его постоянство гарантируется единым распределением ролей».

---

[2] *Н. Д. Арутюнова.* Вариации на тему предложения. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., «Наука», 1969, стр. 38.

[3] *L. Tesnière.* Comment construire une syntaxe. «Bulletin de la Faculté des lettres». Strasbourg, 1934.

[4] См.: *A. J. Greimas.* Sémantique structurale. Paris, 1966, стр. 173 и сл.

По мнению автора, это постоянство распределения ролей не может быть случайным, оно связано со структурой ситуации, которая может быть описана в терминах актантов (субъект — объект; отправитель — адресат; помощник — противодействователь), которые в свою очередь соответствуют синтаксическим функциям имен, группирующихся вокруг глагола.

Подтверждение своей гипотезе А. Греймас видит в работах В. Проппа и Э. Сурио. Устанавливается такое соответствие.

в синтаксисе: подлежащее/дополнение,

у В. Проппа: герой/объект поисков и т. д.

Идею об актантах, при помощи которых может быть описана структура ситуации, развивает В. Г. Гак[5]. Он выделяет другие актанты («субстантивные элементы ситуации»), это: 1) субъект (отправитель); 2) объект; 3) адресат; 4) субстанция, содействующая или препятствующая осуществлению процесса (инициатор, орудие, причина); 5) пространственный конкретизатор (местопребывание, исходная или конечная точка движения); 6) временной конкретизатор; 7) субстанция, которой принадлежит либо часть которой составляет субъект или объект, и др. Реальным актантам соответствуют «синтаксические актанты (члены предложения)»: подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, орудийное дополнение или обстоятельство причины, обстоятельство места, обстоятельство времени, дополнение к имени. В. Г. Гак считает, что «если рассматривать высказывание как означающее по отношению к отрезку ситуации, то глубинные структуры представляют собой прямые номинации, где элементы означающего используются в своих прямых значениях и первичных функциях, для выражения которых они и были сформированы в языке (разрядка моя.— *Д. Ш.*), а поверхностные структуры как косвенные номинации, элементы которых используются в переносном значении, в производной, вторичной функции»[6].

Согласно изложенному фраза *Джон получил письмо* должна рассматриваться как трансформация «глубинной структуры» *Джону прислали письмо*, фраза *Бой кончился* — как трансформация чего-то вроде * *Кончили биться* и т. д. Автор отмечает: «трансформированные структуры играют столь значительную роль в языке, что нередко вытесняют глубинные структуры, которые могут быть получены лишь путем обратной трансформации»[7].

Таким образом, «глубинные структуры» отнесены автором, по-видимому, к глубокой древности (поскольку фразы типа «кто-то получил что-то», «бой кончился» и т. д. зафиксированы в са-

---

[5] См.: *В. Г. Гак.* К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969.

[6] Там же, стр. 80.

[7] Там же, стр. 85.

мых ранних памятниках ряда языков), а развитие синтаксиса всех языков представлено соответственно как разрушение монолитности этих структур вследствие вторжения в язык «структур трансформированных». Вместе с тем, как это ни странно, функции актантов в «глубинных структурах» полностью совпадают с современным представлением логического строения предложения.

Если отвлечься от исторической гипотезы, содержащейся в данной концепции, мы в общем-то приходим к очень актуальной, активно обсуждаемой сейчас проблеме, которая некоторое время тому назад формулировалась как проблема «лексического наполнения» схемы (формулы) предложения, а в настоящее время рассматривается в связи с вопросом о соотношении формальных и семантических элементов в строе предложения.

Действительно, при помощи немногих «синтаксических актантов» (членов предложения) каждый язык способен передать неисчерпаемое количество внеязыковых конкретных ситуаций. Можно пытаться установить (такие попытки делались и делаются) «основное значение» каждого из членов предложения и рассматривать остальные их значения как переносные.

Понятно, что основные значения членов предложения могут быть интерпретированы как элементы типизированных ситуаций (ср. такие обычные обозначения, как «действующее лицо», или «производитель действия», «объект действия» или «предмет, подвергаемый действию», и т. д.). Трудность заключается в том, что разграничение основных и переносных значений членов предложения проходит в области лексики (лексической семантики), изучение которой в этом плане находится еще в начальной стадии. Ни критерии выделения семантических классов и подклассов глаголов, ни критерии выделения семантических классов и подклассов имен не определены с необходимой точностью и бесспорностью.

Считая одним из важнейших признаков предложения его двучленность, Н. Д. Арутюнова так расценивает с этой точки зрения односоставные предложения: «В оценке этих последних нам придется сделать еще один шаг назад в сторону логико-психологического синтаксиса, признав темой подобных предложений внеязыковую ситуацию. Предположение о совместном участии в акте коммуникации языковых знаков и необозначенных элементов ситуации едва ли столь абсурдно, как стало принято думать. Сам акт номинации, имеющий несомненно предикативный характер, состоит в соотнесении знака с денотатом. Переход собственно назывных предложений в именные предложения определительного типа наблюдается постоянно. Стоит заменить имя собственное именем нарицательным (например, вместо «Межуев» сказать «мой зять»), как наименование денотата заменяется его определением, характеристикой. Этот процесс особенно хорошо виден, когда от предложений назывных собеседники переходят к «обзывным» предложениям (ср.: *Мошенник! Плут!*

Прохвост! и др).»[8] Можно добавить, что вообще оценочные существительные (не только «обзывные») обычно употребляются именно в предикативной роли («Она красавица», «Она умница», «Он лентяй» и т. п.). Употребление их в других функциях ограничено некоторыми специальными условиями. Ср. стилистическую «нарочитость» таких фраз, как *Умница вошла в комнату, Плут возразил на это...* и т. п., или возможность употребления их с обобщенным значением в такого рода контекстах: *Всем (некоторым) красавицам свойственно..., Лентяй обычно...* и т. д.

Предложения типа *Уже осень, На улице — дождик и слякоть...* действительно двучленны в определенном смысле, однако вряд ли объяснение их структуры облегчается их возведением к глагольно-именной конструкции с классическими подлежащим и сказуемым.

В поисках исходной синтаксической структуры, «основного типа предложения», естественно, можно обратиться и к многочленным конструкциям, пытаясь увидеть в них выражение того синтаксического построения, которое «служит базой существования» для всех остальных конструкций[9]. Такая мысль в последнее время последовательно проводится В. С. Юрченко. Автор настаивает на том, что «все типы и разновидности предложения, как бы сильно они ни различались, прямо или косвенно восходят к одной базисной синтаксической структуре — основному типу предложения», каким является в современном русском языке «распространенное (двусоставное) глагольное предложение, причем обязательно такое, которое распространено за счет приглагольных второстепенных членов — обстоятельства и дополнения»[10].

По мнению В. С. Юрченко, это предположение следует из «соображений методологического, статистического и лингвистического характера». Эти соображения заключаются в том, что «нераспространенное предложение встречается в речи довольно редко»; что «неполная, или сокращенная, структура всегда подчинена изофункциональной полной структуре»; «что переход от распространенного предложения к нераспространенному является простым и естественным»; что «распространенное двусоставное глагольное предложение характеризуется тем, что в нем содержатся все пять членов предложения: подлежащее — глагольное сказуемое — обстоятельство — дополнение — определение, причем они выступают здесь в своей исходной типичной морфологизированной форме» и с «этим типом предложения соотнесены основные (ядерные) части речи: существительное, финитный глагол, наречие и полное прилагательное»; что в распространенном предложении глагольное сказуемое «находится в

[8] *Н. Д. Арутюнова.* Указ. соч., стр. 47.
[9] См.: *В. С. Юрченко.* Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972, стр. 4.
[10] Там же, стр. 7—8.

центре структуры, поскольку окружено связанными с ним элементами с двух сторон; между тем в нераспространенном предложении глагольное сказуемое занимает периферийное положение (ср. *Сын учится хорошо* и *Сын учится*)»; что «в синтаксисе на каждом шагу встречаются такие структуры или преобразования, которые могут быть объяснены только на базе распространенного (двусоставного глагольного) предложения», например, «наиболее типичная синтаксическая трансформация — активно-пассивная — невозможна без приглагольного второстепенного члена — дополнения (*Плотник строит дом — Дом строится плотником*)» [11].

Большая часть приведенных соображений имеет безусловное значение по отношению к глагольным предложениям, структура которых неизбежно определяется лексическим значением глагола-сказуемого, от которого зависит образование синтаксической формулы предложения, естественно распространенного, если лексико-грамматическое значение глагола требует «восполнения» за счет присоединяемых к нему словоформ. Устанавливаемая в соответствии с валентностью глагола формула предложения, сказуемым которого является данный глагол, неизбежно предполагает конструктивную значимость второстепенных членов.

Частичная реализация этой формулы может обоснованно рассматриваться как р е д у к ц и я «ядерной» конструкции, а ее полная реализация — именно как ее основное выражение [12]. Однако положение о трехчленности «инвариантной структуры предложения», о необходимости объяснения всех остальных типов предложения через эту структуру не дает никаких преимуществ ни в объяснении неглагольных предложений, ни в объяснении таких глагольных предложений, различие в структуре которых зависит от различной валентности самого глагола; ср. *Мальчик улыбается* и *Мальчик читает*, когда только для последнего предложения существенно соотношение с конструкцией *Мальчик читает — что-либо,* в которой реализуется другое значение глагола-сказуемого. Нет никаких оснований сводить к трехчленной структуре и такие предложения, значение глагола-сказуемого которых предполагает не трех-, а, например, четырехчленную структуру: *относиться — к чему-либо — как-либо, предпочитать — что-либо — чему-либо, оценивать — что-либо — как-либо* и т. п., т. е. когда кроме подлежащего глагол обусловливает включение в предложение еще двух членов. Считать же, как предлагает В. С. Юрченко, что фразы *Ребенок спит крепко* и *Ребенок решает задачу* одинаково представляют «основной тип предложения», — значит свести их рассмотрение к такой абстракции, которая не имеет уже почти никакой объяснительной силы.

---

[11] *З. С. Юрченко.* Указ. соч., стр. 8—10.

[12] Ср.: *Д. Н. Шмелев.* О значении синтаксических единиц. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения», стр. 161.

Поскольку основа возникновения предикативного значения все-таки в сочетании двух приспособленных для проявления такого значения словоформ, принятие именно двучленной конструкции, двучленного словосочетания за исходную точку организации предложения представляется более реалистичным. Из этого опять-таки, по-видимому, никак не следует, что выведение односоставных предложений именно из данной конструкции будет способствовать лучшему пониманию конкретного разнообразия представляющих их типов.

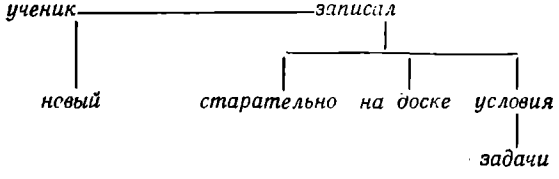
Довольно отвлеченным — с точки зрения познания и описания конкретных типов предложений — представляется спор об одном или двух основных синтаксических центрах предложения[13]. К тому же он затрагивает только предложения с глагольным сказуемым, т. е. оставляет в стороне вопрос о «статусе» сказуемого в других предложениях.

Предлагая рассматривать структуру глагольного предложения сквозь призму валентности глагола-сказуемого, Л. Теньер представил последнее вершиной предложения, отведя подлежащему роль дополнения наряду с другими отражающими валентность глагола дополнениями.

Внешне это сказалось на графическом изображении предложения, которое принято во многих современных работах по синтаксису.

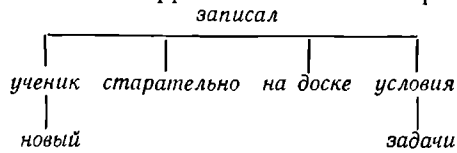
Графическое изображение синтаксических связей издавна применялось в практике школьного разбора «по членам предложения». Оно вновь нашло широкое применение в структуралистских работах по синтаксису с тем отличием (которому в соответствии со сказанным выше было придано принципиальное значение), что в классическом двусоставном (именительный падеж имени+спрягаемая форма глагола) предложении выделялись не две, как при традиционном школьном разборе, а одна вершина, представленная личной формой глагола.

Иными словами, в первом случае мы изобразили бы синтаксические связи фразы *Новый ученик старательно записал на доске условия задачи* следующим образом:

[13] В этот спор в самое последнее время включился И. П. Распопов: «Я разделяю мнение тех лингвистов, которые считают, что названная позиция (позиция подлежащего) является зависимой по отношению к глагольному центру предложения (сказуемому)», см.: *И. П. Распопов.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973, стр. 63 (обоснование принимаемого тезиса дано на стр. 73 и сл.).

Во втором случае эта же фраза была бы изображена так:

Если исходить из того, что именно глагол в таких языках, как русский, является не только выразителем определенного действия, состояния или процесса, но и как бы конденсированным выразителем целой ситуации, поскольку каждый глагол своим значением не только указывает на какое-либо действие, состояние или процесс, но также в известной мере предопределяет соотношение «участников» этой ситуации, то глаголу можно, безусловно, приписать центральную роль в организации предложения. Однако, поскольку «распределение ролей» между вступающими в связь с глаголом именами определяет лишь структурную схему предикативного словосочетания, а для того, чтобы последнее стало основой предложения, глагол должен сам «согласовать» свою форму с формой слова, обозначающего одного из «участников» данной ситуации, т. е. с формой слова, определяемого в соответствии с синтаксической традицией как «подлежащее», роль глагола в синтаксической организации предложения не представляется абсолютно «независимой».

Поэтому представление «дерева зависимостей», осуществленных в предложениях, с помещением «вершины» в глагольном сказуемом не кажется наиболее безупречной формой представления структуры предложения.

Такое отображение структуры предложения не кажется безупречным и с других точек зрения.

С точки зрения его всеобъемлющей силы оно явно менее предпочтительно, чем традиционная схема, хотя бы потому, что оставляет вне схематизации огромную массу неглагольных предложений, тех, которые не включают в свой состав глагольного сказуемого.

Такое представление формы предложения не безукоризненно и с точки зрения самого общего представления о роли глагола и имени в выражении основных понятий, отражающих внеязыковую действительность.

В нашем изменчивом мире именно имена существительные фиксируют нечто постоянное и устойчивое в непрерывном вихре событий, именно им принадлежит роль точек отсчета в наших представлениях об окружающей действительности. Их значения в основной массе более конкретны, чем значения глаголов, но как раз потому, что они отражают ту неизменную сущность вещей, которая дает нам возможность отмечать и изменчивость. В этом смысле они находятся на более высокой ступени абстракции. Не случайно большая часть основных понятий философии, различных наук закреплена за терминами-существительными.

Во всяком случае, когда речь идет об обобщающей способности слова, в первую очередь упоминаются существительные.

Таким образом, и давнишний спор о приоритете (в том или ином отношении) имени или же глагола можно признать небесперспективным лишь постольку, поскольку он позволяет всесторонне осветить различные особенности представителей этих классов слов. Что же касается определения их роли в организации предложения, этот спор не может быть перспективным, если имеются в виду только онтологические свойства реалий, обозначаемых соответствующими словами, а не конкретно-языковые возможности последних.

Одной из наиболее интересных концепций синтаксиса, тех концепций, которые исходят не из формально-семантических, а собственно семантических, смысловых отношений, реализуемых в предложении, представляется синтаксическая концепция Г. А. Золотовой. Многие положения, сформулированные в работах этого автора, должны быть приняты во внимание при любом анализе синтаксического материала.

В основу развиваемых Г. А. Золотовой взглядов положена та мысль, что многообразие типов предложения в русском языке, среди которых значительное место занимают безглагольные предложения, не позволяет адекватно описать структуру предложения русского языка во всей ее полноте на основе «схоластической (по выражению Г. А. Золотовой) теории членов предложения»[14].

Считая, что «предложение как акт, в котором реализуется формирование, выражение и сообщение мысли, не сводимо к развертыванию цепочки слов», Г. А. Золотова представляет «структурно-смысловыми элементами предложения» понятия производителя действия, носителя состояния, субъекта обладания, предмета исчисления, самого действия, состояния, качества, количества, места, времени, причины и т. д.[15]

В соответствии с этим «содержанием теории предложения, в отличие от теории словосочетания, должно стать не выяснение сочетаемости слов, а выяснение сочетаемости смыслов, выраженных словами», поскольку же «связи и отношения явлений действительности категориальны... столь же категориальны и высказывания об этих связях и отношениях», а в «предложении определенной структуры отражается та или иная разновидность отношений объективной действительности, и, наоборот, для выражения того или иного характера реальных связей в языке имеются структурно определенные разновидности предложений»[16]. Со всем этим нельзя не согласиться. Возможны только два пояснения к цитате, которые никак не меняют ее общего

---

[14] *Г. А. Золотова.* О структуре простого предложения в русском языке.— ВЯ, 1967, № 6, стр. 90.
[15] Там же, стр. 91.
[16] Там же.

смысла, но все же могут несколько видоизменить предполагаемые выводы из приведенного рассуждения.

Представляя структурно-смысловыми элементами предложения «понятия» производителя действия, носителя состояния, субъекта обладания и т. д., Г. А. Золотова по существу предлагает, исходя из наиболее типичных, по ее наблюдениям, средств выражения указанных «понятий», дальше исходить уже из последних, т. е. из семантики, при характеристике различных словоформ, участвующих в организации предложений различных типов. Такой подход никак не кажется противоречащим традиционному выделению членов предложения, так как мы получаем сведения (более детальные в намеченном исполнении) о тех же словоформах, которые мы получили бы о них, если бы исходили из их возможных значений в роли тех или иных членов предложения, но только мы получаем эти сведения как бы «с другой стороны».

Возможность такого подхода учитывалась (менее ясно и последовательно) и в традиционном синтаксисе. Например, при определении диапазона значений формы повелительного наклонения русского глагола отмечались разнообразные контексты ее употребления; но одновременно намечалось и другое направление анализа — противоположное: описывались разные «способы выражения императивного значения» в языке, т. е. выражения одного смысла различными языковыми средствами (при помощи инфинитива, других глагольных форм и т. д.). Выявление этих других способов выражения императивности относилось обычно к стилистике, к «стилистическому синтаксису», границы которого никогда не были сколько-нибудь четко очерчены, или к «грамматической ономасиологии», задачи которой вообще никогда подробно не обсуждались. Совершенно ясно, что оба эти противоположных подхода к исследованию значений словоформ не исключают, а лишь дополняют друг друга.

Другое пояснение заключается в следующем. Указанные «структурно-смысловые элементы предложения», представленные как «понятия» производителя действия, носителя состояния и т. д., могут только потому получить определение «структурно-смысловых», что соотнесены с теми или иными конкретными словоформами, т. е. они не просто «выражаются» ими, но являются значениями данных словоформ, выступающих в определенных синтаксических условиях. Следовательно, говоря, о «понятии» производителя действия или носителя состояния, мы исходим все-таки из значения отдельных компонентов предложения (как мы его понимаем), а дальше можем обнаружить их семантическую противопоставленность или же синонимию и т. д., т. е. в конечном счете вопрос о компонентах, или «членах» предложения (что то же), никак не снимается, а передвигается в иную плоскость анализа. Меняется точка отсчета в синтаксическом исследовании; это изменение позволяет осветить новые

стороны синтаксического материала, но такое новое освещение, по существу, никак не связано с отказом от понятия «члены предложения».

Дальнейшее развитие исходных положений интересующей нас концепции приводит к новым вопросам относительно всеобщности предлагаемого метода синтаксического исследования.

Г. А. Золотова предлагает при определении структуры предложения прежде всего принимать во внимание его «типовое значение», учитывая, что каждое «типовое значение» выражается «через определенные модели предложений, основные и вариативные».

Так, «для предложений, сообщающих о действии предмета, основная модель организуется сочетанием синтаксической формы имени в номинативе с личной синтаксической формой глагола»;

«для предложений, сообщающих о качестве предмета, — сочетанием синтаксической формы имени в номинативе с синтаксической формой прилагательного»;

для предложений, «содержащих количественную характеристику предметов», — «сочетанием двух компонентов, один из которых называет характеризуемый предмет синтаксической формой имени в родительном падеже, а другой постоянно обозначает количество, но переменными способами (числительным, существительным и наречием с количественным значением, фразеологизмом, сравнительным оборотом и т. д.)»;

для предложений, «сообщающих о субъекте и объекте обладания», — сочетанием синтаксической формы «*у* + родительный падеж» и формы номинатива (или ее эквивалентов): *У них новая квартира; У колхоза две легковушки; У меня есть яблоко* и т. д.

«для типового значения явление и его оценка» — сочетанием «синтаксической формы *с*+творительный падеж» и «переменного центра, разными лексико-грамматическими средствами выражающего оценку: *С кадрами туго; С подачей пара перебои; С планом благополучно; С билетами не везет...*» и т. д.

Возникает вопрос: почему при исследовании типологии предложений нужно отправляться от «типового значения» того или иного предикативного сочетания морфологических форм слов (которые подчеркнуто обозначаются как синтаксические, но при этом остаются, вне всяких сомнений, именно морфологическими), а не от самих этих словоформ в определенном сочетании — с указанием на основное и «переносные» (или «вторичные») значения данных словосочетаний? Меняется опять-таки, как кажется, лишь направление, точка отсчета, отправной пункт синтаксического исследования, но не его принципиальная направленность. В том, что предлагаемое направление способно привести к освещению тех фактов, которые до сих пор оставались в тени или неправильно интерпретировались, убеждает прежде всего анализ

конкретных синтаксических фактов в работах самой Г. А. Золотовой [17]. Но в том, что этим направлением не может быть отменено предшествующее, убеждает не только неизбежная неполнота рассматриваемой концепции, но и априорное соображение о том, что в основу всякого лингвистического анализа в его «первичной» направленности должны быть положены наблюдения над материальной формой языкового знака, в тех или иных (опять-таки материально осязаемых) условиях его применения, способного выражать различные значения.

Ведь если мы выделим, следуя автору, например, тип предложений с типовым значением «эмоционально-оценочное отношение субъекта к объекту», «модель которых создается сочетанием трех необходимых центров», беря за основу такие фразы, как *Матери картина понравилась; Им такая жизнь не по вкусу; И зло наскучило ему*, модель которых определяется сочетанием «субъекта, выраженного синтаксической формой имени в дательном падеже, объектом, выраженным синтаксической формой имени в номинативе, и обозначения отношения, по способу выражения переменного» [18], то перед нами возникает задача выявления критериев для отграничения «эмоционально-оценочного отношения субъекта к объекту» от «просто отношения» субъекта к объекту, например, в таких фразах, как *Матери картина приснилась; Матери картина показана, подарена...; Им такое напряжение не по плечу, не по силам* и т. д.; *И зло противостояло ему, не поддалось ему* и т. д.

Если вы подходите к постройке, назначение которой вам заранее известно, вы можете сказать, что задание, по которому она была создана, заключалось в том, чтобы объединить, например, жилую часть и часть, предназначенную для хозяйственных нужд. Вы можете далее в общих чертах определить, как «синтаксически» сочетаются эти части постройки, если вам известна их конструкция («морфологические особенности»), т. е. определить общую «модель» здания, типичную для данного задания. Вряд ли это единственный возможный или даже наиболее оптимальный способ описания разнообразных построек и их «значения». Если характер и назначение построек уже известны, очевидно, вы в самых общих чертах можете предугадать их конструкцию; но для более точного определения надо знать и формы их конструктивных частей, и «сочетаемость» последних.

В конечном счете назначение здания, разумеется, предопределяет его конструкцию, и наиболее естественной является классификация сооружений в соответствии с их значением. Но специфика каждой из национальных и местных школ в варьировании общих типов настолько существенна, что ее учет необходим, если имеется в виду описание конкретных, наблюдаемых где-ли-

---

[17] *Г. А. Золотова.* Указ. соч.
[18] Там же, стр. 94.

бо зданий. Из специфических особенностей различных их разновидностей и выводится их особый «смысл», т. е. конкретное назначение.

В настоящее время появилось так много концепций, в основе которых лежит представление о «глубинных» (или семантических — в специальном понимании) структурах синтаксических явлений, что, несмотря на безусловный интерес отдельных из этих концепций, приходится подчеркивать тот факт, что всякая интерпретация «глубинных структур» предложения неизменно зависит от его реальной, материальной, т. е. «поверхностной», репрезентации, что, иначе говоря, именно в «поверхностных структурах», коль скоро речь идет о значимых единицах языка (а следовательно, и о единицах синтаксиса), как раз и заключены все «глубинные», семантические основы истолкования привлекаемых к исследованию структур.

«Поверхностная», т. е. непосредственная, материально выраженная, структура любой фразы предоставляет все необходимые данные для ее непосредственной семантической интерпретации. *Ветер разбросал листья* и *Ветром разбросало листья* вряд ли нуждаются в сведении к некоему «семантическому инварианту», поскольку различие в значении каждой из этих фраз гораздо проще и естественней интерпретируется через их соотношение, которое представлено значениями соответствующих словосочетаний. Иначе оно остается вообще вне возможностей непосредственно лингвистического объяснения. Исследование того, какие значения выражаются сочетанием каких словоформ в их «различном» лексическом оформлении и «интонационном преломлении», и представляется задачей выяснения функций различных «членов предложения», коль скоро они рассматриваются именно в этом аспекте. Очевидно, в русле такого же исследования находится и определение «основного значения» каждого из подобных словосочетаний, и возможностей и диапазона его переносного употребления. Представлением глубинной семантической структуры этих фраз будет, конечно, не их смысловое переистолкование, а то истолкование, которое лежит как раз «на поверхности», т. е. заключено непосредственно в них самих, в значении (лексико-грамматическом) составляющих их компонентов, а их соотнесение с другими идентичными — не по реконструируемому «смыслу», а по форме — конструкциями, в которых искомый «смысл», «глубинная» семантика и дана, согласно принимаемым за основу семантической интерпретации критериям, непосредственно и (если основываться на «объективных», формально закрепленных лингвистических критериях) объективно, — в парадигматической соотнесенности интересующих нас конструкций.

Ср.:

Ветром разбросало листья; *Дождем прибило траву* и т. д. — *От ветра, из-за ветра листья разбросаны; От дождя, из-за дождя прибита трава* и т. п.

(если здесь необходима семантическая интерпретация, то субъект фразы интерпретируется как всего лишь «причина») и *Прохожий разбросал листья — Ветер разбросал листья* и т. п. т. е. изображение действия как активного, его сопоставление с другими действиями, осуществляемыми активными «производителями действия», в чем единственно и может заключаться его глубинная перспектива. Что же касается возможной синонимизации соответствующих фраз, ее возможности даны как раз на поверхности и нуждаются прежде всего в регистрации, а не в терминологическом «остранении».

Несколько слов о применяемой далее терминологии, когда термины не определяются специально.

Обозначение «фраза» применяется в ее «обычном», обиходном значении. В течение длительного времени, особенно после выхода в свет «Грамматики русского языка» (1954), употребление этого обозначения в синтаксических работах было поставлено под сомнение и оно оказалось как бы «вне закона». В упомянутой «Грамматике» говорилось: «в нашей „Грамматике русского языка" термин „фраза" как обозначение элементарной единицы высказывания (или речи) не употребляется» [19]. Далее на примере «Курса современного украинского литературного языка» (1951) показывалось, «к каким противоречиям и неясностям приводит использование понятия „фраза" для описания типов предложений в живом славянском языке» [20]. В предлагаемой работе термин «фраза» не вводится для противопоставления соответствующего понятия понятию предложения. Он служит лишь для обозначения «конкретных предложений» (с их собственным индивидуальным порядком слов, лексикой и интонацией), выделяемых в тех или иных текстах. Как эти фразы соотносятся с «предложением», предстоит еще выяснить. Сам термин «предложение» — это обозначение того понятия, которое является лишь «искомым».

Термин «высказывание» используется как обозначение любого сообщения, независимо от его протяженности и оформленности. В том же смысле употребляется термин «текст». Под «конструкцией» понимается любое синтаксически значимое объединение слов.

Термин «предикативность» (соответственно — «предикативное словосочетание» и т. д.) также нуждается в известном разъяснении. Выяснению того, насколько различное содержание вкладывается в это обозначение, была посвящена краткая, но очень содержательная статья М. И. Стеблина-Каменского «О предикативности» [21]. Отметив, что «ничто не препятствует лин-

[19] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 85.

[20] Там же.

[21] Напечатана в «Вестнике Ленинградского ун-та» (серия истории, языка и литературы), 1956, № 20, стр. 129—137; перепечатана в кн.: *М. И. Стеблин-Каменский.* Спорное в языкознании. Изд-во ЛГУ, 1974, стр. 34—47.

гвисту употреблять и выражения „предикативность“ или „предикативное отношение“ как в значении, „то, что делает сказуемое сказуемым“ или „отношение, в котором сказуемое стоит к подлежащему“, так и в более неопределенном значении, „то, что делает предложение предложением“», М. И. Стеблин-Каменский задает вопрос: «Стоит ли все же употреблять слово „предикативность“ в значении „то, что делает предложение предложением, и нужно ли вообще слово с таким значением?“» Не берясь отвечать на этот вопрос по существу, отметим, что в предлагаемой работе слово «предикативность» употребляется именно «в более неопределенном значении» — «то, что делает предложение предложением». Было бы, наверное, лучше употреблять в этом значении производные от слова «предложение», но образования «предложенческость», «предложенческий» казались тяжеловесными и непривычными, поэтому и были использованы обозначения «предикативность» и «предикативный». Их значение целиком соответствует указанным образованиям. Если сочетание словоформ отличается той особенностью, что становится законченной, отдельной частью текста («полной» или «неполной» в плане передачи всего нужного смысла сообщения), грамматически и интонационно независимой от смежных с ним частей того же текста, то этому сочетанию приписывается свойство «предикативности», а само оно обозначается как «предикативное».

ЭЛЛИС
институт русского языка
им. в. в. виноградова

1 с 11

www.ruslang.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ЕГО ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ

*

Выделяя относительно законченные, самостоятельные отрезки высказываний, которые могут быть признаны основными единицами синтаксического членения связного текста и которые по традиции связываются нами с понятием предложения, мы обычно опираемся на разнородные признаки. Когда обращают внимание на неоднородность этих признаков, вопрос о правомерности такого определения возникает, как правило, не потому, что существует сомнение в возможности объединения неоднородных критериев при выделении той или иной лингвистической единицы, а только потому, что, как и в случае определения такой единицы языка, как слово, отмечаемые признаки не совпадают полностью друг с другом в разных случаях. Тем самым отрезок текста, определяемый в соответствии с одними критериями как предложение, в соответствии с другими таковым не оказывается, а должен быть признан частью предложения или, напротив, объединением двух или нескольких предложений.

Поскольку все отмечаемые признаки предложения — отдельно или в комбинации друг с другом — действительно присущи тем отрезкам текста, которые мы привыкли считать предложениями, поиски более точного определения данной лингвистической единицы могут вестись (и постоянно ведутся) в различных направлениях. Во-первых, можно признать решающим для конструирования понятия предложения один из известных уже признаков и не считать синтаксические конструкции, лишенные этого признака, предложениями. Во-вторых, можно попытаться установить определенную иерархию не совпадающих в каких-то случаях признаков и выделить таким образом различные типы предложений (или конструкций, которые представляются «более предложениями» и «менее предложениями»). В-третьих, можно отказаться от понятия предложения как не поддающегося собственно лингвистическому точному определению.

Можно, наконец, попытаться найти какие-то неизвестные, не отмеченные пока критерии того, что соответствовало хотя бы в какой-то мере нашему недостаточно строгому представлению о предложении, но при этом допускало бы вполне однозначную и строгую характеристику.

Все эти пути были так или иначе испробованы в исследованиях различных синтаксистов и теоретически оценены (хотя и по-разному) в трудах многих из них, а также их критиков.

Между тем, хотя грамматический термин «предложение» принадлежит не к числу обиходных, общеупотребительных [1], представление о каком-то целостном, относительно законченном отрезке речи, достаточном как отдельное сообщение, несомненно, не является чисто научным представлением, оно в какой-то степени присуще и всем говорящим. Только для наименования этой языковой реалии в быту чаще употребляются такие обозначения, как «фраза», или просто «что сказал о чем-то», «слова о чем-то» и т. п. Бытовое представление об этой языковой реалии отчасти присуще и лингвистам, и поэтому самые разнообразные определения предложения, поскольку они как-то не до конца соответствуют этому представлению, обычно не кажутся исчерпывающими и окончательными.

Для того чтобы остановиться на одном из возможных определений предложения, нужно, по-видимому, учесть, что критерии предложения как научного синтаксического понятия устанавливаются не только вообще, но и в зависимости от задач данного синтаксического исследования. Такими критериями в предлагаемой работе будут служить, во-первых, интонационная законченность отрезка текста, во-вторых, его грамматическая независимость, предполагающая, что входящие в данный отрезок словоформы определенным образом зависят друг от друга, но никак не зависят от словоформ, находящихся вне этого отрезка.

Хорошо известно, что эти критерии далеко не всегда совпадают; ср.: Работаю,— нежно и доверчиво сказала она.— Учетчицей. На том берегу (Казаков, Дом под кручей); С каких-то пор, с тех самых, как Петрович допрашивал арестованную Черненко в Протяжном, она вдруг стала следовать за ним. Как тень. Сердитая и неизбежная (Залыгин, Соленая Падь); Во всяком деле должен быть азарт, а иначе не сделаешь никакого, самого пустякового дела. И порядочность тоже. Стихийная, врожденная порядочность. Почти инстинкт (Солоухин, Моченые яблоки) и т. п.

Вряд ли следует считать, что такое несовпадение критериев дает основание отказаться от приведенного (довольно распространенного) определения как непригодного. Оно только позволяет выделять такие синтаксические единицы, как, с одной стороны, «сложные предложения», объединяющие интонационно более одного грамматически независимого целого (эта интонационно-смысловая связь в ряде случаев скрепляется союзами и т. д.), а с другой — «присоединяемые предложения» (присоединительные конструкции), которые, будучи интонационно самостоятельными, в грамматическом отношении оформлены так, что зависят от каких-либо членов тех предложений, к которым присоединяются.

[1] Ср. у Чехова: При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно потупляют глаза и краснеют... («Из записной книжки старого отставного педагога»).

Совершенно ясно, что это синтаксические единицы уже другого типа, чем те, которые отвечают обоим критериям, и термин «предложение» приобретает в связи с этим не вполне желательную «многозначность». Однако всякое терминологическое переименование здесь, как показывает практика, не встречает сколько-нибудь устойчивой поддержки, а если и встречает какие-либо отклики, то скорее уводящие в терминологические споры, чем проясняющие дело. Поэтому, очевидно, нет надобности отказать в возможности называться предложениями и тем интонационно законченным высказываниям, где вообще нет словоформ, морфологически приспособленных для функций подлежащего и сказуемого или хотя бы для роли такого члена предложения, который осторожно называют просто главным членом.

Что представляют собой главные члены предложения, вообще до сих пор не совсем ясно.

Между тем как бы ни были разноречивы признаки, характеризующие синтаксическую единицу, которую мы привыкли считать предложением, очевидно, при анализе текста всегда приходится основываться на определенной иерархии этих признаков, установление же этой иерархии зависит как от задач анализа, так и от структурных особенностей языка, подвергаемого анализу.

Любой текст членится на отрезки, обладающие известной структурной автономностью, обусловленной тем, что входящие в каждый из данных отрезков слова формально связаны друг с другом (т. е. находятся в определенной выраженной формальными средствами зависимости) и не связаны со словами, находящимися за пределами данного отрезка.

В языках, подобных русскому, с развитой системой морфологических средств связи между словами, морфологические показатели правомерно кладутся в основу выделения предложений, хотя в самих определениях данной синтаксической единицы эти признаки не всегда даже упоминаются.

Рассмотрим в качестве примера такой отрывок (это начало рассказа Чехова «Анна на шее»):

> После венчания не было даже легкой закуски; молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал. Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев — поездка на богомолье за двести верст. Многие одобряли это, говоря, что Модест Алексеич уже в чинах и не молод и шумная свадьба могла бы, пожалуй, показаться не совсем приличной; да и скучно слушать музыку, когда чиновник пятидесяти двух лет женится на девушке, которой едва минуло восемнадцать. Говорили также, что эту поездку в монастырь Модест Алексеич, как человек с правилами, затеял собственно для того, чтобы дать понять молодой жене, что и в браке он отдает первое место религии и нравственности.

Прежде чем рассмотреть, на какие отрезки членится данный текст и какими особенностями характеризуются соответствующие единицы, остановимся вкратце на вопросе, вообще заслуживающем большего внимания, чем то, которое ему обычно уделяется, а именно на вопросе о том, почему данный текст воспринимается как связный текст. Ведь если приходится говорить о членимости отрывка, предполагается, что сам он представляет собой определенное синтаксическое целое.

Очевидно, существуют какие-то особенности связного текста, которые позволяют отличить его от набора случайно объединенных отдельных фраз и могут быть, следовательно, обнаружены и определены.

Передавая реальную внеязыковую связь действий, событий, ситуаций, оценок, подлежащих сообщению, связный текст, естественно, должен определенным образом отражать и выражать эту связь.

Легче всего заметить некоторые особенности лексической организации связного текста. Развитие той же «темы» в какой-то мере обусловливает понятие слов определенной тематической группы на протяжении текста. Таковы, например, в приведенном отрывке лексемы: *венчание, молодые, свадебный бал, свадьба, женится, жена, брак; закуска, выпили по бокалу, ужин; ср. поехали на вокзал, поездка на богомолье, поездка в монастырь, религия и нравственность* и т. п.

Однако степень семантического «притяжения» слов различных тематических групп, их влияния друг на друга (например, на проявление у многозначного слова того или иного значения в контексте; ср. в приведенном отрывке: *молодые выпили по бокалу*, и следующее же упоминание об одном из этих «молодых» звучит так: *Модест Алексеич уже в чинах и не молод*) пока еще почти не изучены. Трудно ответить с достаточной определенностью и на вопрос о том, где же граница притяжения, семантического «согласования» и, напротив, отталкивания, семантической несовместимости лексем различных групп.

Помимо разнообразных дейктических элементов и различных средств собственно синтаксической связи (союзы, союзные слова и т. д.) связный текст характеризуется и такими чертами грамматической организации, как согласование (в широком смысле) форм времени, основанное на создании общей временно́й перспективы повествования или сообщения, и как соотнесение субъектов действий и состояний, основанное на их различении и отождествлении, и т. п. Так, в приведенном отрывке *Модест Алексеич* — это один из «молодых», хотя он «уже в чинах и не молод», в специальном указании на это читатель не нуждается.

В книге «Русский язык» В. В. Виноградов заметил: «Было бы осторожнее вместо сочинения и подчинения предложений говорить (как это предлагал акад. А. А. Шахматов) о разных видах сцепления предложений и о разных степенях их зави-

симости, выражаемых союзами и другими грамматическими средствами: формами наклонения, формами относительных времен, порядком слов, местоименными словами, интонацией и т. п».[2] Роль этих средств и их взаимоотношения друг с другом не изучены с необходимой полнотой, однако многое здесь начинает проясняться как благодаря исследованиям, специально посвященным сверхфразовым единствам (работы Н. С. Поспелова, И. А. Фигуровского, В. П. Николаева, Г. Я. Солганика, И. П. Севбо и др.), так и благодаря некоторым исследованиям, касающимся порядка слов и проблем актуального членения (И. П. Распопова, И. И. Ковтуновой, О. А. Лаптевой и др.). Для нас важно сейчас отметить, что, как показывают эти исследования, степень интонационной и структурной «самостоятельности» отдельных предложений в связном тексте неодинакова, это сказывается и на соотношении временны́х форм, и на особенностях словорасположения в различных предложениях, и на возможности «опущения» тех или иных их членов. Вместе с тем выделение соответствующих отрезков текста именно как предложений в большей части случаев не вызывает сомнений, хотя при этом теоретические предпосылки выделения данной единицы синтаксиса часто совершенно различны. Другими словами, в настоящее время гораздо меньше споров и сомнений вызывает квалификация тех или иных отрезков текста как предложений, несмотря на различную степень их «самостоятельности» и «независимости от контекста» (как семантической, так и формальной), чем попытки дать определение самого понятия «предложение» и указать на его признаки.

Сказанное объясняет, почему нам представляется возможным начать именно с разбиения текста на такие отрезки, которые могли бы соответствовать какому-то определению предложения, не предлагая предварительно самого этого определения.

В приведенном выше отрывке такими отрезками текста, по-видимому, являются следующие:

(I) После венчания не было даже легкой закуски;
(II) молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал.
(III) Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев — поездка на богомолье за двести верст.
(IV) Многие одобряли это, говоря, (что)
(IV_1) Модест Алексеич уже в чинах и не молод
(IV_2) и шумная свадьба могла бы, пожалуй, показаться не совсем приличной;
(IV_3) да и скучно слушать музыку, (когда)
($IV_{3а}$) чиновник пятидесяти двух лет женится на девушке,

[2] *В. В. Виноградов.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 708.

(IV_{3aa}) которой едва минуло восемнадцать.
(V) Говорили также, (что)
(V_1) эту поездку в монастырь Модест Алексеич, как человек с правилами, затеял, собственно, для того, чтобы дать понять своей молодой жене, (что)
(V_2) и в браке он отдает первое место религии и нравственности.

Совершенно ясно, что семантическая «достаточность» этих отрезков различна. Различна и степень их формальной спаянности друг с другом. Первое обстоятельство существенно для определения роли каждого из этих отрезков в составе синтаксического целого. Второе служит основанием для разграничения простых и сложных предложений, т. е. признается решающим при собственно синтаксической характеристике соответствующих конструкций.

Если отвлечься от всех этих различий, а также и от того, что некоторые из выделенных отрезков представляют собой интонационно (и по смыслу) несамостоятельные части более сложных объединений (т. е. являются компонентами «сложных предложений»), можно попытаться ответить на следующий вопрос: что же все-таки общего между этими отрезками текста, что делает возможным (если это действительно возможно) их выделение и сопоставление? Если при этом игнорировать и наличие союзов (в том числе местоименно-замещающих), то, очевидно, ответ может быть такой: при всем несходстве, неодинаковой степени семантической самостоятельности выделенных отрезков текста, общим для них является то, что каждый из этих отрезков характеризуется определенной структурной целостностью. Те формальные связи между словоформами, которые существуют и действуют внутри этих отрезков, перестают действовать за их пределами, где возникают отношения уже совершенно иного рода.

Легко заметить, что в каждом из выделенных отрезков есть такие словоформы, которые определяют структурную целостность этих отрезков, их способность быть коммуникативными единицами. Кроме того, даже в таком небольшом по объему тексте, как данный, роль предикативно значимых (составляющих «основу» предложения) компонентов выполняют очень разные по морфологической принадлежности и оформленности слова. Это и спрягаемые формы глагола, соотнесенные как с именительным падежом имени (*молодые выпили...*; *многие одобряли*; *свадьба могла бы...* и т. д.), так и с родительным (*не было закуски*), или же выступающие в независимой позиции (*говорили*); это и инфинитив в сочетании с предикативным наречием на *-о* (*скучно слушать*), и именные формы, по-разному объединенные друг с другом (*Модест Алексеич в чинах и не молод*; *вместо бала и ужина... поездка*). Поскольку синтаксическая структура

предложений определяется прежде всего особенностями вступающих в предикативные отношения словоформ, возникает необходимость определения последних и их роли в организации предложений разных типов.

Относительно синтаксической роли некоторых из этих словоформ и соответственно квалификации организуемых ими предложений обычно не возникает разногласий. Таковы прежде всего двусоставные предложения, в которых предикативный центр образуется именительным падежом имени и согласованной с ним личной формой глагола; например: *молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал*; если не останавливаться на том, что такое предложение может быть определено или как «простое с однородными сказуемыми» или же — в соответствии с более старой традицией — как «слитное», то его строение в основном интерпретируется достаточно однозначно. Именно предложения такой структуры и являются основой имеющего длительную (довольно сложную) историю учения о членах предложения.

При рассмотрении различных типов подлежащно-сказуемостных конструкций неоднократно ставился вопрос, связанный с тем, которого мы касались выше: какой из двух главных членов предложения определяет тип конструкции, ее основные структурные особенности.

В последнее время решение этого вопроса нередко связывается с такой концепцией глагольного управления, согласно которой глагол рассматривается как центр предложения, равно «управляющий» как дополнениями, так и подлежащим. Известные основания для такой концепции глагольного управления есть — они в особенностях самой глагольной семантики. В отличие от всех других частей речи глагол обозначает ситуацию; последняя сама по себе предполагает то или иное участие (или невозможность участия) в ней (а следовательно, и определенное соотношение) различных лиц и предметов. Так, ситуация, обозначаемая глаголом *обмениваться,* предполагает такие актанты, которые должны быть выражены формами именительного, творительного и творительного с предлогом *с* падежей имен (*Брат обменивается марками с приятелями*); ситуация, обозначаемая глаголом *предпочитать,* предполагает выражение актантов именительным, родительным и дательным падежами имен и т. д. Равным образом ситуация, обозначенная глаголом *мерзнуть,* предполагает только субъект действия, выраженный формой имени в именительном падеже, а ситуация *нездоровится* — косвенное выражение субъекта формой имени в дательном падеже.

Вместе с тем очевидно, что признание за глаголом центральной роли в предложении не открывает перспективы для установления общей типологии предложений из-за той значительной роли, какую играют в языках, подобных русскому, безглаголь-

ные предикативные конструкции. Огромная масса разнообразных безглагольных предложений, классификация и анализ которых и представляют главную трудность для описательного синтаксиса русского языка, попросту не рассматривается при таком подходе или в лучшем случае часть из них подводится под рубрики тех или иных трансформаций.

Утверждение же, что глагол «управляет» подлежащим точно так же, как и любым дополнением, ставится под сомнение тем фактом, что тот же глагол, выступая в форме инфинитива, сохраняет все особенности своего управления, за исключением именно «управления» подлежащим, поскольку в таких случаях он или зависит от другого глагола, или сам выступает в роли подлежащего (*Обмениваться марками с приятелями — брату становилось все труднее*; ср.: *Обмениваясь марками с приятелями, брат собрал большую коллекцию; Обмениваясь марками с приятелями, братья собрали большую коллекцию* и т. п.). Таким образом, приходится признать, если придерживаться указанной точки зрения, что главенствующая роль в предложении принадлежит только личным формам глагола, т. е. формам, как правило, выступающим в позиции сказуемого, или же считать, что эта роль связана не с глаголом как таковым, а именно с позицией сказуемого. Во всяком случае отсюда следует, что распространение действия глагольного управления на подлежащее требовало бы разграничения в «управлении» двух видов: глагольного «управления» в о о б щ е, т. е. управления, которое не зависит от морфологической формы и синтаксической позиции данного глагола, и «управления», обусловленного формой и позицией глагола. Совершенно очевидно, что такое разграничение было бы в конечном счете равносильно признанию принципиально различной природы дополнения и подлежащего в их отношении к глагольному сказуемому. Тем самым тезис, согласно которому глагол-сказуемое «управляет» подлежащим, как и любым дополнением, сводится к омонимическому употреблению термина «управление».

Вряд ли этот тезис становится убедительнее, если он будет поставлен в связь с положением о «первичности» в системе синтаксиса номинативно-глагольных конструкций. Роль последних не подлежит сомнению, но, принимая их за некую точку отсчета при классификации различных синтаксических конструкций в современном русском языке, мы все-таки, по-видимому, в значительной степени исходим не из реальных соотношений, а из сложившегося представления о подлежащно-сказуемостной структуре как основе предложения вообще. Между тем, каков бы ни был удельный вес номинативно-глагольных конструкций в синтаксисе, их соотношение с другими конструкциями не может быть удовлетворительно объяснено при помощи предположений о разного рода трансформациях, «нулевых сказуемых» и т. п., тем более что определение самих главных членов предложения до сих пор остается не вполне бесспорным.

Чем больше внимание исследователей синтаксиса привлекали к себе различные явления разговорной речи, тем больше обнаруживалось таких предложений или их «эквивалентов», которые не могут быть описаны в обычных терминах «членов предложения». Получило признание и распространение мнение, что в языке существуют типы предложений, к которым «вообще неприменимо понятие членов предложения» [3]. Вместе с тем очевидно, что для того, чтобы принять такую точку зрения, необходимо точно знать, какие синтаксические единицы должны рассматриваться как подлинные «члены предложения», и в первую очередь как главные члены, т. е. подлежащее и сказуемое. В зависимости от нашего понимания этих категорий мы сможем также решить, правомерно ли считать, что в предложении может быть только подлежащее при отсутствии сказуемого (или только сказуемое при отсутствии подлежащего), а следовательно, решить, можно ли дать соответствующую синтаксическую характеристику главному члену односоставного предложения.

В ряде случаев строение и явно двусоставных предложений не совсем ясно с точки зрения определения в них подлежащего и сказуемого и нередко оценивается по-разному, в зависимости от того, какая роль отводится различным критериям их выделения. Как обычно характеризуется подлежащее и сказумое?

Во-первых, констатируется различие в грамматической самостоятельности различных единиц предложения, при этом чаще отмечается грамматическая независимость подлежащего и соответственно зависимость сказуемого от подлежащего. Во-вторых, указывается на то, что́ обозначается подлежащим и что́ — сказуемым (подлежащим обозначается «предмет речи», а сказуемым — «то, что сообщается об этом предмете»). В-третьих, указывается на то, чем может быть выражено подлежащее и чем — сказуемое (подлежащее выражается «именем существительным, личным местоимением, любой субстантивированной частью речи в форме именительного падежа, а также инфинитивом», сказуемое — «глаголом в разных формах или любой знаменательной частью речи в сочетании с наличной связкой или без связки»). В-четвертых, отмечается, что подлежащее «часто выражает» субъект, а сказуемое — предикат логического суждения.

Нетрудно заметить, что ни одним из этих признаков не обладают все единицы предложения, которые обычно расцениваются как подлежащие и сказуемые. Например, в «Синтаксисе», изданном Московским университетом, именно перечисленные признаки указаны при характеристике главных членов предложения [4], но

---

[3] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 87; ср.: *В. Ф. Киприянов.* Нечленимые предложения в русском языке как особый структурный тип простого предложения.— РЯШ, 1961, № 5, и др.

[4] См.: «Современный русский язык. Синтаксис». Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. Изд. МГУ, 1957.

там же рассмотрен целый ряд случаев, которые никак не позволяют при определении структуры предложения использовать указанные признаки.

Возьмем первый признак — грамматическую независимость подлежащего и зависимость от него сказуемого. Когда эта зависимость (и соответственно независимость) проявляется в формах согласования сказуемого с подлежащим, указанный признак может быть принят во внимание. Но ведь в предложении *Сидеть в темной комнате скучно,* в котором авторы университетского «Синтаксиса» видят подлежащее, выраженное инфинитивом, и сказуемое, выраженное «безлично-предикативным словом», оба главных члена грамматически независимы. Более того, по мнению авторов «Синтаксиса», «при другом порядке слов предложение структурно меняется: если на первом месте стоит безлично-предикативное слово, а к нему примыкает зависимый инфинитив, который без него не может употребляться, причем предложение не членится на два состава, то инфинитив вместе с безлично-предикативным словом будет выполнять функцию сказуемого в безличном предложении»[5]. Таким образом, оказывается, что в предложении *Скучно сидеть в темной комнате,* а следовательно, и в предложении *Скучно слушать музыку, когда...* из приведенного выше отрывка уже нет подлежащего, что инфинитив «может быть подлежащим» только «при условии возможности членения предложения и при наличии особой интонации и определенного порядка слов»[6]. Следовательно, вводятся совершенно новые, именно для истолкования данного случая, признаки подлежащего и сказуемого — «возможность членения предложения», интонация, порядок слов. Раз так, значит, признак грамматической зависимости сказуемого от подлежащего никак не определяет ни подлежащее, ни сказуемое. Если бы мы исходили не из заранее сложившегося представления о природе последних, мы должны были бы исключить указанный признак из определения или же, будучи последовательными, рассматривать предложения, где нет указанного признака, как предложения, в которых, следовательно, нет подлежащего со сказуемым.

Таким образом, в тех случаях, когда предикативный характер связи слов не задан уже сам по себе их морфологической характеристикой, как это имеет место в предложениях, где соединение именительного падежа имени со спрягаемой формой глагола не может не образовывать предикативного словосочетания, порядок слов становится основным показателем наличия в предложении подлежащего и сказуемого. То, что с порядком слов может быть связано предикативное членение словосочетания, хорошо известно (ср. сочетания вроде *большой дом* и *дом большой*). Но может ли в самом предложении — в зависи-

[5] Там же, стр. 138.
[6] Там же.

мости от расположения сочетающихся словоформ — то появляться, то исчезать подлежащее — это вопрос, на который нет однозначного ответа. Синтаксическая природа именно сочетаний инфинитива и предикативных наречий на *-о* оценивалась различными исследователями, как известно, по-разному.

Напомним, что А. А. Шахматов, обратившись к сочетаниям инфинитива со спрягаемым глаголом или наречием вроде *уехать не удастся, кататься весело,* заметил, что такие предложения «можно рассматривать как безличные односоставные предложения с инфинитивом в качестве дополнительного члена; но такое понимание затрудняется теми общими определениями, которые были даны выше значению безличных предложений. Если главный член безличного предложения соответствует сочетанию признака с представлением о его наличности, то значение слова *удастся* должно было бы исключать возможность дополнения его названием признака *уехать,* так как его значение соответствует утверждению того, что признак *удастся* осуществится сам по себе, а не в зависимости и не в связи с другим признаком; равным образом в предложении *здесь весело* название признака *весело* явно иной природы, чем в предложении *кататься весело...* Ввиду этого и приняв во внимание смысловую близость приведенных предложений к таким, как *отъезд не удастся, катание на тройках было веселое,* я думаю, что *удастся, весело* близки по своей грамматической природе к сказуемым, откуда следует, что инфинитивы *уехать, кататься* близки по значению к подлежащим»[7]. Указывая, что рассмотренные предложения являются расчлененными, соответственно двусоставными, А. А. Шахматов не считает, однако, возможным назвать их главные члены подлежащим и сказуемым, оставляя за ними обозначения «главный член господствующего состава» и «главный член зависимого состава». Далее, сопоставив предложения *кататься весело* и *весело кататься,* А. А. Шахматов отмечает «различие в их значениях». Однако «это различие не грамматическое, а психологическое, — пишет он, — в первом предложении на первое место выдвинуто представление *кататься*, во втором представление *весело*; в обоих предложениях установлены в центре внимания различные представления, но отношения между представлениями остались те же и в первом и во втором случае. Господствующим представлением является представление об активном признаке, о действии, движении, зависимым — представление о его осуществлении, о результате действия, его обнаружении или вообще представление о состоянии»[8].

Против того, чтобы не считать указанное различие грамматическим, выступил В. В. Виноградов, замечая, что «тут в угоду теории делается явное насилие над непосредственным восприя-

---

[7] *А. А. Шахматов.* Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 133—134.
[8] Там же, стр. 134—135.

тием и пониманием грамматических фактов, над речевой семантикой»[9].

В академической «Грамматике» 1954 г. об этих сочетаниях было сказано следующее: «Предикативные наречия, обозначающие состояние, могут сочетаться с инфинитивом, образуя вместе с ним сложное сказуемое, напр. *весело кататься, грустно признаться, жаль расстаться, лень ехать, обидно было возвращаться, пора вернуться, стыдно слушать, грех обижаться.* Инфинитив обычно находится в постпозиции...

Инфинитив может находиться и в препозиции, но произноситься с предикативным наречием слитно, без паузы, напр. *слушать совестно, признаться горько, спросить неудобно...* (т. II, ч. 2, стр. 30).

Здесь же дано примечание: «Если препозитивный инфинитив отделен от предикативного наречия на *-о* паузой и называет действие или состояние, которое оценивается, определяется или характеризуется следующим за ним предикативно-безличным словом, то такое предложение является двусоставным, инфинитив выступает в роли подлежащего, а предикативное слово в роли сказуемого, напр.: *Кататься — весело; Обманывать стыдно; Возвращаться обидно...*» (там же).

Против подобной трактовки указанных предложений выступил голландский лингвист К. Л. Эбелинг. Он писал: «Мы не видим разницы между этими предложениями и предложениями с глагольным сказуемым: в *Лают собаки* в сравнении с *Собаки лают* никто не усомнится назвать *собаки* подлежащим, а *лают* сказуемым, несмотря на обратный порядок. Мы не отрицаем, конечно, что порядок слов соответствует известным семантическим феноменам. Простейший способ указать на эти оттенки значения — это перевести данные предложения на английский: *Собаки лают* значит „dogs bark" или „the dogs are barking", тогда как *Лают собаки* может быть передано как „there are dogs barking" или „the animals which bark are dogs". Очевидно, различие относится скорее к „психологическому" анализу предложения, чем к его грамматической структуре»[10].

К. Л. Эбелинг соглашается вместе с тем, что порядок слов может определять, какой из двух главных членов предложения является подлежащим и какой — сказуемым в предложениях, в которых оба члена «эквивалентны»; например, *Амстердам — столица Голландии* в сопоставлении с *Столица Голландии — Амстердам*, но решительно отвергает возможность того, чтобы изменение порядка слов «выделило» подлежащее в предложениях

---

[9] *В. В. Виноградов.* «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1956, стр. 97.

[10] *C. L. Ebeling.* Subject and predicate, especially in Russian. «Dutch Contributions to the Forth International Congress of Slavicists». Mouton & Co (1958), стр. 8—9.

вроде *Весело кататься,* где, согласно академической «Грамматике», вообще нет подлежащего.

Высказывались и другие соображения о синтаксической природе данных конструкций. Например, П. А. Лекант считает, что «вопрос о членимости рассматриваемых предложений и их принадлежности к двусоставным или односоставным должен решаться на основе анализа синтаксических отношений между инфинитивом и словами категории состояния». Он отмечает, что «если слово категории состояния не выражает оценочно-характеризующего значения по отношению к инфинитиву и если предикативные отношения не обнаруживаются, то предложение не имеет признака двусоставности. В таком предложении слово категории состояния выражает состояние, которое сопровождает действие, названное в инфинитиве» [1].

Таким образом, для распознания наличия в предложении подлежащего требуется специальный (семантический по существу) анализ. Однако и в результате такого анализа не достигается безостаточное разбиение конструкций, образованных указанными словоформами. Как отмечает П. А. Лекант, наряду с собственно безличными и двусоставными предложениями существует «категория переходных конструкций, совмещающих элементы безличности и двусоставности». Для них характерны: во-первых, полнота лексического значения слов категории состояния, отсутствие грамматизации (свойственно двусоставным); во-вторых, преобладание значения состояния (свойственно безличным); в-третьих, отсутствие четко выраженных отношений «определяемое—определяющее» между инфинитивом и словом категории состояния; например: Так было *странно глядеть* на эти альбомы. *Жутко* первое время было в цепи *стоять* [2].

В то же время признается известное влияние порядка слов на характер конструкций, образованных сочетанием указанных словоформ. Как пишет П. А. Лекант, «некоторые факторы могут „склонять" данные предложения в ту или другую сторону, т. е. подчеркивать свойства безличности или двусоставности. Препозиция инфинитива, пауза, расчленяющая предложение, интонационное выделение слова категории состояния усиливают оценочное значение переходной конструкции, сближают ее с двусоставной; например: *Ехать было жарко,* небо безоблачное... *Идти* дальше *не было сил*... Постпозиция инфинитива, отсутствие расчленяющей паузы, наличие дательного со значением лица, испытывающего состояние, усиливают безличное значение конструкции; например: Мне *холодно было высунуть* шею из воротника. Ему *было неудобно лежать...*» [3].

---

[1] *П. А. Лекант.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974, стр. 95—96.

[2] Там же, стр. 97. Ср.: *В. В. Бабайцева.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967, стр. 352 и сл.

[3] *П. А. Лекант.* Указ. соч., стр. 98.

Существование в языке «переходных», «промежуточных» явлений, не отвечающих общим критериям разграничения тех или иных единиц, не вызывает сомнения. Но в данном случае дело осложняется тем, что самые критерии отграничения предложений, содержащих подлежащее и сказуемое, от образованных сочетанием тех же словоформ безличных предложений выдвигаются специально для данных конструкций; при этом оказывается, однако, что есть еще и конструкции, которые и не содержат подлежащего со сказуемым и не являются вполне безличными, а только при определенных условиях могут как бы приближаться то к двусоставным, то к безличным.

Установление разных типов рассматриваемых конструкций, основанное на тонком анализе семантических отношений, существующих между образующими их словоформами, само по себе ценно и интересно. Но выдвигаемые в связи с этой классификацией признаки подлежащно-сказуемостных отношений, поскольку они оказываются дополнительными относительно признаков этих отношений в других случаях, не могут не привести к мысли о некоторой если не «схоластичности», то по крайней мере известной неопределенности категорий подлежащего и сказуемого, как они по традиции очерчиваются. Это тем более показательно, что, как мы видели, синтаксическая характеристика рассматриваемых предложений (именно в том, что касается определения их главных членов) у разных исследователей оказывается совершенно различной.

Таким образом, когда в предикативную связь вступают неизменяемые словоформы, отношения между ними с трудом подводятся под те отношения, которые определяются как отношения между главными членами предложения. Но и при наличии в предложении глагольной связки, способной регулировать эти отношения, формы согласования главных членов в ряде случаев оказываются противоречивыми и не совпадают с другими из указываемых признаков. Ср.:

Главное наше оружие было — топор и лопата (С. Антонов, На военных дорогах) и:

Главным нашим оружием были топор и лопата.

Ср. также:

Поза моя — было величие (Чехов, Тысяча одна страсть) и: *Поза его была — шик...* (Чехов, Скверная история) и мн. др.

Понятно, что и получившая распространение в последнее время прямо противоположная точка зрения на соотношение подлежащего и глагольного сказуемого, о которой уже упоминалось выше, не применима к предложениям такого рода.

Как отмечалось выше, определение подлежащего и сказуемого обычно не бывает ограничено их морфологической характеристикой. Оно включает в себя также их содержательную характеристику: подлежащее — это «то, о чем говорится в предложе-

нии», сказуемое — «то, что говорится о подлежащем». Это, представляющееся теперь несколько наивным, школьное определение главных членов предложения неоднократно подвергалось всевозможным модификациям и усовершенствованиям, но, в общем, благополучно дожило до наших дней [14].

Вот, например, как определяется подлежащее в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966): «Главный член двусоставного предложения, грамматически не зависимый от других членов предложения и указывающий на то, к чему относится информация, содержащаяся в сказуемом, т. е. слово или сочетание слов, обозначающее тот предмет мысли, по отношению к которому определяется и выделяется содержание высказывания, связанное с предикацией». О сказуемом там сказано так: «Слово (или сочетание слов), выражающее предикацию и функционирующее поэтому в качестве центрального конституирующего члена предложения; в двусоставном предложении оно грамматически зависит от подлежащего».

Но действительно ли подлежащее — это «то, о чем говорится в предложении», или, выражаясь более современно, тот главный член предложения, который «указывает на то, к чему относится информация, содержащаяся в сказуемом», а сказуемое — «то, что говорится о подлежащем»? Нет надобности останавливаться на том, что в любом тексте найдутся фразы, в которых основная информация заключена не в самих главных членах предложения, а во второстепенных, зависящих от них членах, например: *Тяжелые, холодные* тучи лежали *на вершинах окрестных гор*; *лишь изредка умирающий* ветер шумел *вершинами тополей, окружающих ресторацию; Узкая* тропинка вела *между кустами на крутизну;* обломки скал составляли *шаткие ступени этой природной лестницы* (Лермонтов, Герой нашего времени) и т. п. Семантическая недостаточность некоторых глаголов вообще давно обращала на себя внимание, и зависящие от таких глаголов словоформы обычно также рассматривались как часть сказуемого. То же, конечно, относится и к словам, выступающим в роли подлежащего. Не касаясь пока этого вопроса, рассмотрим содержательную сторону подлежащего и сказуемого, как если бы речь шла не только о них самих, но и о зависящих от каждого из них

---

[14] Ср. в «Грамматике русского языка» 1954 г.: «Подлежащее — это главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложения, выражаемый обычно именем существительным, местоимением или другим склоняемым словом в форме именительного падежа и обозначающий предмет (в широком смысле этого слова), признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется в сказуемом» (т. II, ч. 1, стр. 370); «Сказуемое — это главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего, обычно выражающийся личной формой глагола, именем существительным, именем прилагательным или причастием и обозначающий признак (действие, состояние, свойство, качество) того предмета, который выражен подлежащим» (стр. 386—387).

членах предложения, т. е. о группе подлежащего и о группе сказуемого.

Нетрудно убедиться в том, что и при таком широком истолковании роли подлежащего и сказуемого в организации смысла предложения — приведенное определение вызовет ряд сомнений — мы без труда обнаружим в любом тексте предложения, где подлежащее с относящимися к нему словами принимает на себя выражение определенной части информации о том событии, ситуации, о которых сообщается в предложении. Ср: Играют с азартом. *Самый большой азарт* написан на лице у Гриши (Чехов, Детвора); В город Д., в отдельном купе первого класса, прибыл на гастроли известный чтец и комик г. Фениксов-Дикобразов-2й. Все, встречавшие его на вокзале, знали, что *билет первого класса* был куплен для форса лишь на предпоследней станции, а до тех пор *знаменитость* ехала в третьем... (Чехов, Средство от запоя).

Само слово, выступающее в функции подлежащего, может быть экспрессивно значимым, т. е. уже включать в себя определенный признак предмета (*знаменитость ехала*). Понятно, что в таком случае «признак», который приписывается в предложении предмету, находит свое частичное выражение уже в подлежащем.

Распределение информации между составом подлежащего и составом сказуемого зависит от их лексического состава и определяется в конечном счете тем, как выражено их смысловое соотношение в данном конкретном предложении: Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но *воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города* совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем (Чехов, Остров Сахалин). Ср. такого рода примеры: Баба она, что и говорить, упорная, настойчивая, *блажь ли, не блажь ли* в голову *толкается* — всего достигнет (Ю. Арбат, Светлый Север); Прошел еще год, и Иван Петрович вдруг захилел, ослабел, опустился; здоровье ему изменило. *Вольнодумец — начал* ходить в церковь и заказывать молебны; *европеец — стал* париться в бане, обедать в два часа, ложиться в девять, засыпать под болтовню старого дворецкого; *государственный человек — сжег* все свои планы, всю переписку, трепетал перед губернатором и егозил перед исправником; *человек с закаленной волей — хныкал* и жаловался, когда у него вскакивал веред... (Тургенев, Дворянское гнездо).

Хорошо известные примеры, когда подлежащее совпадает не с темой, а с ремой высказывания, сказуемое же — с его темой, также придают приведенному определению характер скорее постулата, чем обобщения наблюдаемых фактов. Примеры слитного обозначения события глаголом и существительным (прежде всего, когда существительное само обозначает процесс, событие,

состояние) в свою очередь требуют дополнительных оговорок, ср. *шел дождь, раздался смех, заседание началось* и т. п.

Распределение информации, выраженной отдельными частями предложения, во всех этих случаях резко отличается от того распределения, которое предполагается его субъектно-предикатной интерпретацией, лежащей в основе указанного определения.

Существенно, конечно, и другое соображение, неоднократно высказываемое. Если подлежащее обозначает «предмет речи», а сказуемое — «то, что сообщается о предмете речи» (т. е. за сказуемым закреплено выражение модально-предикативных отношений), то у нас нет оснований утверждать, что предложения *Есть книга* и *Нет книги* или *Дорогу размыл ливень, Дорогу размыло ливнем* и *Дорога размыта ливнем* различны по своему составу. Следовательно, сам по себе этот признак явно недостаточен и требует ссылки на те грамматические формы слов, которыми может быть выражен каждый из главных членов предложения.

Здесь опять-таки обнаруживаются трудности, поскольку, как только мы переходим к анализу предложений вроде тех же *Сидеть в темной комнате скучно, Скучно слушать музыку,* простого перечня частей речи и форм слов оказывается тоже недостаточно, неожиданно появляются ссылки на логическую членимость предложения, на порядок слов и интонацию. Но закономерен вопрос: каковы же (если они вообще есть) безусловные признаки главных членов предложения? Ведь нетрудно заметить, что каждый из перечисленных выше признаков сам по себе недостаточен для их определения во всех тех конструкциях, в которых в соответствии с традицией принято их выделять. А следовательно, эти признаки могут быть обнаружены лишь тогда, когда мы уже знаем, что такое подлежащее и что такое сказуемое, а в нашу задачу входит только описание их наиболее характерных особенностей.

Возникает вопрос: может быть, для нас несомненно, что предложение *Мальчик играет* состоит из подлежащего и сказуемого не потому, что члены этого предложения полностью соответствуют определению подлежащего и сказуемого, а потому, что само определение приспособлено для предложений такого типа, структура которых дает основание видеть в подлежащем выражение логического субъекта, а в сказуемом — выражение логического предиката?

То, что имя в именительном падеже выступает как подлежащее, а связанная с ним спрягаемая форма глагола (одна или в сочетании с зависящими от нее словами) — как сказуемое, является одной из наименее подвергаемых сомнению аксиом синтаксиса. Собственно, термины п о д л е ж а щ е е и с к а з у е м о е являются своего рода синтаксическими масками соответствующих морфологических обозначений, но такими масками, которые различные режиссеры синтаксического анализа стремятся приложить (не подойдут ли?) к другим морфологическим формам,

вступающим на синтаксическую сцену, как только в их роли обнаруживается нечто общее с ролью первых. Здесь чувство реальности нередко отступает перед чувством уважения к традиции.

Во-первых, маски постепенно начинают приниматься за подлинные синтаксические сущности. Хотя роль их давно пересмотрена (подвергнуты сомнению и в целом отвергнуты как логические, а не грамматические основания для их выделения: «подлежащее — то, о чем сообщается в предложении», «сказуемое — то, что сообщается о подлежащем» и т. п.), морфологические характеристики продолжают подменяться различными синтаксическими псевдонимами, которые подыскиваются для их определения. Возникают предположения о некоей позиционной совместимости и заместимости однородных членов предложения, в том числе подлежащего и сказуемого,— предположения эти действительно помогают установить однородность членов предложения, но, к сожалению, как раз в наименьшей степени «подлежащего» и «сказуемого» в их морфологически разнородном выражении. Возникают предположения о роли порядка слов при определении некоторых видов подлежащего и сказуемого, что никак уже не согласуется с признанием их независимости от местоположения в других случаях.

Становится, во-вторых, неясным самый статус подлежащего и сказуемого как главных членов любого предложения: может ли предложение быть без подлежащего, но со сказуемым, или без сказуемого, но с подлежащим, или вообще быть без главного члена? Эта неясность будто бы устраняется при помощи введения понятия просто «главный член предложения», член, который не является ни подлежащим, ни сказуемым, или же устраняется квалификацией этих предложений как «бессказуемостных» или «бесподлежащных», что как будто снимает вопрос о возможности или невозможности независимого выполнения той или иной формой функции подлежащего или сказуемого.

В результате нам приходится довольствоваться таким определением главных членов предложения, которое в ясных случаях, в общем, дублирует морфологические обозначения словоформ, в других же случаях остается спорным, а иногда представляется как бы и невозможным [15].

---

[15] Ср. признание двузначными в этом плане инфинитивно-именных предложений вроде *Моя мечта — поехать на Север* И. П. Распоповым («Очерки по теории синтаксиса». Воронеж, 1973, стр. 86). Наоборот, предложениями *Мечта моего сына — стать художником, Стать художником — мечта моего сына* в академической «Грамматике русского языка» (1954) иллюстрируется роль порядка слов «как способа различения грамматических подлежащего и сказуемого предложения или как средства выделения подлежащего» (т. II, ч. 1, стр. 93).

«Двойственная ситуация», по словам И. П. Распопова, «остается неразрешимой также, в частности, в предложениях, включающих в свой состав два именительных падежа однородных (т. е. в данном случае одинаковых

Хорошо известно, как исторически формировались рассматриваемые понятия в синтаксисе. Понимание их менялось, они истолковывались с разных точек зрения, при этом получилось так, что смена точек зрения не всегда и не во всем вела к последовательной переоценке самих фактов, подвергаемых синтаксическому анализу.

Некоторые единицы предложения заранее считаются нами подлежащим или сказуемым, так как представление о последних уже сложилось у нас, хотя и на основе различных, во многом противоречивых признаков. Когда противоречивость этих признаков становится очевидной, возникает мысль о необходимости более точного определения понятий, но не всегда при этом противоречия действительно устраняются.

Другими словами, подходя к вопросу о подлежащем и сказуемом, мы именно «уже знаем», что такие-то единицы предложения — это подлежащее и сказуемое, в соответствии с чем и пытаемся дать им определение, а затем «уточняем» его, чтобы приспособить к компонентам ряда других предложений, по отношению к которым не столь очевидно, что они грамматические подлежащие или сказуемые. Такой путь был бы приемлем, если бы он всегда был явным. На самом же деле часто он загромождён предвзятыми убеждениями, над источниками которых часто мы не задумываемся.

Считая, что нами строго разграничены логический субъект и логический предикат, с одной стороны, и грамматические подлежащее и сказуемое — с другой, мы, определяя последние, на самом деле вовсе не отказываемся от логических критериев. Можно напомнить хотя бы о тех предложениях, где усматривается «обратное согласование», т. е. согласование связки не с подлежащим, а с «предикативным членом»[16]. Например:

Кабинет его *была* большая, очень высокая комната... (Достоевский, Подросток); *Кабинет* Свияжского *была* огромная комната... (Толстой, Анна Каренина) и т. п.

Отсутствие согласования между членами предложения также не препятствует традиционному выделению подлежащего и сказуемого.

Хотя в таком случае показателями «зависимости» сказуемого от подлежащего иногда признаются порядок слов (следование сказуемого за подлежащим) и интонация[17], нетрудно заметить, что и эти показатели (несущественные при характеристике других предложений, ср. *Мальчик играет* и *Играет мальчик* и т. п.) далеко не всегда допускают вполне однозначную интерпретацию. Возьмем такой пример: Ах, да не в том дело! Какой вы недели-

---

по родовым признакам) существительных, независимо от того, соединяются ли они посредством наличной или нулевой связки».

[16] *В. А. Добромыслов и Д. Э. Розенталь.* Трудные вопросы грамматики и правописания. М., 1955, стр. 177—178.

[17] Там же, стр. 177.

катный, право... Чуть что, сейчас вы о деньгах. *Главное — аккуратность,* Иван Матвеич, *аккуратность главное*! Вы должны приучать себя к аккуратности (Чехов, Иван Матвеич).

Можно ли считать, что в предложениях *Главное — аккуратность* и *Аккуратность главное* изменение порядка слов (и соответственно интонации) приводит к изменению грамматического отношения между словами *главное* и *аккуратность,* что в одном предложении *главное* — подлежащее, а в другом — сказуемое?

Ср. также: Она пришла к нему днем, сказала, что все сроки вышли, пообещала пособить при перевозке. — *Пособить не главное,* — строго отвечал дедушка. — *Главное, обдумать все,* место подобрать правильное (С. Антонов, Дедушка).

Ответив на этот вопрос положительно, мы могли бы признать, что и в предложениях *Мальчик играет* и *Играет мальчик* происходит перемещение главных членов предложения, так как роль словорасположения и интонации в обоих случаях может быть аналогичной. Такая трактовка грамматических подлежащего и сказуемого противоречила бы их исходному определению, а поэтому, конечно, нет оснований для ссылок на порядок слов и интонацию в каких-то отдельных случаях.

Если предположить, что парадигматическая сопоставленность предложений *Аккуратность главное — Аккуратность была главное — Аккуратность была главным; Главное аккуратность — Главное была аккуратность — Главным была аккуратность* и т. п. является достаточным формальным показателем структуры рассматриваемого типа предложений, придется сразу же заметить, что предложения с именительным предикативным далеко не всегда допускают в прошедшем времени замену именительного творительным. Ср.: Об этих излишних людях никто не считал себя обязанным заботиться; нанятые *были другое дело*: о них заботились (Лесков, Соборяне); *Горячка* этот Иван Васильевич (Житков, Волы).

Горячка был этот Иван Васильевич — при невозможности * *были другим делом,* * *горячкой был* и т. п. Таким образом, характеристика данных предложений не поддерживается непосредственно парадигматическими соответствиями.

Вместе с тем для того, чтобы обосновать синтаксическое членение этих и других фраз, формальные грамматические показатели членимости которых недостаточны, нет, по-видимому, смысла выдвигать новые критерии, которые признавались бы существенными только для этих структур и были бы несущественными в других, более ясных, так сказать классических, случаях.

Стремление выделить в основе каждого двусоставного предложения подлежащее и сказуемое и в то же время устойчивое представление о последних как об определенных морфологических словоформах, в то время как двусоставность предложения обусловливается предикативным сочетанием и других словоформ, приводит к дилемме: или расширить представление о

способах выражения подлежащего и сказуемого, или признать, что кроме подлежащно-сказуемостного типа предложений в таких языках, как русский, реально существуют (и играют заметную роль) и иные типы двусоставных предложений, компоненты которых требуют иного обозначения.

Если бы мы попытались подвести под понятия подлежащего и сказуемого все разнообразные типы двухкомпонентных предложений, реально существующих в современном русском языке, перед нами, очевидно, возникли бы затруднения не только терминологического характера.

Так, например, было высказано мнение, что предложения вроде «В купе много народу» состоят из подлежащего (*много народу*) и сказуемого (*в купе*) [18]. Такая трактовка подобных предложений могла бы показаться привлекательной, так как локативные сочетания типа *в купе* действительно часто выступают не только в роли обстоятельственного определителя при глаголах, но и как заместители последних: ср. *Гости сейчас в саду; На улице дождик и слякоть* и т. п. Трудность, однако, заключается в том, что локативные сочетания могут быть одновременно связаны с «однородными членами» различной морфологической принадлежности, в том числе и, например, такими, как *В купе много народу и душно; В купе много народу и дует.* Безличные формы *душно* и *дует* находятся здесь в тех же функциональных отношениях к сочетанию *в купе*, что и сочетание *много народу*, с которым эти формы объединены сочинительной связью. Так как, естественно, форма *дует* не может быть расценена как подлежащее, а *в купе* — как сказуемое, то и оценка предложения *В купе много народу* как подлежащно-сказуемостной конструкции со сказуемым, выраженным сочетанием *в купе*, не представляется убедительной. Ср. такие предложения: В притихшем доме *сумрак, скучно,* на потолке *спят* мухи (Бунин, Первая любовь); В гостиной, как всегда, *холод* и скучно *горят* пахнущие керосином лампы (Бунин, Благосклонное участие); Здесь *пахнет* воском, лекарствами, *тепло, темно и скучно...* (А. Толстой, Петушок).

Параллельность и семантическая соотнесенность ряда конструкций также, по-видимому, не дает оснований считать их однородными в синтаксическом плане. Ср.:

В больнице есть врач — В больнице нет врача;

Врач был в больнице — Врач не был в больнице — Врача не было в больнице;

Город далеко отсюда — До города далеко отсюда;

Он не хотел уезжать — Ему не хотелось уезжать;

Вы бездельничаете, а мы работай — а нам работать.

Ср. также: А *нам*, значит, *погибай*? — закричал Сторублевый. — Значит, *тонуть* (С. Воронин, Две жизни) и т. п.

---

[18] *C. L. Ebeling.* Subject and Predicate, especially in Russian. s'Gravenhage, Mouton, 1958, стр. 38.

Попытка увидеть во всех этих фразах подлежащно-сказуемостную структуру вряд ли была бы оправданной хотя бы потому, что между их членами, которые мы признали бы тем самым одноименными, нельзя было бы обнаружить реального взаимодействия. Смысл терминологического объединения тех или иных компонентов синтаксических конструкций, очевидно, заключается главным образом в том, чтобы отразить их тождественную роль в предложениях и тем самым способствовать классификации последних. Но чтобы определить, что роль тех или иных компонентов предложения тождественна, нужно установить, что они действительно могут выступать в тех же самых синтаксических позициях и в тех же функциях, иначе говоря, могут быть «однородными членами» предложения.

Только по отношению к сравнительно немногим словоформам, которые вступают в предикативную связь друг с другом, можно сказать, что они совместимы таким образом со сказуемым, представленным спрягаемой формой глагола, и подлежащим, представленным именительным падежом имени. Даже словоформы, в общем не вызывающие сомнения в способности выражать подлежащее или сказуемое, не в равной степени могут объединяться друг с другом по способу сочинения, т. е. выполнять в предложении одинаковые синтаксические функции, относиться к одному и тому же члену предложения. Так, можно заметить, что при выражении сказуемого морфологически неоднородные формы сочетаются значительно легче, чем при выражении подлежащего. Вот несколько примеров объединения глагольноличных и различных именных форм, являющихся сказуемыми при одном и том же подлежащем: [Калерия (*задумчиво*).] Все — *спутано... неясно...* и *пугает* (Горький, Дачники); Он *плох* в драке, *чувствителен,* часто *плачет* и *боится* темноты (Куприн, Храбрые беглецы); Трофим *беспечен, груб,* немного *хвастун* и *лентяй* и втихомолку *торгует* казенной водкой (Куприн, На глухарей); Но зато он *смел, знает* лес не хуже любого зверя, *прекрасный стрелок* и *неутомимый охотник* (Там же); Николай Иванович *дома,*— значит, *поссорился* с женой, *надутый* и *будет жаловаться* (А. Толстой, Хождение по мукам) и т. п.

Форма инфинитива, выступая в роли сказуемого, в определенных случаях также может объединяться сочинительной связью с личными глагольными формами, относящимися к тому же подлежащему: Он как захохочет, *да — целовать...* (А. Толстой, Хождение по мукам); ...отпашет он свою полосу, натрескается тюри, *да спать* (Писемский, Леший); Взяли мы с дочкой по лопате, *и ну разгребать* сугроб (Лажечников, Ледяной дом).

По-другому обстоит дело с выражением подлежащего. Сочетание инфинитива с именными формами в этой роли если и возможно (ср.: Главное — *выдержка* и *забыть* обо всем, кроме работы.— Конецкий, Завтрашние заботы), то встречается достаточно редко, да и нельзя быть полностью уверенным, что мы

имеем дело не с «присоединением» самостоятельной инфинитивной конструкции[19]. Следовательно, синтаксическая функция именительного падежа существительных и местоимений в предложениях типа *Мальчик читает*; *Лицо его было сонно и заплакано* (Чехов, Шведская спичка) и даже таких, как *Доктора говорят, что баня для здоровья нехорошо* (Чехов, Оба лучше) или *Он старый председатель, а я —молодо-зелено* (Тендряков, Падение Ивана Чупрова) и т. д., по существу иная, чем функция инфинитива в предложениях вроде *Подойти к брату было страшно* (Горький, Дело Артамоновых); *Однажды обсуждали: этично ли хорошо одеваться*? (Панова, Сентиментальный роман).

Поэтому традиционное отнесение как форм *мальчик, лицо* и др., так и форм *подойти, одеваться* в приведенных предложениях к «подлежащим» не должно восприниматься как свидетельство действительного тождества их синтаксического значения.

Таким образом, общее определение, которое дается обычно подлежащему и сказуемому, или оказывается неприменимым к целому ряду конструкций, или требует уточнений и дополнений, действительных только для отдельных типов предложений.

В приведенном выше отрывке из чеховского рассказа была такая фраза:

Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев — поездка на богомолье за двести верст.

Двухкомпонентность этой фразы (подчеркнутая, кстати, авторским тире) не вызывает сомнения. Между тем и ее оценка с точки зрения подлежащно-сказуемостной модели предложения оказывается не совсем простой. Хотя в этой фразе представлено существительное в именительном падеже, которое может быть квалифицировано как подлежащее, в соответствии с чем второй компонент фразы, выраженный именем в косвенном падеже с предлогом, мог бы быть истолкован как сказуемое, такой «разбор» предложения в общем только в незначительной степени основывался бы на тех признаках подлежащего и сказуемого, которые им обычно приписываются. Действительно, вряд ли можно утверждать, что выделенные таким образом подлежащее и сказуемое отражают соответственно «предмет речи» или «то, о чем говорится в предложении», и «то, что говорится о предмете речи», и т. д. По существу сочетание *вместо веселого свадебного бала...*— это не «то, что говорится» о *поездке на богомолье,* а обозначение того, что «бала не было», обозначение, имплицирующее, однако, указание на что-то другое, функцию которого и выполняет сочетание *поездка на богомолье.* Включение во фразу связки как будто могло бы прояснить взаимоотношения между компонентами с точки зрения их соответствия «главным членам» предложения (*вместо бала была поездка*), но, как кажется, нет оснований утверждать, что такое включение диктуется самой

[19] Ср.: *Главное — выдержка и забыть бы обо всем* и т. п.

структурой данной фразы (ведь фраза в тексте — без связки — отнесена к плану прошедшего и находится в окружении фраз, включающих глагольные формы прошедшего времени).

Если основываться на критерии совместимости словоформ, то такого рода конструкции, по-видимому, полностью исключают сочетание в качестве «однородных членов предложения» имени в форме косвенного падежа с личной формой глагола, которая могла бы подтвердить сказуемостную природу первого. Вместе с тем здесь легко представить себе не только замещение имени в форме именительного падежа (т. е. предполагаемого подлежащего) глагольными формами (*вместо веселого бала поехали на богомолье* и т. п.), но и ее совмещение с глагольными предложениями. Ср.: *Вместо веселого бала — поездка на богомолье, скучающие лица провожающих, моросит дождь* и т. п.

Можно считать, что такие сопоставления не должны влиять на определение синтаксической функции косвенно-падежной формы имени в данной конструкции. Но они все-таки свидетельствуют о том, что признанием за ней роли сказуемого не исчерпывается ее собственно синтаксическая характеристика. Кроме того, эти сопоставления показывают, что несомненно предикативная роль подобных словоформ в предложениях определенной структуры требует более широкого определения.

Вряд ли есть смысл упорно игнорировать тот факт, что предикативные отношения внутри предложения возникают в результате сочетания и таких словоформ, которые в различных конструкциях проявляют себя иначе, чем словоформы, выступающие как классические подлежащее и сказуемое. Их назначение необходимо рассматривать в соотношении с синтаксическими функциями последних, но, конечно, нет смысла во что бы то ни стало стремиться приписывать им эти функции.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

*

Разногласия по поводу того, что же является основной единицей синтаксиса, в недавнем прошлом с наибольшей остротой обнаружились в противопоставлении предложения и словосочетания и были сглажены к нашему времени почти всеобщим признанием именно предложения основной коммуникативной единицей языка, следовательно, центральной единицей синтаксиса, а словосочетания — одной из единиц номинации, участвующей в построении предложения. Это деление синтаксиса на два уровня обосновывалось в работах В. В. Виноградова, было принято в академической «Грамматике русского языка» 1954 г. и последовательно проведено в академической «Грамматике» 1970 г. В «Грамматике» 1954 г. словосочетание[1] понимается как «номинативная единица». Поэтому, естественно, оно рассматривается статически, как некая уже готовая данность («словосочетания глагола с именем существительным в винительном падеже», «с именем существительным в родительном падеже, с именем существительным в дательном падеже» и т. д.). Таким образом, словосочетания *сообщить новость* и *сообщить брату* рассматриваются независимо друг от друга, в разных местах, точно так же как *письмо брата* и *письмо брату* и т. п. Словосочетание, следовательно, предстает перед нами не как результат сочетаемости слов, а как результат членимости предложений. Иначе говоря, сочетаемость выступает как что-то вроде членимости наоборот[2].

Анализируя предложение *Он сообщил брату странную новость*, мы в праве, конечно, выделить такие номинативные еди-

[1] «Изучая правила сочетаемости слов и форм слов, синтаксис, естественно, прежде всего обращается к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам и правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения» («Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 10). В синтаксисе, изданном МГУ, о словосочетании говорится даже как о «распространенном слове» («Современный русский язык. Синтаксис». М., Изд-во МГУ, 1957, стр. 22).

[2] Никак нельзя понять такую характеристику словосочетания: «Словосочетание, возникая при построении предложения, входит в сферу общения». И дальше: «При создании предложения используются не только слова, но и словосочетания — простейшие синтаксические единства, являющиеся сложными наименованиями. Так, строительным материалом для предложения *Всадник ехал быстро* явились слово *всадник* и словосочетание *ехать быстро*» и т. д. (там же, стр. 23). Если словосочетания используются при построении предложения наряду со словами, то они не могут возникать при его построении.

ницы (словосочетания), как *сообщил брату* и *сообщил новость*. Но будут ли эти единицы действительно «строительным материалом» предложения, как характеризуются словосочетания в цитированных исследованиях? Ведь сомнительно уже то, что «строительный материал» предстает в частично удвоенном виде: *сообщить брату* и *сообщить новость* — для построения фразы с одним глаголом. Но главное, что вообще этот «строительный материал» подается не к месту строительства «коммуникативной единицы»; наоборот, он образуется при разборе уже готового построения и распределяется по «складам», представленным разобщенными подразделами, описывающими разные словосочетания. Нет, по-видимому, и оснований называть сочетания вроде *сообщить брату* «номинативной единицей»; можно считать это, однако, вопросом терминологии и не останавливаться на нем. Важнее отметить следующее. И в академическом (1954) и в университетском описаниях словосочетаний последние понимаются в конечном счете как лексико-морфологические образования. Вот, например, начало подраздела «Словосочетания с глаголом в роли главного члена»: «Глагольные словосочетания с именами существительными. Беспредложные глагольные словосочетания с именами существительными. Словосочетания с зависимым словом — именем существительным в винительном падеже. Словосочетания, выражающие объектные отношения». Здесь указано: «Внутри разряда словосочетаний, выражающих объектные отношения, выделяются, в соответствии со значением главного и зависимого слова, три группы словосочетаний, в которых объектные отношения могут быть уточнены и конкретизированы: 1) словосочетания, главное слово которых называет конкретное физическое действие, а зависимое слово — материальный объект этого действия... 2) словосочетания, главное слово которых называет восприятие, говорение, внутреннее состояние, чувствование, а зависимое слово — объект восприятия, говорения, чувствования... 3) словосочетания, выражающие объектно-пространственные отношения; главное слово в них — переходный приставочный глагол со значением движения, зависимое слово — имя существительное с предметно-пространственным значением...»

Однако, как видно уже из этого примера, по существу здесь почти никак не определяется ни лексическая, ни грамматическая сочетаемость слов как таковая. Для определения подобной сочетаемости необходимо было бы установить лексическую и лексико-грамматическую валентность различных групп слов, причем эта валентность должна быть определена и как необходимость и как возможность распространения данного слова или данной группы слов. Тем самым была бы установлена схема валентности слова. Эта схема и является формулой его сочетаемости; ее частичная реализация в различных типах конструкций должна быть рассмотрена именно как частичная реализация общей формулы. При таком подходе лексико-синтаксическая сочетаемость

рассматривается не в плане развертывания какой-либо основной (или ядерной) конструкции, а как отражение (и, напротив, редукция) потенциальной сочетаемости активного члена данной конструкции.

Гораздо более активными представлены словосочетания в намеченном их описании в академической «Грамматике» 1970 г. Там указано, что различаются простые, сложные и комбинированные словосочетания. Отмечено, что простые словосочетания могут быть двучленными (*читать книгу, новый дом, почти быстро, хотеть учиться*), трехчленными (*дать книгу ученику, велеть сыну учиться, спасти жизнь бойцу, отдать часы починить*) и четырехчленными (*перевести книгу с русского на хинди*). На основе простых словосочетаний образуются сложные и комбинированные словосочетания. Сложным названо такое словосочетание, которое образуется на основе двух и более разных связей, исходящих от одного стержневого слова (*увлеченно читать* и *читать книгу* образуют *увлеченно читать книгу*). Комбинированное словосочетание образовано «на основе связей, исходящих от разных стержневых слов; зависимое слово в таком словосочетании одновременно является стержневым словом какого-то простого (или сложного) словосочетания»[3].

Однако, как нетрудно заметить, при осуществлении и такого плана описания словосочетаний остался бы совершенно неотраженным характер сочетаемости различных групп слов. Способность стержневого слова сочетаться с именем в винительном падеже (*читать книгу*) — свойство, характеризующее определенную группу глаголов, т. е. переходные глаголы, в то время как способность сочетаться с определением, выраженным наречием на *-о* (*увлеченно читать*), присуща всем глаголам. Глагол *велеть* предполагает одновременно адресат, выраженный дательным падежом имени, и раскрывающий содержание волеизъявления инфинитив (*велеть сыну учиться*) или конструкцию с союзом *чтобы* (*велел, чтобы учился*), причем первая связь осуществляется с семантически ограниченной группой имен (глагол может сочетаться, конечно, и с существительными, обозначающими любые неодушевленные предметы, но это все-таки иная связь, что видно хотя бы из того, что при вполне обычном употреблении глагола без словесного выражения данной связи потенциально присутствует это семантическое ограничение. Ср. *велел подать лошадей* и т. п.— адресат не назван, но ясно, что это «люди»; конструкция *перевести книгу с русского на хинди* иллюстрирует уже индивидуальную валентность глагола *перевести* и т. д. Таким образом, разграничение разных видов сочетаемости в академической «Грамматике» 1970 г. в разделе «Словосочетание» не принимается во внимание. Не учитывается также и обязательность или

[3] «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, стр. 537.

факультативность отмечаемых связей. Все это, думается, не дает возможности представить словосочетание как единицу синтаксиса, реально участвующую в построении предложения.

Ведь если видеть в словосочетании не только сочетание двух полнозначных слов (что соответствовало бы «синтагме» в соссюровском понимании), а выделять также трех- и четырехчленные, а также сложные и комбинированные словосочетания, то, по-видимому, их описание должно базироваться на исследовании всех видов связи, в которую могут вступать те или иные лексико-грамматические группы слов, на определении соответствующих ограничений, на установлении того, какие словоформы и при каких условиях, сочетаясь друг с другом, могут образовывать предикативные словосочетания, т. е. структурное ядро предложения, и какие при всех условиях лишены этой способности. Это никак не привело бы к «смешению» категорий словосочетания и предложения, а, наоборот, позволило бы сделать их разграничение более реальным.

Нет оснований возражать против того или иного аспекта изучения словосочетаний. Но в том виде, как они отграничиваются от предложений в указанных исследованиях, их определение не представляется вполне последовательным. Ведь при выделении сочетаний слов, связь которых определяется валентностью глагола, мы выделяем единицы, состав и структура которых реализуются в соответствии с тем, как проявляется валентность данного глагола в том единстве, которое понимается как предложение. С другой стороны, синтаксическое содержание самого предложения усматривается, если отвлечься от характеристики односоставных предложений, в особенностях сочетания определенных словоформ, т. е. в том, что является предикативным словосочетанием, когда под последним понимается формула, абстрагированная схема объединения двух полнозначных слов, выступающих в определенных грамматических формах.

Считается, что Ф. Ф. Фортунатов свел синтаксис к изучению словосочетания и даже «растворил» синтаксис предложения в синтаксисе словосочетания. Ф. Ф. Фортунатов действительно писал: «Словосочетанием я называю такое целое, которое образуется сочетанием в мышлении, а потому и в речи одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как с частью в предложении... Словосочетания могут быть законченными и незаконченными. Незаконченным словосочетанием является такое словосочетание, самостоятельная часть которого образует собою также и часть другого словосочетания, т. е. незаконченное словосочетание входит в состав другого словосочетания, становящегося поэтому не простым, но сложным. Например, в словосочетании *летит большая птица* словосочетание *большая птица* является незаконченным. В законченном словосочетании одно слово сочетается с другим, как одна часть суждения с другою частью суждения,

т. е. законченное словосочетание представляет собою полное предложение, и части такого словосочетания образуют собой подлежащее и сказуемое предложения...»[4].

Словосочетание при таком понимании представлено как своего рода структурная схема любого сочетания двух полнозначных слов, независимо от того, образуют ли они предикативное сочетание или непредикативное. Понятно, что никакого отрицательного по своим результатам «приравнивания» словосочетания и предложения в том смысле, в каком различаются эти понятия в современных описаниях синтаксиса, не происходит: изучается возможность сочетания различных словоформ друг с другом, и дается определение этих сочетаний с точки зрения их морфологических особенностей и возможностей синтаксического функционирования («законченные» и «незаконченные» словосочетания).

В «Грамматике» 1970 г. противопоставлению словосочетания и предложения придано принципиальное значение, как и в предшествующей академической «Грамматике». Однако при той трактовке предложения, которая осуществлена там, предложение, по существу, приравнивается именно к словосочетанию в понимании Ф. Ф. Фортунатова, поскольку «структурная схема предложения» это и есть не что иное, как предикативное словосочетание, части которого «образуют собою подлежащее и сказуемое предложения». Поскольку предложение понимается как «структурная схема предложения», оно и представляет собой «законченное», т. е. предикативное, словосочетание, разница здесь в конечном счете только в терминологии. Ф. Ф. Фортунатов ведь никак не стремился затушевать различие между законченным и незаконченным словосочетанием, но, рассматривая законченное словосочетание как основу предложения, как бы подчеркивал, что это именно только схема предложения, поскольку интонация и порядок слов при таком анализе не учитываются. «Структурные схемы предложения», представленные в «Грамматике» 1970 г., также освобождены от интонации и не зависят от порядка слов.

Осуществленное же (последовательно в соответствии с замыслом) разграничение синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетания привело к тому, что остались нераскрытыми подлинные, именно структурные границы, разделяющие эти синтаксические единицы. Ведь нетрудно заметить, что одни словосочетания могут приобрести предикативный характер, т. е. стать предложением или основой предложения, а другие не поддаются предикативному расчленению. С другой стороны, есть такие словосочетания, которые неизбежно выражают предикативную связь, т. е. должны стать предложением или основой предложения. Так, сочетание глагола с существительным, выражающим

[4] *Ф. Ф. Фортунатов.* Избр. труды, т. I. М., 1956, стр. 183.

объектную направленность глагола, не может быть расчленено на предикативно сопоставленные части предложения, в то время как сочетание имени в именительном падеже со спрягаемой формой глагола не может образовать непредикативного, «незаконченного», по терминологии Ф. Ф. Фортунатова, словосочетания или просто словосочетания в соответствии с терминоупотреблением «Грамматики» 1970 г. Между тем существуют и такие словосочетания, которые могут как остаться «незаконченными», так и образовать предикативно членимые сочетания слов. Таковы, например, определительные словосочетания.

Важно учесть и те условия, которые способствуют предикативному расчленению этих словосочетаний.

«Например,— отмечал Ф. Ф. Фортунатов, обосновывая свою точку зрения, —отдельные полные слова *Пушкин* и *поэт* могут являться в сочетании их в словосочетании *Пушкин — поэт* или *поэт Пушкин,* или, например, словосочетаниями являются: *хорошая погода, погода хороша, летит птица, большая птица, Москва-столица* и т. д.» [5]. Незаконченные и законченные словосочетания при таком понимании в общих чертах и соответствуют тому, что́ в «Грамматике» 1970 г. рассматривается как «словосочетание» и «структурная схема предложения».

Говоря о разграничении предикативно членимого словосочетания и нечленимого словосочетания важно отметить и то, что существуют, по-видимому, контекстные условия, в которых это разграничение становится несущественным; инерция синтаксического движения, заданного окружающими фразами, может отразиться на членении фразы, структурная же ее неопределенность допускает различное прочтение. Ср.:

Дачи в сосновых лесах под Москвой. Мелкое озеро, купальни возле топких берегов.

Одна из самых дорогих дач недалеко от озера: дом в шведском стиле, прекрасные старые сосны и яркие цветники перед обширной террасой (Бунин, Кума).

Первые фразы рассказа представляют нечленимые, так называемые номинативные предложения. Первая фраза второго абзаца может быть воспринята так же, но более естественным кажется иное ее прочтение: *Одна из самых дорогих дач — недалеко от озера,* т. е. с выделением в ней двух (объединенных предикативной связью) компонентов. При таком прочтении и следующая за ней фраза может быть расценена как двучленная *(дом — в шведском стиле)*, хотя вполне возможно ее уподобление идущим дальше «назывным предложениям». Само строение отмеченных фраз таково, что не дает достаточных оснований для безусловного выбора той или иной трактовки, хотя, как нетрудно заметить, это никак существенно не влияет на общее осмысление текста. Но при одной трактовке — это словосочетания, интонационно

[5] Там же, стр. 182.

выделенные как отдельные назывные предложения, при другой же — предикативно расчлененные предложения с локативным и определительным значениями.

Обратим также внимание на следующее. Собственно, и первая фраза первого абзаца, и первая фраза второго абзаца могут быть осмыслены двояко: и как «назывные предложения», и как предложения, интонационно членимые на два состава; однако для фразы *Дачи в сосновых лесах под Москвой*, начинающей повествование, второе прочтение представляется хотя и возможным, но менее естественным, в то время как для фразы *Одна из самых дорогих дач недалеко от озера* оно одинаково (если не более) вероятно. Поскольку по своему формальному строению эти фразы мало чем отличаются друг от друга, различие в их интонационно-семантическом потенциале обусловлено, по-видимому, иными факторами.

Фраза *Дачи в сосновых лесах под Москвой* начинает собой повествование, поэтому существительное *дачи* не находится в данном случае в позиции предикативно определяемого слова (ср. ситуацию, когда речь шла бы о том, как, например, найти кого-то); следующие непосредственно за ней фразы поддерживают именно назывное ее осмысление. Существительное *дача* во втором абзаце уже само по себе включено в определительную конструкцию (*одна из самых дорогих дач*), что придает дальнейшим определениям предикативную силу.

Таким образом, важно подчеркнуть тот факт, что предикативная членимость некоторых сочетаний словоформ зависит не от собственной структурной характеристики данных словоформ, а от введения в состав данного сочетания определенных лексем. Такую роль играют, например, в ряде случаев слова, обозначающие разного рода временны́е соотношения вроде слов *уже, снова, опять, по-прежнему* и т. п. Обусловливая временну́ю перспективу высказывания, они неизбежно разрушают номинативный характер словосочетания, обусловливая его предикативную членимость. Ср.:

Старик в тулупе — Старик уже в тулупе;

Галерея на колесах — Галерея снова на колесах;

Директор без помощников — Директор по-прежнему без помощников.

Разумеется, «коммуникативная» значимость многих (по-видимому, всех) конструкций может изменяться в зависимости от их интонационного членения. Например, *Дом у дороги* и *Дом — у дороги*. Считать интонационный фактор относящимся только к «коммуникативному плану» высказывания было бы в то же время не совсем целесообразным, поскольку очевидно, что возможность его проявления в конечном счете зависит от структурных особенностей конструкции.

Однако представляется несомненным, что для правильной оценки роли различных факторов в формировании предикативно

ориентированной единицы необходимо прежде всего их последовательное разграничение, а значит, и определение удельного веса каждого из них в разных случаях. То, что словосочетание *Дом у дороги* может быть преобразовано в предикативное высказывание *Дом — у дороги,* не отменяет его первичной функции номинативной единицы, так же как возможность применения предикативной в своей первичной функции конструкции *Летят журавли* в качестве номинативной единицы (ср. название кинофильма) не свидетельствует о невозможности или нецелесообразности определения его первичной функции именно как предикативной.

То, что словосочетания вроде *Книга сестры* могут при определенной интонации выступать не как нерасчлененные номинативные, а как предикативно членимые конструкции (*Книга — сестры;* ср.: [Редозубов.] Лошадь — Богаевской? [Павлин.] Ихняя.— Горький, Варвары), очевидно, не колеблет определения первичной функции данной конструкции именно как номинативной конструкции. Само значение интонации становится понятным и более или менее определенным только при условии оценки этого значения в связи с теми структурными особенностями синтаксических конструкций, которые сами по себе предполагают то или иное ее проявление. Если в определенных случаях интонация способна изменить основное назначение конструкции, это, естественно, не может игнорироваться при оценке функциональной значимости конструкции, но нет смысла на основании этого говорить о ее безразличии к различным интонационным воплощениям.

Следует обратить внимание также на то, что предикативный характер конструкции во многих случаях зависит от лексического значения сочетающихся словоформ.

Возможность двоякого интонационного членения сочетаний вроде *Книги в шкафу, Старик в тулупе* (ср. *Книги в шкафу уже не казались ему интересными* и *Книги — в шкафу; Старик в тулупе протиснулся вперед* и *Старик — в тулупе*) обусловлена, во-первых, предметно-конкретным (лексическим) значением существительных в именительном падеже (ср. *Случай в парке; Подвиг на автодороге* и т. п., где предикативное осмысление словосочетания невозможно), во-вторых, той семантической особенностью существительных в именительном падеже, которая интерпретируется как категория определенности — неопределенности, ср. *Старик в тулупе* и *Старик — в тулупе,* но *Отец — в тулупе,* при невозможности определения при *отец* как уже определенном лексически.

Именно это соотношение определенности — неопределенности, выраженной лексически, предопределяет соотношение (синтаксическое) некоторых словоформ. Так, в сочетании «существительное в именительном падеже + несогласованное определение», имеющем характер «назывного предложения», появление пре-

позитивного согласованного определения (например, с дейктическим значением) может быть связано с явным обособлением несогласованного определения, придающим его связи с существительным предикативный характер.

Показательны в этом отношении заголовки, которые вообще строятся, как известно, и как предикативные и как предикативно нечленимые единицы (ср. *Буровые меняют адреса; Лауреаты названы; Поиск увенчался успехом; Спартакиада финишировала; Фактам — полвека* и т. п., с одной стороны, и *Встреча в Москве; Товары для жителей Севера; Осуждение расизма; Нежелательные визитеры; Высокая цель* и т. п.— с другой). Нетрудно заметить, что «двучленность» или «одночленность» заголовка в тех случаях, когда они образованы по указанной схеме (существительное в именительном падеже + несогласованное определение) зависит, в частности, от наличия или отсутствия при существительном в именительном падеже указательного слова; ср.:

Встреча в Москве — Следующая встреча в Москве;

Товары для жителей Севера — Эти товары для жителей Севера;

Шум из-за пустяка — Весь шум из-за пустяка;

Дом у реки — Наш дом у реки и т. п.

Разумеется, речь идет не о том, что фразы типа *Встреча в Москве* не могут быть представлены предикативно расчлененными (*Встреча — в Москве*), а лишь о том, что их модификации с указательными словами (вносящими в именное сочетание элемент «определенности») вне особых контекстов (например, в позиции заголовка) должны быть поняты как предикативно расчлененные фразы: *Следующая встреча — в Москве; Эти товары — для жителей Севера; Весь шум — из-за пустяка; Наш дом — у реки.*

В таких языках, как русский, где формально-грамматическое выражение связи слов в высказывании происходит в первую очередь за счет морфологических показателей, именно последние и становятся чаще всего исходным моментом при классификации и характеристике синтаксических конструкций. Такой путь исследования обладает целым рядом недостатков, на которые неоднократно указывалось, однако было бы, по-видимому, ошибочно полагать, что более адекватное синтаксическое описание может быть осуществлено на основе «семантизации» синтаксиса.

То, что структурные особенности предложения определяются не всем его словесным составом, а только рядом словоформ, входящих в данное предложение, дает основание говорить о предикативном ядре предложения.

Здесь сразу же возникает несколько вопросов, от решения которых зависят основные принципы синтаксического анализа, прежде всего вопрос о грамматической характеристике указанного ядра.

В соответствии с тем, что было сказано выше о словосочетании, под словосочетанием понимается значимое объединение двух полнозначных слов, включающее их морфологическую характеристику. Их собственно синтаксическое значение определяется уже в рамках предложения; последнее же характеризуется морфологическими показателями (особенности которых и обусловлены выделяемыми в составе предложения словосочетаниями), лексическими факторами, порядком слов и интонацией, присущей данному типу предложения.

Понятно, что это не какое-либо другое (по сравнению с более распространенным в последнее время) понимание сущности предложения и словосочетания, а только иное (в общем также освященное традицией, только более старой) понимание и применение терминов, связанное с перемещением границы между теми синтаксическими единицами, которые определяются как основные.

Установление именно такой границы представляется наиболее целесообразным для решения определенных задач в синтаксическом исследовании, но из этого опять-таки никак не следует, что оно вообще является «наилучшим» или единственно возможным во всех случаях.

В многочисленных и разнообразных дискуссиях о сущности предложения основное внимание было направлено на установление его категориальных признаков и формулировку самого определения, вопрос же о том, как соотносятся конкретные предложения с абстрактным понятием предложения, утвержденным в синтаксисе, с формулой или структурной схемой предложения, до последнего времени почти не затрагивался. Он привлек к себе внимание в связи с наблюдениями над особенностями «лексического наполнения» различных схем предложения и был определенным образом разрешен в той концепции предложения, которая получила свое закрепление в «Грамматике» 1970 г.

Однако каждому исследователю, приступающему к изучению синтаксиса, все же приходится определять, какой же степени абстракции отвечает его представление о «предложении как единице языка». Вопрос этот отчасти затушевывается неоднозначной в этом отношении терминологией, принятой в синтаксических исследованиях, и самим способом «подачи материала», когда типы предложения рассматриваются в образе конкретных предложений, включающих не просто морфологические формы слов, но формы вполне определенных лексических единиц. В таком случае конкретное предложение *Мальчик читает* рассматривается, естественно, не как конкретное (т. е. с конкретным «лексическим наполнением») предложение, но как представитель определенного типа предложения, определенной «структурной схемы», а слова *мальчик* и *читает* выступают как своего рода символы определенных грамматических классов слов в их определенных морфологических формах. Поскольку все понимают, что речь

идет не о конкретном предложении, а о типе предложения, такой способ подачи материала представляется вполне оправданным, однако в одном отношении он оказывается явно недостаточным: вопрос о том, какие границы варьирования (интонационного, лексического) предполагает данный символ, отодвигается в сторону или даже вообще не возникает. Действительно, представляют ли здесь словоформы *мальчик* и *читает* любое имя существительное в именительном падеже и глагол в спрягаемой форме, независимо от таких признаков, как одушевленность, переходность, остается скрытым. Представляет ли *Мальчик читает* не только фразы *Ма́льчик читает* и *Мальчик чита́ет*, но и *Читает ма́льчик, Чита́ет мальчик,* а также *Читает мальчик? Мальчик не читает* и т. д., остается опять-таки неясным.

Замечательный опыт последовательной формализации всех структурных типов предложений современного русского языка, осуществленный в академической «Грамматике» 1970 г., сделал очевидным, что соотношение конкретных предложений с той или иной схемой предложения оказывается в ряде случаев спорным.

Для разрешения проблемы членимости предложения, как кажется, придется отказаться от попыток установления структурной формулы предложения на основе только морфологической характеристики образующих ее слов. Сказанное никак не должно быть расценено как призыв к непременному совмещению (а тем более смешению) в описании предложения разнородных факторов. Понимание «структурной схемы предложения» как такой формулы, в которой выражены только морфологические признаки слов, не только возможно, но и необходимо для определенных целей синтаксического описания. Но при таком понимании никак нельзя обнаружить особенности иерархической организации различных типов предложений, так же как нельзя определить степень семантической спаянности отдельных их компонентов и пределы их варьирования.

Характерно, что и при самом строго морфологизированном представлении «структурной схемы предложения» (как, например, в академической «Грамматике» 1970 г.) не удается избежать ни указаний на лексические ограничения, ни использования иллюстраций с привлечением более широкого контекста, что свидетельствует о синтаксической связанности (контекстной обусловленности) приводимого образца.

Характерно также то, что границы между составом сказуемого и составным сказуемым оказались в ряде последних исследований по синтаксису, в том числе в упомянутой «Грамматике», вообще размытыми и неопределенными. Если считать, что сказуемое может быть выражено «глаголом вместе с зависящей от него словоформой» в таких случаях, как *нанялся дворником — в дворники — в качестве дворника; выдал себя за ревизора;* (*книга*) *выпускается в качестве справочника — как справочник;* (*город*) *возник силуэтом — в виде силуэта; лежит больная* и т. д.,

т. е. когда зависящие от глагола словоформы «восполняют информативную недостаточность» последнего (стр. 495 и др.), то придется считаться и с такими случаями, когда значение глагола меняется именно в зависимости от присоединяемых к нему словоформ. Поскольку же многозначность глаголов — явление, широко распространенное в русском языке, а выявляется она главным образом особенностями сочетания глагола в каждом из его значений, то выражение сказуемого «целым сочетанием», конечно, не может ограничиться указанными случаями, а должно быть признано правилом. Далее возникает вопрос, не следует ли учитывать и те случаи, когда глагол сам по себе обозначает совсем не то, что в сочетании с тем или иным словом или группой слов. В реальной речи такое употребление самых различных глаголов встречается постоянно. Вот несколько примеров (все они из произведений Чехова): Далее Жирков поговорил про Греви, Деруледа, Зола и мог убедиться, что эти имена француз *слышал от него только впервые* (Неприятная история); По всему видно, что на рандеву она *идет первый раз в жизни* (Зиночка); По тону доктора легко было судить, что он *плохо верил в пользу консилиума* (Доктор); Воротов *занимался уж без всякой охоты* (Дорогие уроки); На полдороге он заметил, что *идет не туда,* куда нужно (Поцелуй); Шагов триста молодые люди *прошли молча* (Верочка); Почувствовав к ней влечение, род недуга, вы перестаете бывать у нее, *встречаетесь* с ней *возможно реже, мельком...* (Удав и кролик); Люди *без причины не умирают,*— сказал доктор (Следователь) и т. п.

Очевидна — и не только информативная, но также формальная — недостаточность переходных глаголов, не способных к абсолютивному употреблению, взятых без дополнений, а также глаголов, требующих для реализации своего значения присоединения косвенного дополнения: Дочь... опустилась на постель и *прислонилась* головой *к подушке* (Ненастье); Надежда Филипповна ослабела и *не могла* даже *снять* с себя *шляпу* (Там же); Он неопределенно *шевелит пальцами, пучит глаза* и *надувает* свои красные, опухшие *щеки*... (Скорая помощь); Жирков *почел долгом приличия поговорить с ним* (Неприятная история); Речь Веры *перешла* в неясное *бормотанье* и вдруг оборвалась плачем (Верочка); Девушка *закрыла лицо платком,* еще ниже нагнулась и горько заплакала (Там же); Он *не чувствует ни страха, ни стыда, ни скуки,* а одну только *усталость* и душевную *пустоту* (Задача); Саша, подделывая подпись, *не имел в виду причинить* кому-либо *зло* или *убыток* (Там же) и т. д.

Учет всех этих (и многих в этом плане им подобных) случаев, очевидно, целесообразнее проводить не в рамках установления типов предикативных словосочетаний (или «структурных схем предложения»), а при установлении тех видов связи, которые осуществляются в предложении между главными и второстепенными его членами.

Следует иметь в виду, что семантическая недостаточность может быть свойственна и имени существительному, выступающему в функции подлежащего. Не останавливаясь на выяснении различных причин этой недостаточности, ограничимся приведением немногих примеров: Наступила *лагерная жизнь* (Поцелуй); *Деревенские знакомые* очаровательны только в деревне и только летом, в городе же и зимою они теряют половину своей прелести (Рассказ госпожи NN); Даже *очень умные люди* не затруднялись воевать с пороком, которого не понимали (Дома); *Чувство вины* росло в нем с каждым шагом (Верочка) и т. п. [6].

Совершенно очевидно, что при определении ядерной структуры предложения в том понимании, как о ней говорилось выше, все эти факты должны быть так или иначе приняты во внимание. Но если структурный тип предложения определяется в первую очередь тем, какие морфологические классы слов и в каких формах вступают в предикативную связь (или сами по себе — в отдельности — образуют основу предложения, оцениваемого в таком случае как односоставное), то мы, устанавливая эти типы, естественно, должны отвлечься от всех такого рода фактов (как отвлекаемся от целого ряда других семантических особенностей рассматриваемых предложений) и принять во внимание только морфологическую характеристику предикативно значимого слова.

Если при определении «структурной схемы предложения» можно было отвлечься от таких факторов, как переходность и непереходность глагола, выступающего в функции сказуемого, и объединить в одной «структурной схеме предложения» типа *Мальчик читает* и *Мальчик гуляет*, независимо от того, что первое из них соотносительно с пассивной конструкцией, а второе — нет, то еще больше, как кажется, оснований при определении предикативной основы предложения учитывать только те словоформы, которые непосредственно определяют тип предложения, независимо от их семантической полноценности. В этом плане оказывается достаточной одна лишь изменяемая часть даже аналитической формы глагола. Сколь бы еретической ни показалась мысль о том, что структурную основу предложения *Мальчик будет читать* составляет лишь сочетание *Мальчик будет*, ее обоснование может опереться на некоторые языковые факты.

Понимание аналитической формы в морфологии представляется в основных чертах довольно определенным. Сомнения и разногласия по поводу того, как квалифицировать отдельные

---

[6] В академической «Грамматике» 1970 г. отмечено только, что «позицию подлежащего может занимать также именное словосочетание, обозначающее некое множество как единое целое, например: Начались р а з б о р ы з а р а з б о р а м и; Пришли о т е ц с с ы н о м», а также количественно-именные сочетания (со словами *много, мало, несколько, больше, меньше на...* и др.). О других видах какого-либо «составного» подлежащего или «информативной недостаточности» выступающих в этой функции существительных ничего не говорится.

сочетания, передающие целостное грамматическое значение, не затрагивают существа понятия аналитизма.

Сочетания *буду читать, будешь читать* и т. д. рассматриваются как аналитические видо-временны́е формы глагола, так как они занимают строго фиксированное место в рядах *читаю, читаешь* и т. д., *я читал, ты читал* и т. д., не образуя собственной парадигмы спряжения. Ср. *начну читать, начнешь читать* и т. д. и *начать читать* при невозможности *быть читать* и т. п.

Отмечая, что морфологическое формообразование преобладает в русском языке над «формообразованием синтаксическим и лексико-семантическим», В. В. Виноградов писал в свое время по поводу интересующих нас аналитических форм следующее: «Синтаксическое формообразование обнаруживается в так называемых аналитических или составных формах степеней сравнения, в форме будущего времени несовершенного вида глагола (*буду говорить* и т. д.), в формах условно-желательного наклонения и т. п. Трудно сомневаться в том, что, например, сочетания глагола *стану, стал* с инфинитивом (*стану работать, стал работать*) также представляют собой аналитическую видо-временну́ю форму глагола со значением приступа к действию. Доказательство этому тот факт, что невозможны сочетания *стать работать, ставший работать, ставши работать* и т. п.»[7]

Указанный критерий отграничения аналитических форм глагола (т. е. невозможность образования в таком случае сочетаниями вспомогательного глагола с инфинитивом отдельной словоизменительной парадигмы) представляется единственно безусловным, хотя его применение, как легко видеть из примера, приведенного самим В. В. Виноградовым, может оказаться и небесспорным. Ведь *стану работать*, дублируя *буду работать* (но с особым «значением приступа к действию»), проявляет это же значение в плане прошедшего времени (*стал работать*), что выводит данные формы из собственно парадигматического ряда сочетающихся с ними инфинитивов (ср. также *стал бы работать*). Такой самостоятельности нет лишь у сочетаний *буду, будешь* и т. д. *работать*. Ограничения, указанные В. В. Виноградовым в отношении сочетаний *стану работать* (невозможность *стать работать*), дают основание говорить лишь об их «промежуточном» статусе (ср. сочетания с инфинитивом фазовых глаголов).

Однако при синтаксическом анализе все эти сочетания в определенном плане равноценны.

Сочетания *буду читать, стану читать, начну читать*, точно так же как и сочетания *собираюсь читать, люблю читать* и т. д., вводятся в предложение именно спрягаемой формой глагола, независимо от степени ее семантического веса в самом сочета-

---

[7] *В. В. Виноградов.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков). «Вопросы теории и истории языка...». М., 1952, стр. 112.

нии. Само собой разумеется, что исследование формальных и семантических особенностей разных типов составных сказуемых является важной задачей синтаксиса. Существенно и то, что спрягаемые формы различных глаголов в сочетаниях с инфинитивом обладают различной «собственной» сочетаемостью. Признание их одинаковой роли в схеме предложения, естественно, никак не означает игнорирования их очевидных различий в других отношениях. Но, конечно, нет смысла не обращать внимания и на то, что даже бесспорные аналитические формы слова (*буду читать*) являются таковыми только на морфологическом уровне: они включены в парадигму спряжения и выражают именно то (и только то) значение, которое определяется их местом в парадигме. Однако, становясь элементами синтаксической единицы, элементами предложения, они тотчас обнаруживают свою двойственную природу, проявляя такие черты, которые объединяют их с сочетаниями слов, образующими различные типы составного сказуемого.

Во-первых, они так же разъединимы в предложении, как и другие сочетания спрягаемых форм глагола с инфинитивом: *Буду, наверно, читать; Читать эту книгу буду потом* и т. д., так же как: *Пойду, наверно, гулять; Гулять сейчас не пойду* и т. д. Ср. возможность эллипсиса, обусловленного не непременно глаголом того же вида: — *Надо бы написать об этом. — Я не буду.*

Во-вторых, и это наиболее существенно, аналитические формы глагола наравне с другими сочетаниями слов включаются в интонационное членение фразы. Компоненты аналитического сочетания — каждый в отдельности — могут, как и компоненты словосочетания, быть выделены логическим ударением, например: *Не читал, а только еще бу́ду читать — Потом буду чита́ть, а не писать; Конечно, не бу́ду молчать — Не буду даже упомина́ть об этом* и т. п.

Компоненты сочетания могут быть также противопоставлены в общем интонационно-семантическом строе фразы: ...за двугривенный в сутки ему дали светлую и чистую комнату с условием, что *курить он будет на улице* (Чехов, Верочка).

Таким образом, аналитические сочетания ведут себя в предложении именно как сочетания слов, независимо от их совершенно очевидной морфологической цельности. В этом отношении их роль резко отличается от роли лексических идиоматизмов (фразеологических сращений, как их называл В. В. Виноградов и вслед за ним называют многие исследователи фразеологии). Компоненты идиоматизмов (если отвлечься от разнообразных примеров их намеренного обыгрывания, т. е. разрушения) не участвуют в отдельности в интонационном членении предложения, точно так же как не обязательно вступают в ту связь, которая была бы предопределена при их «буквальном» осмыслении. Ср.: *Таких работников — пруд пруди; Всего этого у нас залейся; Мыслей было кот наплакал* и т. п.

Ограничивая понятие «структурной схемы предложения» его предикативным минимумом, мы обнаруживаем некоторые основные типы предложений, не поддающиеся, однако, еще определению ни с точки зрения их синтагматических возможностей, ни с точки зрения их парадигматических (в широком смысле) связей. Так, мы можем легко установить, что структурной схеме «именительный падеж имени + спрягаемая форма глагола» отвечает огромная масса конструкций, причем именно таких, в которых определение главных членов предложения, т. е. подлежащего и сказуемого, представляется вполне однозначным благодаря тому, что само это определение и основано на приведенной морфологической характеристике компонентов схемы. Однако, объединив предложения вроде *Мальчик улыбается, Девочка читает, Дети разбрелись, Ветер распахнул, Музыкант принес* и т. п., мы, по-видимому, поднимемся только на первую ступень анализа их структуры. Нам приходится сразу же отметить, что все они различны во многих отношениях. Различна степень их информативной самостоятельности. Различны их синтагматические возможности (например, *Ветер распахнул* в связном тексте может быть ответом на вопрос *Почему открыто окно?*, а *Музыкант принес* — ответом на вопрос *Откуда у тебя скрипка?*). Наконец, глаголы в этих фразах обладают и различной лексико-морфологической валентностью по отношению к субъекту действия. Глагол *разбрестись* может быть только при существительных во множественном числе (*Отдыхающие разбрелись*; *Ученики разбрелись* и т. п.) либо при существительных с коллективным значением: *Толпа разбрелась* и т. п. Такая валентность свойственна и ряду других глаголов (*разойтись, собраться, толпиться, участиться*); в иных случаях совместное действие передается либо при подлежащем множественного числа [*Они поссорились, встретились, подружились, сблизились, обнялись, расстались*), либо при подлежащем в единственном числе и дополнении, выражающем комитативное значение (*Он поссорился с приятелем, встретился с критиком, подружился с учениками* и т. д.). Ряду глаголов присуще значение множественности подвергаемых действию объектов (соответственно требование дополнения во множественном числе) либо значение собирательности объекта (соответственно требование дополнения определенной семантики). Ср. *перечислить, перебрать, разобрать, разбросать, распылить, соединить* и т. п. В ряде случаев, например у некоторых глаголов с префиксом *с-*, разграничение разных значений связано с тем, возможно ли при глаголе дополнение как в единственном, так и во множественном числе, или же только во множественном; ср. *сдвинуть стул и стулья — с места*, т. е. «переместить» и *сдвинуть стулья — вместе*, т. е. «сблизить».

Семантика глаголов в указанных случаях, несомненно, влияет на возможное членение фраз; ср., например: *Он поссорился с приятелем из-за пустяка, Он поссорился с приятелем, Они пос-*

сорились из-за пустяка и *Он поссорился из-за пустяка* при явной семантической (а следовательно, можно думать, и синтаксической) неполноте последней фразы.

Характерно, что имена существительные, словообразовательно связанные с аналогичными глаголами, неодинаково реагируют на включение их в именные фразы с такими «распространителями», ср.: *Ссора из-за пустяка* и *Ссора между приятелями* и *Эта ссора — из-за пустяка*, так же как и *Это — ссора из-за пустяка* при *Это — ссора между приятелями* и явной неестественности конструкции *Эта ссора — между приятелями.*

Как только из области предикативной схемы предложения, включающей в себя спрягаемые формы глагола, мы переходим к другим схемам, недостаточность морфологических показателей при определении синтаксического членения предложений становится совершенно явной.

Относительно предложений, предикативную основу которых представляют именительный падеж имени и спрягаемая форма глагола, никогда в общем не существовало непримиримых разногласий, хотя бы пока речь шла об определении каждого из главных членов этих предложений. Взгляд на именительный падеж имени как на подлежащее, а на спрягаемую форму глагола как на сказуемое, по существу, всегда был отправной точкой при характеристике и выделении подлежащего и сказуемого вообще. Различия сказывались в основном на трактовке того, какие именно из словоформ, связанных с именительным падежом имени и спрягаемой формой глагола, входят в само подлежащее и само сказуемое, в частности в определении границ так называемого сложного и составного сказуемого.

Можно заметить, как от одного издания описательной русской грамматики к другому увеличивался список связочных, полусвязочных, неполнозначных, семантически недостаточных глаголов, спрягаемые формы которых, согласно мнению авторов, не могут сами по себе образовать сказуемое и требуют включения в него словоформ, восполняющих их смысловую недостаточность. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) случаи, когда сказуемое бывает «выражено глаголом вместе с зависящей от него словоформой, т. е. или целым словосочетанием, или соединением слов, возникающим в предложении», приведены довольно большим перечнем (среди приведенных примеров такие: *подался в торговцы*; *ходит героем — в героях; вообразил себя героем; начал подручным—в качестве подручного—с подручных—как подручный; город возник силуэтом—в виде силуэта; собирается поехать; устал работать; пришел первый—первым* и т. д. (стр. 550—551). Эти примеры могли бы вернуть нас к размышлениям о том, почему сочетание *подался в торговцы* — это сказуемое, в то время как *подался в город, подался на стройку, подался в сторону, подался назад* — это сочетания глагольного сказуемого с зависящими от него второ-

степенными членами, которые не входят в структурную схему предложения, т. е. как бы несущественны для его синтаксической организации; почему разграничение значений многозначного глагола *ходить* оказывается синтаксически значимым — на уровне предложения в случаях *ходит кем* (*ходит начальником, героем* и т. д.), *ходит голодный — голодным* и т. д., но отодвигается в область словосочетания в случаях *ходит за чем* (*ходит за книгами, за грибами*) или *ходит куда*. Линейно все эти сочетания не являются нерасторжимыми (*ходит по институту героем,* так же как *ходит в библиотеку за книгами*), степень фразеологичности глагола *ходить* при реализации отдельных его значений в сочетании с различными словоформами как будто бы также не принимается во внимание (ср. *ходит за больным, за умирающим; ходит в старом платье, в очках; ходит как в тумане* и т. д.). К подобным рассуждениям нам еще придется вернуться, пока же обратимся к вопросу, который только что возник перед нами,— к вопросу о выделении именного сказуемого.

В то время как «информативная недостаточность» глагола, выражающего сказуемое, все в большей степени принималась во внимание, «информативную недостаточность» имени в той же функции, как правило, обходили молчанием. Между тем если фразы вроде *Пушкин — великий поэт* или *Париж — столица Франции* при устранении определения в общем сохраняют свой смысл, то этого никак нельзя сказать о других аналогичных по строению фразах. С известной натяжкой подобную редукцию еще можно допустить во фразах *NN — никудышный поэт, NN — поэт только в его собственных глазах* или *Краков — бывшая столица Польши,* но вряд ли она не приведет к бессмыслице в случае таких высказываний, как *спички — опасная игрушка, сосед — мужчина мощного телосложения* и мн. др.

Однако при всей информативной неполноценности сочетаний *сосед — мужчина, спички — игрушка* конструктивно они ничем не хуже, чем *брат — учитель* и т. п. Но если мы включаем в состав сказуемого *выступил первый* (во фразе *директор выступил первый*), то у нас, по-видимому, нет оснований игнорировать именно информативную сторону в случае именных сказуемых.

Если мы выделяем так называемые полусвязочные глаголы и не решаемся приписать им полноценную роль в выражении сказуемого, если различные случаи информативной недостаточности глагольного сказуемого мы склонны расценивать как случаи осложненного сказуемого, то, очевидно, аналогичные соображения об информативной полноте должны быть приняты нами во внимание и когда речь идет об именном сказуемом. Трудность здесь, однако, заключается в том, что в отличие от полусвязочных глаголов, соответствующая роль которых фиксирована в языке, «полусвязочная» роль имен, обычно выступающих в этой функции, зависит только от контекста, а сами по себе эти имена как раз очень значимые элементы лексики (*че-*

ловек, мужчина, женщина, вещь, дело и т. п.). Список этих слов не определен, да и не может быть определен окончательно именно вследствие того, что имена существительные, выступающие в полусвязочной роли, как правило, сохраняют свою семантическую полноценность. Что же касается указанной роли, ее могут принимать на себя многие существительные, способные принять участие в выражении родо-видовых отношений. Список этих слов с трудом поддавался бы исчислению. Ср. *подписанный договор — дальнейший шаг в деле разрядки напряженности.* Не менее важно здесь и следующее. Когда существительные, занимающие позицию сказуемого, выступают в своих переносных значениях, реализация этих значений всегда в большей степени, чем в случае их прямого применения, зависит от «контекста», т. е. от тех слов, с которыми они сочетаются. Поэтому информативная недостаточность существительного, выступающего в роли сказуемого, проявляется в не меньшей мере, чем недостаточность глаголов. То же можно сказать в ряде случаев и о существительных, занимающих позицию подлежащего. Ср.: *Город возник — Город возник силуэтом,* но также: *Представление пьесы не состоялось — Представление актеров зрителям не состоялось* и т. п. Однако подвести эти случаи под определенную закономерность значительно труднее. Труднее и потому, что информативная недостаточность глагола регулируется возможностями его управления, в то время как информативная недостаточность существительного здесь восполняется, как правило, лексически, если это не отглагольное существительное, сохраняющее способность управления.

Думается, что как в отношении глагольного сказуемого, так в отношении и именного сказуемого и именного подлежащего решение может основываться на том, какие — формально-конструктивные или же конструктивно-семантические — особенности выступающих в роли главных членов предложения слов принимаются нами во внимание при анализе предложения. Пока мы определяем конструктивную схему предложения, т. е. морфологические признаки предикативного словосочетания, вопрос о составном сказуемом или составном подлежащем несуществен, поскольку для нас существенны только те словоформы, которые непосредственно вступают в предикативную связь, определяя именно предикативный характер всей фразы. Во фразах *Он будет хорошим учеником* и *Он будет читать* с этой точки зрения важна только связь словоформ *Он* и *будет*, которые своим сочетанием и образуют предикативную основу; при всей своей очевидной семантической неполноте именно данное сочетание «репрезентирует» подлежащно-сказуемостный остов предложения (оно же может, кстати, и реально представлять его, выступая, например, в диалоге в качестве «неполного предложения»). Как только перед нами возникает задача конструктивно-семантической характеристики различных типов предложений, есте-

ственно, становится необходимым определить участие в организации предложения всех входящих в него словоформ и в первую очередь установить роль тех из них, которые восполняют информативную недостаточность слов, выступающих как подлежащее и сказуемое.

На основе сказанного довольно трудно было бы указать точные критерии, которые служили бы для определения «собственных» границ каждого из главных членов предложения.

Но есть ли в этом необходимость? Ведь сама практика лингвистического анализа предложений сделала размытыми границы между понятиями состава сказуемого как группы сказуемого, в которую входят наряду со сказуемым относящиеся к нему второстепенные члены, и состава сказуемого как сложного или составного сказуемого. По-видимому, можно было бы и ограничиться определением «состав сказуемого» и «состав подлежащего» с выделением в каждом из них конструктивных элементов и определением их различной по степени необходимости связи с другими частями предложения. Здесь, однако, мы вступаем уже в область собственно предложения, в которой становится неизбежной и лексическая характеристика соответствующих словоформ. Рассматривая же «структурные (или конструктивные) схемы предложения», мы вправе ограничиться установлением лишь формально необходимых в них элементов. При этом вопроса о составном сказуемом (или составном подлежащем) не возникает. Понятно, что в остальном употребление соответствующих обозначений — терминологическая условность, на которой здесь нет необходимости останавливаться.

Далее, одним из существенных вопросов, который обычно непосредственно не поднимается в синтаксических исследованиях, но всегда так или иначе решается (как нечто само собой разумеющееся?) при характеристике многих явлений синтаксиса, является вопрос о лексико-семантической экспликации слов, вступающих в связь с другими словами. От решения этого вопроса, признания или непризнания вообще его правомерности в синтаксисе, в значительной мере зависит та или иная квалификация целого ряда синтаксических конструкций. Многие из относящихся к этому вопросу фактов сами по себе не ускользали от внимания синтаксистов; более того, они были предметом оживленных споров, но рассматривались с точки зрения определения границ и характера так называемого слабого управления, что придало их освещению несколько односторонний характер. Не останавливаясь на природе слабого управления и его интерпретации различными исследователями, обратим внимание только на факты лексической «предопределенности» тех или иных синтаксических связей слова.

Эта «предопределенность» часто настолько существенна для определения значения слова, что неизменно фиксируется в специальных грамматических пояснениях к слову, как, например,

отмечаются особенности глагольного управления (ср. при разграничении значений глагола *смотреть — на кого — что* и *во что; кого — что; за кем — чем; кем — чем — смотрит молодцом*), или же включается в его толкование; например, «*Податься* 1. Подвинуться, сдвинуться с места. 2. Отправиться, направиться куда-нибудь (прост.). 3. Согласиться на что-нибудь после просьб, уговаривания (разг.)»; «*Вернуться.* Прийти обратно; обратиться к чему-нибудь вновь»; *Обернуть что* 1. Обмотать, намотать вокруг чего-нибудь. *Обернуть косу вокруг головы.* 2. Завернуть во что-нибудь, покрыть. *Обернуть книгу газетой.* 3. Повернуть в какую-нибудь сторону. *Обернуть лицо к соседу*»; «*Поступок.* Совершенное кем-нибудь действие»; «*Прибежище* (книжн.) Место, предмет или лицо, к которым можно прибегнуть в поисках защиты, помощи» и т. д. («Словарь» С. И. Ожегова, 1972). Понятно, что с точки зрения синтаксиса, построенного на противопоставлении предложения и словосочетания, все (или почти все) такого рода синтагматические особенности слов признаются несущественными для структуры предложения.

В этом противопоставлении есть своя логика. Однако, как об этом говорилось выше, это — своего рода «формальная логика», на ограниченные возможности которой уже указывалось. Согласно этой логике предикативные конструкции *Он улыбнулся* и *Он вернулся* должны рассматриваться в одном ряду, так же как и *Он гулял* и *Он обернул.* Действительно, возможности «распространения» этих конструкций связаны с семантикой самих конкретных глаголов, а характер предикативного ядра соответствующих предложений останется тем же: *Он улыбнулся сыну, Он вернулся на завод, Он гулял в парке, Он обернул лицо к соседу* и т. д. Под одну и ту же «структурную схему предложения» будут подведены, естественно, и такие предложения, как *Поступок брата мне не нравится* и *Стол брата мне не нравится* и т. д. Возражать против такого подхода к синтаксическим явлениям нет оснований. Но, по-видимому, необходимы поиски и по-другому построенного синтаксиса, который позволял бы выявить структурно-семантическую обусловленность различных компонентов предложения и соответственно иерархическую организацию самого предложения, так же как и его соотношение с другими предложениями. Ведь одинаковые — с точки зрения «структурной схемы» — фразы *Брат приехал в город* и *Брат приехал поздно* не вполне равнозначны, если взглянуть на них с точки зрения их возможного членения. Поскольку в семантику глагола *приехать* входит элемент «направленности» действия (откуда, от кого-чего, куда, к кому-чему), все второстепенные члены предложения, связанные с раскрытием этой направленности, оказываются более спаянными с глаголом, чем вводимые в предложение временные характеристики действия (всякое действие развертывается во времени, поэтому эти характеристики одинаково применимы ко всем глаголам, в том числе и лишенным *специальных*

временны́х значений, какие присущи глаголам *опоздать, предшествовать* и т. п.). В связи с этим сочетание *приехать поздно* синтаксически членимо (ср. *Он приехал, но поздно*), тогда как сочетание *приехать в город* не поддается такой сегментации (такого рода сегментации оно поддается, так же как почти любой второстепенный член предложения, только при выражении частичного отрицания — *но не...*; речь идет не о таких случаях).

Семантическое членение фразы не остается посторонним при ее преобразовании в составе более сложного синтаксического целого. Ср. *Он вернулся поздно — Когда было поздно, он вернулся; Он приехал неожиданно — Его приезд был неожиданным* и т. п. при невозможности подобного расчленения сочетания *вернуться* (*приехать*) *в город.*

Показателем степени семантической спаянности словоформ в ряде случаев может быть то, как они реагируют на отрицание.

Так, фраза *Он не приехал на завод,* где форма *на завод,* будучи семантической экспликацией глагола *приехал,* выражает полное отрицание: *Он не приехал на завод = Он не приехал.* Фраза *Он не приехал на завод вечером* (как обещал) не значит «Он не приехал на завод», в ней отрицается только то, что «он приехал вечером». *Он не читал книги по вечерам* — не значит что «он вообще не читал книги».— Обычное восприятие фразы основано как раз на «пресуппозиции», что «Он читал книги в другое время». Фраза же *Он не читал книги* не дает сама по себе оснований предполагать, что «он читал что-либо другое».

Наконец, можно поставить вопрос и так: если при разграничении различных лексических значений слов признается существенным «синтаксический критерий», то можно ли полагать, что само это разграничение не существенно для синтаксиса или, во всяком случае, для синтаксиса предложения, будучи отодвинуто в синтаксис словосочетаний. С таким мнением можно было бы согласиться при условии, что характером соответствующего «распространения» не определяется «полнота» или «неполнота» предложения, его информативная достаточность или же недостаточность. Ясно, что это не так.

Но почему же тогда информативная недостаточность отдельных глаголов (*оказаться, одержать, казаться, выглядеть* и др.) должна влиять на наше представление о членении предложения и во фразах типа *Он оказался поблизости, Наша армия одержала победу* и под. к сказуемому мы должны относить не только спрягаемые формы неполнозначных глаголов, но и восполняющие их семантическую недостаточность словоформы, в то время как относительно других глаголов, в частности большого числа многозначных, мы считаем нужным применить иную процедуру анализа и безо всяких колебаний не только выводим проясняющие семантику глагола (и соответственно всего предложения) словоформы из рамок сказуемого, но и не включаем их в «структурную схему предложения»?

Например, глагол *менять* толкуется (в «Словаре» С. И. Ожегова) так: *кого — что* 1. Отдавать свое и получать вместо него другое, обычно равноценное. *Менять квартиру на дачу.* 2. Замещать одно другим, брать одно вместо другого. *М. белье. М. работу .М. крупные деньги* (разменивать). 3. Делать иным, изменять. *М. вкусы. М. мнения.* Нетрудно заметить, что реализация того или иного из выделенных значений в разных случаях зависит от неодинакового количества замещенных при глаголе позиций. В некоторых случаях для этого достаточно, чтобы была замещена словами определенной семантики только позиция прямого дополнения: *менять голос, менять образ действий, вид берегов* и т. д. В других случаях этого явно недостаточно. Так, *меняет квартиру* может быть осмыслено как в соответствии с первым, так и в соответствии со вторым значением (ср. *Меняет квартиру на дачу* и *Каждый год меняет квартиру*). Различие между этими значениями в том, что первое предполагает «получение» чего-то другого, «обычно равноценного» только с реальной, неязыковой точки зрения. Лексически же (а иногда, по-видимому, и реально, ср. *Меняли бутылки водки на золотые слитки* и т. п.) это всегда что-то отличное, поэтому здесь и требуется указание *на предмет обмена* — «менять на что», при этом косвенное дополнение «на что» включает обозначение или другого предмета, или того же предмета с иным определением; ср. *меняет квартиру* (т. е. «свою, в которой живет») *на меньшую* и т. п. Второе значение предполагает такое замещение, которое остается в кругу тех же лексических обозначений, т. е. «лексически равноценное» замещение, поэтому отсутствие указания на предмет обмена (за исключением устойчивых словосочетаний вроде *менять деньги*) связано с реализацией именно второго значения. Ср. *менять белье, менять работу* и т. п. В отличие от синтаксических связей глагола в первом значении здесь семантическая экспликация глагола связана с указанием на периодичность «замещения», т. е. «как часто — как редко» и т. п. *меняет что-то* (*белье, работу* и т. п.). Так, взятые без более широкого контекста фразы *Меняет галстуки на марки* и *Каждый день меняет галстуки* реализуют соответственно первое и второе значения глагола. Легко заметить при этом, что указание на время, периодичность действия не препятствует проявлению первого значения, если оно предопределено косвенным дополнением с предлогом *на*. Ср. *Каждый день меняет галстуки* и *Каждый день меняет галстуки на значки; Хозяйка часто меняла простыни* и *Хозяйка часто меняла простыни на муку* и т. п.

Понятно, что в реальной жизни «обмен» и «замещение» тех или иных предметов в значительной степени регулируются условиями самой жизни, поэтому обычность или необычность фраз с глаголом *менять* может быть различной, но лексико-синтаксические условия, в которых реализуются его значения, в общем достаточно устойчивы.

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНОСТИ

*

Определительные отношения, если понимать эти отношения широко, как они понимаются, например, в соответствии с соссюровским учением о синтагме, могут быть трех видов. Это давно отмечено традиционным синтаксисом, делящим второстепенные члены предложения на дополнение, определение и обстоятельство. Отказ от этих понятий в ряде новейших описаний синтаксического строя русского языка объясняется как трудностью определения функций некоторых из членов предложения (и противоречивостью отдельных традиционно закрепленных положений о природе этих членов), так и тем теоретическим подходом к синтаксису как синтаксису предложения и синтаксису словосочетания, при котором второстепенным членам была отведена роль членов словосочетания, а следовательно, они и не должны были рассматриваться как «члены предложения».

Одним из противоречивых положений традиционного синтаксиса была, несомненно, характеристика категории обстоятельства. То, что в эту категорию были включены приглагольные определения, т. е. наречия на *-о* (объединены в прежней школьной грамматике в группе «обстоятельства образа действия»), разрушает стройность системы, ставит под сомнение ее реальную обоснованность.

Модификацией этой системы явились синтаксические представления А. И. Смирницкого [1], который, отметив, что «в предложении ясно различаются неравноправные по своему характеру типы связи» — «более тесные и менее тесные», что проявляется «в большей или меньшей легкости членения различных соединений слов», попытался установить «различные градации членения между словами в предложении». По его мнению, связь между подлежащим и сказуемым наиболее свободная; ее А. И. Смирницкий назвал предикативной. Наиболее тесная связь объединяет определение и определяемое. Эта связь была названа определительной, или атрибутивной. «Атрибутивная связь, — писал А. И. Смирницкий, — наименее живая, но наиболее прочная связь между словами в предложении. Это связь как бы заранее данная, готовая. Для нее характерно то, что она образует такие сочетания, которые в предложении выступают как

[1] *А. И. Смирницкий.* Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 173 и сл.

цельные единицы, как цельные комплексы, включаемые в предложение в собранном, готовом виде». Третий вид связи — дополнительная, или комплетивная. «Эта связь,— по словам А. И. Смирницкого, — наиболее характерна для дополнения и обстоятельства». Она занимает промежуточное положение между двумя предыдущими видами связи, «являясь более тесной, чем предикативная, но менее тесной, чем атрибутивная». «Комплетивная связь не представляется заранее данной и вместе с тем не выступает как связь, для установления которой организуется предложение».

Как свидетельствует исследование А. И. Смирницкого, традиционное различение второстепенных членов предложения не оказывается исчерпавшим себя, как это казалось некоторым исследователям, — оно может быть положено и в основу теории, стремящейся по-новому осветить синтаксические явления. Ценным в концепции А. И. Смирницкого представляется попытка установить соотношение между различными видами связи, характерными для отдельных членов предложения, и степенью семантической спаянности соответствующих компонентов, хотя то, как характеризуется указанное соотношение, представляется по крайней мере спорным.

К бесспорным положениям, содержащимся в исследовании, относится положение о том, что так называемые обстоятельства образа действия должны быть отнесены к разряду определений, а не обстоятельств[2]. Менее бесспорным кажется утверждение о том, что при определении вида связи основным является «не то, какие части речи связываются, а то, как они связываются»[3]. Думается, что каждая часть речи в известных пределах предопределяет возможный для нее вид связи, — установление того, как реализуются различные виды связи между различными морфологическими классами слов, и является одной из основных задач синтаксиса. Представляется ошибочным то, что дополнениям и обстоятельствам приписывается один и тот же вид связи, названной комплетивной.

В противоречии с концепцией А. И. Смирницкого находится тот факт, что атрибутивные связи не зависят от лексического значения сочетающихся слов, а поэтому оказываются как раз менее обусловленными, чем те связи, которые устанавливаются при дополнении. Атрибутивную связь можно истолковать как «заранее данную, готовую» только в том случае, если подходить к атрибутивным словосочетаниям с точки зрения оценки их «номинативных» возможностей,— действительно, многие атрибутивные словосочетания становятся нечленимыми по смыслу номинативными единицами (*стиральная машина, стиральный порошок, населенный пункт* и т. п.), но в случае «свободного» соединения

[2] *А. И. Смирницкий.* Указ. соч., стр. 223 и сл.
[3] Там же.

определения с определяемым атрибутивная связь всегда возникает как результат сочетания двух значений. При этом в зависимости от различных условий контекста определительное отношение легко переходит в выделительное, которое уже никак не пассивно по отношению к структуре синтаксического целого. Ср.:

Каменные стены окружают город — определительное отношение; определяемое *стены,* так сказать, полноправно представляет все словосочетание в предложении.

Каменные здания находятся в центре города — выделительное отношение; определяемое *здания* не вводится в предложение без определения, в соответствии с чем роль последнего в семантической структуре предложения становится решающей.

Напротив, роль лексических «распространителей» главных членов словосочетаний приходится именно на дополнения.

Дополнительные связи основаны на собственно лексическом значении слова. Предикативное противопоставление дополнения дополняемому слову, хотя и возможно в отдельных случаях, не характерно для синтаксических отношений в целом. Внутри дополнительных словосочетаний не возникает и, как правило, не может возникнуть напряжение, которое придает компонентам словосочетания значение предикативного сопоставления. Это значение, в общем, проявляется тогда, когда между компонентами словосочетания возникает отношение взаимной синтаксической обусловленности. Этому значению препятствует лексическая обусловленность дополнения.

Восполнение семантической недостаточности или неопределенности компонента предложения, обусловливающего дополнительные связи, само по себе не вызывает предикативных импульсов внутри предложения, хотя — что существенно — способно обусловливать те же изменения в семантическом членении предложения, что и введение в предложение компонентов, характеризуемых другими связями. Ср. соотношение между фразами:

Свет погас — Свет погас и:

Свет выключили — Свет выключили.

Иной тип связей представлен определительными связями. Их понимание как «свернутых» предикативных находится в прямом соответствии с понятиями «обособление» и «полупредикативность». Отличительной чертой именно определений является возможность обособления, они же становятся главным образом носителями полупредикативности в ее традиционном понимании. Характерно, что обособление прилагательных в полной форме параллельно обособлению причастий, т. е. форм слова, сохраняющих значение глагольности, а следовательно, и способность выражения активного признака предмета. С этим связано и то, что даже место определения по отношению к определяемому приобретает грамматическое значение, а самая грань между собственно определительными и предикативно-определительны-

ми отношениями становится в ряде случаев колеблющейся в зависимости от лексической характеристики словосочетания и его положения во фразе. Ср.: Хотел тогда комиссар пристрелить Пухова, но сообразил, что без механика — *плохая война* (Платонов, Сокровенный человек); — Ой ты, батюшки, какое на ней платьице! Глянь-ка, Лариса! — *Хорошее платье*,— сказала Лариса (Антонов, Дело было в Пенькове); Второй раз прочно сели в «Чертовом пруду» — *место законное* для задержки (Тендряков, Ухабы).

Обстоятельственные слова и сочетания слов отличаются тем, что характеризуют ситуацию в целом.

Ввиду того что глагол, как таковой, обозначает не только действие или состояние предмета, к которому он относится, но потенциально и ситуацию в целом, ту ситуацию, о которой идет речь в сообщении, обстоятельства прежде всего примыкают именно к глаголу. Поскольку же выражение ситуации, намеченной глаголом, становится содержанием всего предложения, обстоятельственные связи легко распространяются на все предложение, приобретая в таком случае характер предикативной обособленности. Поэтому-то обстоятельство и способно служить как бы заменой собственно глагольного слова:

Я иду в институт — Я в институт;

Гости находятся в саду — Гости в саду и т. п.

Само глагольное сказуемое становится при препозиции обстоятельственного слова (или словосочетания) как бы выразителем вторичной предикации. Ср.:

У него кашель и болит голова;

В комнате тесно и дует и т. п.

Ср. также:

В саду — гости и *Гости — в саду,*

но:

В саду — гости и царит оживление — при невозможности:

Гости и царит оживление в саду.

На такую особенность обстоятельственных слов неоднократно обращали внимание исследователи в связи с различными вопросами, в первую очередь обращаясь к проблеме управления.

Так, Е. С. Скобликова предлагает для сравнения такие предложения: *В лесу ромашки были мельче и реже. Ромашки, редкие в лесу, на поляне росли сплошным ковром. Ромашки в лесу и ромашки на поляне были совсем разные. Расположились в лесу мы уже вечером.* Вывод заключается в том, что предложно-падежная форма *в лесу* в первом из приведенных предложений «относится к содержанию всего предложения», в других же «входит в словосочетания со словами различных частей речи»[4]. Вывод этот не представляется противоречащим общему представле-

[4] *Е. С. Скобликова.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971, стр. 38.

нию о значении предложно-падежной формы *в лесу* в приведенных предложениях, но его формулировка не кажется безукоризненной. Что значит, что форма *в лесу* относится к содержанию всего предложения — к содержанию всего предложения, в которое она сама входит?

Если к «содержанию всего предложения» — за исключением самой этой формы, то, очевидно, требовалось бы уточнение понятия «предложение». Естественнее думать, что здесь имеется в виду другое. А именно то, что форма *в лесу* относится к содержанию предложения, в которое и она сама входит, тогда, значит, — к части предложения, конструктивно существенной частью которого эта форма является. Но в таком случае правильнее формулировать вывод об особой роли формы *в лесу* в приведенных предложениях как отличие в ее отчлененности от остального состава предложения, т. е. в силе предикативных возможностей. Действительно, когда локативы стоят в препозиции, они приобретают ту особую синтаксическую роль, которая и была очень проницательно отмечена Н. Ю. Шведовой при характеристике выделенных ей «детерминантов». Как один из самых существенных признаков детерминантов Н. Ю. Шведова считает то, что их позиция является «синтаксически закрепленной», т. е., по ее оценке, «грамматически нормальной».

Н. Ю. Шведова выдвинула понятие детерминантов, или детерминирующих членов предложения [5], исходя из того, что «отдельная словоформа может входить в предложение в качестве его распространителя, формально не связанного ни с какой словоформой, распространяющей эту схему» [6]. В составе детерминантов Н. Ю. Шведова выделила две группы: обстоятельственные и объектно-субъектные.

Нетрудно заметить, что среди выделенных таким образом детерминантов и той и другой группы оказываются члены предложения, играющие в выражении содержания предложения не совсем одинаковую роль.

Так, объектно-субъектные детерминанты иллюстрируются, в частности, следующими примерами: *Заводу не везет с директорами* и *С погодой не везет* [7]. В первом предложении в качестве детерминанта выделена форма *заводу,* во втором — *с погодой.* Здесь же говорится, что детерминант может находиться не только в абсолютном начале предложения, но и «непосредственно» при его главном члене, для двусоставного предложения — при группе «подлежащее—сказуемое» или при одном из главных членов, например: *Для ребенка здесь сыро* и *Здесь для ребенка сыро.* В обоих предложениях как детерминант выделена предложно-падежная форма *для ребенка,* но поскольку к локальным

[5] *Н. Ю. Шведова.* Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения.— ВЯ, 1964, № 6.
[6] «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 624.
[7] Там же, стр. 629.

детерминантам относятся и наречия (в том числе *здесь*), то в этих предложениях нужно видеть по два детерминанта (*здесь* и *для ребенка*), которые меняются местами. В предложении же *Заводу не везет с директорами,* естественно, также два детерминанта — *заводу и с директорами.* Теперь сравним эти предложения, например, с такими, приведенными там же: *Тебе телеграмма*!; *Ему бы только спать; Для учителей прибавится хлопот; С кадрами неблагополучно* (как детерминанты соответственно выделены *тебе, ему, для учителей, с кадрами*).

Все выделенные в этих примерах словоформы действительно могут сочетаться «с разными структурными схемами предложения». Однако, констатируя эту возможность, мы устанавливаем лишь одно направление связи между членами предложения. В то же время бесспорно, что должен быть принят во внимание и различный характер обусловленности самих детерминантов.

Так, словоформа *тебе* в сочетании *тебе телеграмма* ни в какой степени не обусловлена значением слова *телеграмма* как такового. Между тем именно этой формой в сочетании с последним создается двучленное предикативное словосочетание особого типа. В предложении же *Заводу не везет с директорами* само конкретное слово *не везет* (соответственно — *везет*) предполагает присоединение указанных словоформ, поскольку при таком присоединении раскрывается его лексическое значение; ср. словарное определение последнего. В толковых словарях при глаголе *везти* в данном значении дается грамматическое пояснение: *безл. кому в чем*[8]. Следовательно, для проявления этого значения необходима вполне определенная схема предложения (указание на которую — на основании приведенных в «Грамматике», а также других примеров — может быть несколько уточнено: «*кому в чем или с чем*»). Действительно, *не везти* может кому-то в чем-то (*в делах, в любви* и т. п.) или с чем-то (*с работой, с друзьями* и т. п.). Конечно, вполне возможно отдельное употребление глагольной формы *Не везет!* или *Не везет на новом месте!* и т. п., однако грамматическое пояснение при толковании значения глагола не является случайным, поскольку оно указывает на «семантические координаты» слова в данном значении.

Разумеется, для того чтобы установить возможности различных частей речи в формировании тех или иных членов предложения и — далее — выяснить с достаточной полнотой роль последних в организации и членении предложения, необходимо принять во внимание множество самых разнообразных и разнородных фактов, что делает общие линии всякой положительной схематизации не только перекрещивающимися, но во многих случаях и довольно расплывчатыми. Не всегда при изменении аспекта исследования и его задач одни и те же линии должны представ-

[8] См., например: *С. И. Ожегов.* Словарь русского языка. М., 1972, стр. 68.

ляться основными и ведущими. Однако всякая перегруппировка уже известных фактов может быть полезной и оправданной в том случае (и, по-видимому, только в том случае), если она делает возможным более последовательное и более общее освещение рассматриваемых явлений.

По существу присутствие в предложении любых определительных или обстоятельственных распространителей предполагает «неактуализированную» (представленную как «данное») предикацию, которая могла бы быть эксплицирована. Так, предложение *Врач вышел из палаты* предполагает скрытое утверждение, что «врач был в палате», а предложение *Пришел молодой врач* — утверждение, что «пришедший врач был молодым». Совершенно ясно, что возможность включения в высказывание единиц скрытой («уже осуществленной») предикации является одной из самых существенных особенностей языка, обеспечивающей его способность разнообразно и адекватно отражать самые различные события и ситуации.

Существенно, конечно, не то, что те или иные непредикативные сочетания могли бы быть «выведены» из предикативных или при анализе «представлены» как предикативные, а то, что в зависимости от различных условий эта «скрытая предикативность» может становиться «полупредикативностью» или «полной предикативностью» (ср. функции прилагательных, сочетающихся с существительными в форме именительного падежа). Существенно и то, что, как показывают хотя бы примеры с собственно определительными и выделительными определениями, степень проявления в предложении «скрытой предикативности» может быть в разных случаях различной, причем характер связи соответствующих слов обусловливается, в общем, достаточно очевидными факторами.

Исследователи синтаксиса давно уже обращали внимание на то, что в предложении наряду с явно выраженной предикативностью может присутствовать «скрытая предикативность». Например, А. А. Шахматов отметил, что определениям может быть свойственна как собственно определительная, так и выделительная функция.

Отметив, что отношения между «представлениями» могут быть предикативными и атрибутивными, Шахматов выделил также предикативно-атрибутивные отношения. Он писал: «Наконец, между представлениями возможны отношения предикативно-атрибутивные: это такие отношения, которые существуют между частями одного общего неразложившегося представления, причем ими утверждается или отрицается связь одних сочетавшихся при этом представлений с другими, но не расчлененных, не ставших между собой в отношения предикативные; наличность подобных отношений между представлениями вытекает из таких словосочетаний в составе предложения, в которых сочетавшееся с представлением о субстанции представление о признаке

выражает утверждение или отрицание его связи с тем представлением: *добрый человек не мог бы так поступить, мальчики ленивые причиняют преподавателю немало огорчений, начальник нераспорядительный может легко запутать все дело* и т. п.»[9].

Ср. такие примеры: Когда *старые* березы цветут и золотистые сережки скрывают от нас наверху уже раскрытые маленькие листы, внизу на *молодых* везде видишь ярко-зеленые листики величиной в дождевую каплю... (Пришвин, Лесная капель); Барсук тогда выкопал себе нору повыше и поселился в ней вместе с котом, а вонючка лисица осталась в *старой* норе (Там же). Понятие полупредикативности, таким образом, давно является узаконенным в синтаксических описаниях русского языка. Всякое обособление определяющего члена словосочетания всегда обнаруживает его предикативные возможности, которые ограничиваются, однако, тем, что определяемое имя в данном случае вступает в связь со спрягаемой формой глагола, обусловливающей основное предикативное членение соответствующего высказывания. Полупредикативное определение предстает, таким образом, членом предложения, приобретающим двойную ориентацию — и в направлении определяемого, и в направлении собственно предиката, по отношению к которому он выступает как дополняющий его (подтверждающий, разъясняющий значение предиката или контрастирующий с ним и т. п.) признак. Ср.: Шампунь вскакивает и, *бледный, широкоглазый,* начинает шагать по комнате (Чехов, На чужбине); *Молодые,* они строили себе новую страну для долгой будущей жизни (Платонов, Сокровенный человек); А тракторы? *Похуже или получше, первокачественные или второсортные,* они спокойно живут многие годы, бороздя колхозные поля (Николаева, Битва в пути); *Тяжело раненный в первом же бою,* он после госпиталя вернулся в Подсвятье... (Нагибин, Погоня); *Назначенный в экстренную поездку,* инженер не мог пойти в Ревтрибунал, но помнил об этом (Платонов, Сокровенный человек).

Ср. также: *Историк по образованию,* он еще два года тому назад работал в одном из московских музеев... (Булгаков, Мастер и Маргарита) и т. п.

Обособление (а следовательно, и полупредикативность) подчеркивается и усиливается «рассогласованием» определения: Люди старшего и среднего поколений, выросшие вдалеке от столиц, помнят, какую душевную растерянность они испытывали, впервые, *взрослыми* уже, попав в Эрмитаж или Третьяковскую галерею (Из газет, 1974).

Обособление может захватывать и определяемое, которое в таком случае вместе со своим определением становится комплексным определением основного предикативно определяемого члена предложения; возможно такое полупредикативное обособ-

---

[9] *А. А. Шахматов.* Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 29.

ление самых разнообразных по строению словосочетаний; ср.: Пятого июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, *один из самых восточных пунктов нашего отечества* (Чехов, Остров Сахалин); Нехлюдов, *как бывший офицер,* понимал, хоть и не признавал доводы молодого Чарского... (Л. Толстой, Воскресение); Но Анатолий Иванович, *человек гордый, знающий себе цену,* и после этого не ушел (Нагибин, Погоня); *Сосновый чистый лес,* он походил на мрачный прокопченный овин, бескрайняя крыша которого подперта бесчисленными столбами (Тендряков, Находка).

Предикативный (полупредикативный) характер такого рода обособлений обусловливает то, что они могут вторгаться в структуру сложноподчиненных конструкций: Шумел лес, *не только безлюдный,* но лес, где сейчас попрятался всякий зверь (Тендряков, Находка).

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

*

Разграничение односоставных и двусоставных предложений, введенное А. А. Шахматовым, имеет большое значение в том случае, если при этом разграничиваются, во-первых, словоформы, способные не в эллиптических конструкциях (и не в условиях специальной ситуации и т. п.) образовывать предикативную основу фразы вне сочетания с другими словоформами, и, во-вторых, словоформы, образующие предикативную основу фразы только в сочетании с некоторыми другими словоформами.

Если не считать личной формы глагола, которая сама по себе указывает на субъект действия (хотя бы в его отношении к говорящему) или «отстраненность» действия от субъекта вообще у безличных глаголов (*пишет* и *морозит*), то первая группа представлена в основном следующими словоформами: имя существительное в именительном падеже, имя существительное в родительном падеже, инфинитив, наречия на *-о*.

Предикативная самодостаточность (автопредикативность) всех этих словоформ связана с лексическими ограничениями.

Поскольку трактовка образованных данными словоформами предложений в ряде случаев оказывается различной, обратимся к более подробному рассмотрению ряда примеров.

Так называемые номинативные предложения, т. е. предложения, предикативный центр которых создается именительным падежом имени в независимой позиции, оценивались и классифицировались различными авторами по-разному. На одну важную особенность этих предложений обратил внимание А. М. Пешковский. Он писал: «Прежде чем перейти к отдельным видам этих предложений, мы должны выяснить одну общую черту их, отделяющую их от неполных предложений, к которым они по внешности довольно близко подходят. Чертой этой является обязательное отсутствие специфически приглаголь ных членов». Приведя дальше описание сцены в начале пьесы Островского «Не все коту масленица»:

> Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветной скатертью,

А. М. Пешковский отметил: «из данных предложений только первое может быть названо номинативным, хотя глаголов нет и в остальных. В самом деле, если бы мы, например, признали

www.ruslang.ru

номинативным и второе предложение, то мы бы решительно не знали, что нам делать со словами в глубине. К чему они относятся? К слову *дверь* они хотя вообще и могли бы относиться (ср. *дверь в глубине заперта, а дверь по правой стене открыта*), но в данной связи, несомненно, не относятся. Это ясно хотя бы из сравнения этого сочетания с сочетанием *в переднюю,* которое явно относится к слову *дверь*. Стало быть, это сочетание относится к какому-то глаголу или какому-то составному сказуемому (*идет, видна, виднеется* и т. д.). И хотя фактически в таком контексте сказуемое никогда не употребляется, хотя в отдельных случаях невозможно даже придумать никакого слова для заполнения этого пустого места, однако мы все же считаем его синтаксическим местом, указываемым словами *в глубине*, и потому не подводим этого предложения под рубрику «номинативных»[1]. Хотя вывод А. М. Пешковского о том, что «присутствие наречия или косвенного падежа существительного, если только эти члены не мыслятся приименно при самом именительном, служит для нас признаком неполного предложения, а не номинативного»[2], не представляется убедительным, проводимое им разграничение предложений типа *Дверь* и типа *В глубине дверь* и т. п., несомненно, заслуживает внимания.

Считать предложения вроде *В глубине дверь* неполными мешает то обстоятельство, что восполнение якобы недостающего глагольного (или вообще сказуемостного) члена здесь всегда произвольно, а во многих случаях и невозможно без разрушения или изменения смысла фразы. На это, как мы видели, обратил внимание сам А. М. Пешковский, на этом останавливались и другие исследователи, отметившие принципиальную разницу между предложениями с обстоятельственными словами, сочетающимися непосредственно с существительными в форме именительного падежа, и предложениями, которые можно причислить к неполным[3]. Целесообразность разграничения этих типов предложений обусловлена тем, что, в то время как неполные предложения действительно требуют восполнения недостающего члена (и это восполнение всегда возможно — из контекста речи), в предложениях рассматриваемого типа именно «присутствие наречия или косвенного падежа существительного», говоря словами А. М. Пешковского, уже само по себе «восполняет» отсутствие глагола, как бы принимая на себя соответствующую функцию.

---

[1] *А. М. Пешковский.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 377—378.

[2] Там же, стр. 378.

[3] См. например, работы А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева, Б. И. Фоминых, Е. Л. Безденежных и др. Ср. также замечания о стационарном и нестационарном эллипсисе в кн.: *Е. А. Земская.* Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 52—53.

В то же время введение во фразу одного из реальных глаголов (или вообще одной из словоформ, которые могли бы в данной конструкции занять место сказуемого) не является необходимым; более того, выбор одного из группы глаголов соответствующей семантики никак не диктуется в данном случае ни общим контекстом, ни особенностями самой фразы, т. е. его включение во фразу было бы ее произвольным переосмыслением. На трудность подобного восполнения «неполных» предложений такого типа указывал и А. М. Пешковский, который писал: «Но нужно все-таки отметить, что чем труднее восполняются такие неполные предложения глаголом и чем менее нуждаются они в нем, тем ближе они к номинативным. Пределом такой близости являются, кажется, предложения с приглагольным членом в начале, паузой противопоставления после него и именительным после паузы.

И вот, рядом с этим беззаветным героизмом, с этой преданностью долгу — самое беззастенчивое хищничество. И вот за все мои жертвы — одна черная неблагодарность»[4].

Этими наблюдениями А. М. Пешковский отчасти предвосхитил идеи о детерминантах (Н. Ю. Шведова), свободных синтаксических словоформах (Г. А. Золотова), т. е. идеи, которые, несомненно, должны были бы сказаться и на характеристике односоставных номинативных предложений. Для нас пока важно отметить, что отграничение собственно номинативных конструкций от тех конструкций, где именительный падеж имени существительного, находящийся в независимой позиции, «сочетается» тем не менее с различного рода обстоятельственными словами, имеет довольно давнюю традицию. Это отграничение представляется неизбежным, если стремиться установить соотношение рассматриваемых конструкций с другими конструкциями и их функции в различных синтаксических условиях. Представляется несомненным, что сочетание именительного падежа существительного с обстоятельственными словами (выраженными наречиями или предложно-падежными формами), так же как его сочетание с различными частицами, создает уже другой тип фразы по сравнению с его изолированным употреблением или его употреблением с непосредственно относящимися к нему определениями (в узком значении термина).

Если мы сравним фразы вроде *Дача* и *Вот дача*, *Река* и *Рядом река*, *Стол* и *Ну и стол*, *Казнь* и *Завтра казнь*[5], то нам, по-

---

[4] *А. М. Пешковский.* Указ. соч., стр. 378.

[5] Последний пример приводится как пример номинативного предложения чуть ли не во всех исследованиях, в которых освещается вопрос об этих предложениях, в том числе, если говорить только о последних работах, в докторской диссертации Я. И. Рословца «Именные (субстантивные) предложения в современном русском языке» (М., 1974) и в книге П. А. Леканта «Синтаксис простого предложения в современном русском языке» (М., 1974).

видимому, нетрудно будет заметить существенное различие между ними. Это различие заключается в том, что фразы с частицами и обстоятельствами автосемантичны, они интонационно однозначны (естественно, в тех пределах, которые возможны и для других предикативных единиц), в то время как фразы с изолированным именительным падежом требуют определенного «выделения интонацией», причем характер интонации (как и их общее значение) определяется всецело контекстом (или ситуацией). Во всяком случае кажется несомненным, что изолированное употребление формы именительного падежа существительных, относящихся к различным лексико-семантическим разрядам, осуществляется не при равных синтаксических условиях и приводит к различному осмыслению соответствующих фраз.

Существует и иное мнение. П. А. Лекант, отметив, что препозитивные второстепенные члены во фразах *В доме шум; Заутра казнь; У нее жар* «относятся к структурной основе предложения, представленной номинативным главным членом, и являются самостоятельными распространителями предложения», пишет так: «Это означает, что они не могут рассматриваться как показатели двусоставности предложения. Однако этот вывод еще недостаточен для доказательства односоставности рассматриваемых предложений. Односоставность приведенных предложений проявляется в том, что их главный член предикативно неопределяем. Занимая в предложении независимую позицию, существительное в именительном падеже совмещает два значения — назывное и бытийное. Назывное значение опирается на лексическое значение имени существительного и значение предметности; бытийное значение выражается независимым и предикативно неопределяемым положением номинатива в предложении.

Таким образом, по значению и по положению главный член предложений *В доме шум; Заутра казнь; У нее жар* и т. п. не отличается от главного члена в «классических» номинативных *Осень*; *Полночь*; *Снег* и т. п. Предложения с детерминирующими обстоятельственными и объектными второстепенными членами являются односоставными. Это положение признается многими исследователями. Тождество главного члена данных предложений по форме и значению с главным членом «классических» номинативных дает основание для широкого понимания категории номинативных предложений (с включением в нее предложений типа *В доме шум; Заутра казнь; У нее жар*)»[6].

Однако далее самому автору приходится отметить, что «детерминирующие члены» представляют собой структурный элемент предложения. В таком случае вызывает сомнение необходимость объединения данных конструкций с собственно номинативными, тем более что дальше сам автор выделяет два типа номинативных предложений — нерасчлененные и расчленен-

[6] *П. А. Лекант*. Указ. соч., стр. 45.

ные — и отмечает различие и в их содержании, и в интонационном оформлении.

Разумеется, сложность и неоднородность языкового материала позволяет по-разному группировать его, вопрос же о том, что относить к номинативным (или вообще к «односоставным») предложениям, в значительной мере является терминологическим вопросом. Однако в данном случае существенно то, что включение во фразу «детерминирующих членов» сразу как бы переводит ее в иные синтаксические условия, делает возможными для нее новые синтагматические связи. Ср. пример П. А. Леканта *У нее жар* и такую фразу, как *У нее болит голова*, а также *У нее жар и болит голова* и т. п.

Нужно отметить также следующее. Вряд ли целесообразно считать, что такие, например, предложения, как *У нее жар и У нее сильный жар* или *У нее грустное лицо* и *Лицо у нее грустное,* представляют собой совершенно разные типы предложений. Между тем несомненно, что уже включение в предложения препозитивного детерминирующего члена способствует возникновению предикативных отношений между определяемым существительным и относящимся к нему определением, а изменение места детерминирующего члена делает эти отношения как будто вполне явными. Однако если и согласиться с тем, что соответствующие конструкции относятся к разным типам (т. е. представляют собой соответственно односоставные и двусоставные предложения), по-видимому, нет оснований игнорировать в них то общее, что позволяет одновременно отграничить их от фраз, которые могли бы быть организованы только данными существительными — без «детерминирующих членов»: ср. *Жар; Лицо* и т. п. в виде отдельных предложений и такие примеры: [Петр.] Он, в сущности, добрый старик... но *у него большое самолюбие* (Горький, Мещане); [Шалимов.]... Иду по улице и вижу каких-то людей... *У них совершенно особенные физиономии... и глаза* (Горький, Дачники); [Басов.]... Какая ты холодная со мной, неразговорчивая... отчего, а? *И лицо у тебя такое скучное,* отчего? (Там же); [Шишкин.]... *Скверный у меня характер!* (Горький, Мещане) и т. п.

Ср. также: *Лицо у нее опухло от слез,* левый глаз почти закрыт большим синяком (Горький, Мои университеты); Он, должно быть, не спал ночь, *лицо у него было бурое,* глаза красны и опухли.. (Там же); *Лица у всех были пасмурны,* в глазах отражалась гнетущая тоска (Новиков-Прибой, Капитан 1-го ранга); *У чиновника покраснел нос, он злобно заморгал глазами* (Вересаев, Два конца) и т. п.

Формы именительного падежа существительных, относящихся к различным лексико-семантическим группам, легко объединяются в интонационное целое и выступают как бы наравне друг с другом (со сходным синтаксическим значением) в некоторых специальных контекстах, как, например, в драматургических и

повествовательных произведениях, где они указывают на время, место, обстановку действия; ср. такого рода фразы, намечающие своего рода «экспозицию», в ряде рассказов Бунина: Летний жаркий день, в поле, за садом старой усадьбы давно заброшенное кладбище,—бугры в высоких цветах и травах и одинокая, вся дико заросшая цветами и травами, крапивой и татарником, разрушающаяся кирпичная часовня (Часовня); Прекрасные летние дни, спокойное Черное море (Молодость и старость); Влажная, теплая, темная ночь поздней осенью. Поздний час. Селенье в Верхних Альпах, мертвое, давно спящее (В Альпах) и т. п.

Стилистическая ограниченность такого рода синтаксических построений вполне очевидна.

П. А. Лекант правильно, на наш взгляд, подчеркивает, что «необходимым средством „превращения" слова в предложение является предикативная интонация, которая тем самым участвует в выражении бытийности»; дальше же он следующим образом характеризует номинативные предложения: «Грамматическое значение бытийности является крайне отвлеченным и не имеет никаких градаций. Оно не зависит ни от лексического значения существительных, ни от принадлежности их к категориям собственных или нарицательных, одушевленных или неодушевленных, конкретных или отвлеченных. Например, в предложениях *Москва; Февраль; Бульвар; Дети* и т. д. значение бытийности выражается одинаково. Именительный падеж существительных имеет такое же значение и в предложениях *На улице осень; Кругом тишина,* поэтому их не следует причислять к двусоставным путем сопоставления с *На улице была осень; Кругом была тишина*»[7].

Существительные различной семантики действительно, как мы видели, указывая на место и время действия, обладают сходной предикативной значимостью. Они могут объединяться (т. е. выступать в одинаковой синтаксической функции) и в тех случаях, когда обозначают появление называемых предметов, указывают на их возникновение в памяти, имеют характер разъяснения и т. п. Например: Мы даже не скрываем друг от друга своей подавленности, голова к голове глядим в окно: *поля, дороги, шлагбаумы, крыши* (Тендряков, За бегущим днем); Бадукову вспомнилась его деревушка на Вологодщине.

Снега. Сугробы по самые крыши. Тишина. Слабый скрип венцов у изб в лютые святочные морозы. Долгий и ясный звон, когда от ветерка качаются обледенелые веточки поникших берез (Конецкий, Путь к причалу); Глаза его в красных кольцах — *стужа, пережитый страх, водка, злоба* (Булгаков, Белая гвардия) и т. д.

Но существенно, по-видимому, отметить и то, что различным по своей семантике существительным все-таки не в равной степе-

[7] *П. А. Лекант.* Указ. соч., стр. 41—42.

ни свойственно изолированное употребление в форме именительного падежа. При этом значение «бытийности» проявляется у них не совсем одинаково.

Так, отчетливо различается предикативная значимость фраз, образованных именительным падежом имен существительных с предметным значением, и фраз, образованных именами существительными с процессуальным или событийным значением. Только в последнем случае возникают фразы, выражающие то собственно бытийное значение, которое нередко приписывается номинативным предложениям вообще. Действительно, фразы типа *Дождь*; *Мороз*; *Тишина* и т. п. обозначают именно «наличие» того явления, которое названо данными существительными. Существительные же с предметной семантикой, выступая в независимой и изолированной позиции, т. е. приобретая сами по себе предикативную значимость, как правило, проявляют значение «бытийности» в осложненном определенным образом виде. Каким именно образом осложнено это значение, зависит от контекста. Обычно это не просто констатация наличия или присутствия обозначенного предмета, а указание на какое-либо реальное или мысленное движение (приближение предмета, приближение к нему; на те или иные причинно-следственные отношения и т. д.): Вдруг мои мужики закричали: — *Волк! волк!* (Куприн, Фердинанд); ...малый круто осаживает лошадей.— *Волки!* — вскрикивает он (Бунин, Волки); — *Самолеты!* — испуганно крикнул один из красноармейцев.— Наши,— сказал другой (Симонов, Живые и мертвые); *Полк!* — говорили они радостно.— Полк идет! (Чехов, Муж); Михаил вошел в избу — *Лизка*. Сидит у стола на лавке (Абрамов, Две зимы и три лета); До стипендии еще ноги протянешь, а получишь стипендию — половину вынь да отдай: *долги* (Тендряков, За бегущим днем).

По-видимому, фразы *Волк!* и *Болото!* по-разному трансформируют значение бытийности, если и считать его общим для них, так как они неизбежно связаны с представлением о «движении предмета» или «движении к предмету».

Достаточно четко отграничиваются от других в своем независимом предикативном употреблении и существительные с оценочным значением: *Молодец! Дурак!* и т. п. Сказав, что этими формами существительных обозначается бытийность, мы, по-видимому, никак не определим их природы, поскольку для них вообще характерна особая синтаксическая позиция и преимущественно предикативная функция. Как отмечал В. В. Виноградов, некоторые значения существительных, названные им конструктивно-обусловленными, реализуются только при их предикативном употреблении (*Шляпа! Ворона!* и т. п.). Ясно, что фразы типа *Волк!*, с одной стороны, и типа *Молодец!* — с другой, по-разному сигнализируют о «наличии предмета», если в последнем случае о таком значении вообще имеет смысл говорить.

Одним из вопросов, возникающих в связи с рассмотрением номинативных предложений, является вопрос об их составе, а соответственно и соотношении с некоторыми другими конструкциями. Так, прежде всего приходится отметить, что существуют разногласия даже по поводу того, являются ли, например, фразы *Ночь* и *Была ночь* формами (временны́ми) одного предложения или же представляют собой разные типы предложений. В цитированном уже исследовании П. А. Леканта высказано мнение, что «именные односоставные предложения не образуют парадигмы временны́х форм, так как введение глагола в прошедшем или будущем времени коренным образом меняет синтаксическую позицию существительного и способствует выражению бытийности лексическим путем (ср.: *Была полночь*; *Снегу-то было!*)»[8].

В академической «Грамматике» 1970 г., напротив, указана «полная парадигма» односоставных предложений: *Тишина — Была тишина — Будет тишина — Была бы тишина* и т. д. (стр. 590). Правда, остается неясным, в равной ли степени полной парадигмой могут быть охвачены хотя бы примеры, приведенные после обозначения данной структурной схемы, среди которых находятся и явно экспрессивные предложения, отмеченные восклицательным знаком (*Ночь; Тишина; Крик; Звонок! Лето; Война!*) (стр. 560).

Думается, что вопрос о парадигме (в том понимании, как о ней говорится в цитированных исследованиях) номинативных предложений не может быть решен без учета как лексико-семантической характеристики образующих данные предложения имен существительных, так и той интонации, которая присуща самим предложениям в разных случаях.

Фразы типа *Война! Звонок!* не получают однозначного соответствия при переключении их в другой временно́й план; явно возможны два соответствия каждой из них: *Был звоно́к* и *Бы́л звонок!* (ср. *Что ты медлишь — был звоно́к!* и *Говорят же тебе — бы́л звонок!* и т. п.).

Что касается существительных с конкретным значением, то сочетание их с формами связочного глагола хотя и возможно (ср. *Был стол; Было болото; Будет стол* и т. п.), но не всегда по-видимому, приводит к соотносительным именно с номинативными предложениями конструкциям. Так, например, фразу типа *Были деньги* (или *Будут деньги*) естественнее соотнести с фразой *Есть деньги,* а не с собственно номинативной *Деньги.*

Характерно, что и сочетания *нет чего-либо,* т. е. генитивные конструкции, не всегда даже при существительных не с собственно предметным значением оказываются соотносительными с конструкциями без бытийного глагола, например: Спасибо еще, что лежать не заставляют. А когда у Сережи *нет температуры,*

---

[8] *П. А. Лекант.* Указ. соч., стр. 41.

а на улице *нет дождя*, то можно и гулять. Но такие совпадения бывают редко. Почти всегда *есть или дождь, или температура* (Панова, Сережа).

Вместе с тем многие номинативные фразы и с конкретными и с «событийными» существительными при переводе их в план прошедшего или будущего времени, по-видимому, не сохраняют полной семантической соотносительности с «исходной формой», свидетельством чему служит тот факт, что в повествовании, которое ведется в плане прошедшего, номинативные предложения чаще выступают именно в «исходной форме». Хотя фразы *Была ночь, Было лето* и под., т. е. с именами, имеющими временно́е значение, вполне возможны и нередко встречаются в повествовании (*Была* июньская *ночь, было полнолуние,* небольшая луна стояла в зените...— Бунин, Ночлег), при введении в повествование номинативных конструкций с существительными иной семантики обычно происходит переключение в план констатирующего (описательного) настоящего: *Подошел к дому, Тишина. Никого не видно* и т. п. Ср.: Вечером в усадьбе *было* тихо, *наступило* успокоение, чувство семейственности,— гости в шесть часов *уехали... Теплые сумерки, лекарственный запах цветущих лип за кухней. Сладкий запах дыма и кушаний из кухни, где готовят ужин. И мирное счастье всего этого — сумерек, запахов — и все еще что-то обещающая мука ее присутствия, ее существования возле него...разрывающая душу мука любви к ней — и ее беспощадное равнодушие, отсутствие...* Где она? Он *сошел* с переднего балкона... (Бунин, Зойка и Валерия); Чувствуя, что нет ни малейшей надежды заснуть, он тихо *спустился* с балкона, решив выйти на дорогу (..) Но во дворе *остановился: теплый сумрак, сладкая тишина, млечная белизна неба от несметных мелких звезд...* Он *пошел* по двору, опять *остановился, поднял* голову: *уходящая все глубже и глубже ввысь звездность и там какая-то страшная черно-синяя темнота, провалы куда-то... и спокойствие, молчание, непонятная, великая пустыня, безжизненная и бесцельная красота мира... безмолвная, вечная религиозность ночи... и он один, лицом к лицу со всем этим, в бездне между небом и землей...* Он *стал* внутренне, без слов молиться... (Там же).

Одним из аргументов в пользу того, что большая часть номинативных предложений, образуемых существительными различной семантики, по-видимому, не имеет парадигмы временны́х форм (или во всяком случае часть ведет себя так, как будто бы ее и нет), является тот факт, что, включаясь в состав сложного предложения, эти предложения не требуют «согласования» во времени: Это было наиболее опасное место работ. *Неловкое движение, и* человек попадал под режущий луч гиперболоида (А. Толсто́й, Гиперболоид инженера Гарина);—... Это в мирные времена бывало как в сказке: *крантик повернешь* — и вода (С. Антонов, Дружок).

Такое включение осуществляется часто при помощи союзов и частиц. Характерны конструкции *если б не...; еще... — и... что ни..., то...* Вот несколько примеров: *Еще мгновение, и* она бы заплакала (Достоевский, Подросток); И каждый раз казалось, что вот *еще мгновение — и* вдруг исчезнет последняя преграда (А. Толстой, Приключения Растегина); Кажется, не на шутку разбушевалась Тисса,— сказал Громада.— *Еще один хороший ливень, и* наводнение неминуемо (Авдеенко, Над Тиссой); *Если бы не дума о Полине, то* я просто весь отдался бы одному комическому интересу предстоящей развязки... (Достоевский, Игрок); [Дульгин]... А как бы мы могли жить с тобой, *если бы не мое безумие, если бы не моя преступная распущенность!* (Островский, Последняя жертва); Шер был уверен, что тоже разбогател бы, *если бы не война* (Федин, Я был актером); И он действительно уехал бы, исхудавший, восторженный, в лихорадке фантазии и работы, *если бы не толчок со стороны* (А. Толстой, Голубые города); Лялечке, *если бы не носик,* быть бы давно звездой экрана (А. Толстой, Гадюка); *Если бы не опилки внизу,* он бы насмерть разбился (Нилин, Жестокость); *Если б сейчас не ты,* я не знаю, что было бы... (Нилин, Жестокость); И даже здесь, в угрозыске, в арестном помещении, бандиты говорят о Лазаре как о человеке, который мог бы стать главарем, *если б не превратность судьбы* (Там же); Бахирев был бы встревожен, *если б не ощущение правоты, если б не счастливо найденная новая конструкция, если б не то тихое и блаженное состояние,* которое давала ему любовь (Николаева, Битва в пути); Чем бы все это кончилось, неизвестно, *если бы не один случай* (Ю. Казаков, Лютый враг); *Если бы не дождь и не туманная мгла,* город был бы виден как на ладони (Авдеенко, Над Тиссой); (Дульгин.)... Да, сумел я устроить свою жизнь, *что ни шаг, то* подлость (Островский, Последняя жертва); *Что ни шаг, то* колдобина, бугор, размытый мостик (Чехов, Темною ночью); *Что ни человек, то* свои расчеты, свои заботы, свои мысли (Тендряков, За бегущим днем); Потом *что ни день, то* трудней это сделать (Там же); А тут *что ни день, то* новые слухи разносились по деревне про Чупрова (Тендряков, Падение Ивана Чупрова).

Как видно из приведенных примеров, именные односоставные предложения сочетаются с предложениями различной структуры и различной временно́й (и в некоторых случаях и модальной) ориентации. Их собственное строение при этом не претерпевает каких-либо изменений. Они подчиняются ориентации, которая задана в другой части сложного предложения.

Нетрудно заметить, что и в тех случаях, когда именные структуры образуют самостоятельные «номинативные предложения», их значение не вполне самостоятельно, оно всегда в большой степени зависит от контекста, связано с лексическим значением образующих их слов, нуждается в опоре на определенные части-

цы. Все это, по-видимому, говорит об известном тяготении фразы вообще к двухкомпонентности. Характерно, что в академической «Грамматике» 1970 г. в комментарии к «парадигме» односоставных предложений отмечено: «В этой парадигме форма долженствовательного наклонения образуется тогда, когда в предложение входит детерминант: У нас будь тишина, а вам можно шуметь? В доме всегда будь тепло, а сам не хочешь даже дров принести!» (стр. 590).

Но поскольку детерминант, согласно определению,— это «самостоятельный распространитель, относящийся ко всему предложению в целом» (стр. 624), односоставное предложение, не становясь двусоставным в том понимании, которое закрепилось за этим обозначением, становится тем самым двукомпонентным, т. е. расчлененным на две части, принимает в известном смысле предикативный характер, если под предикативностью понимать способность словоформ отдельно или в сочетании образовывать предложение. В данном случае речь идет именно об этом.

Нетрудно заметить, что «формы принадлежности» *у меня, у него* и т. п. вообще образуют с сочетающимися с ними существительными вполне оформленные, интонационно определенные (в отличие от изолированного употребления большей части последних) предикативно значимые единицы. В связи с этим о них можно было бы говорить как о предикативных формах. Такому представлению о них препятствует, однако, следующее. Как и другие словоформы, выступающие в предложении в функции обстоятельств, а также приглагольных определений, «формы принадлежности» одинаково свободно присоединяются и к номинативам, и к собственно предикативному сочетанию существительного со спрягаемой формой глагола, с краткой формой прилагательного, т. е. к классическому двусоставному предложению, при этом их функция отнесения предмета или явления к носителю остается неизменной: [Черкун.]... А вы не знаете, как унижают человека за то, что *у него* нечистое белье и не острижены вовремя ногти? (Горький, Варвары); *У тебя* восемь коров... одну потерять — убыток малый. *А у меня* последнюю волчиха зарезала... (Шолохов, Смертный враг).

Ср. сочетания с *у меня* и *у меня есть,* разнообразно меняющие смысл сочетаний, но не меняющие их предикативный характер: У *меня* характер, при вниманіи я всему выучусь (Достоевский, Подросток); Она увидит, что *у меня есть* характер, и скажет: «А, у него есть характер!» (Там же); Гм! *у него план,* и я все это до последней черты предчувствовал (Там же); *У меня план есть,*— сказал Панков,— пойдем на волю, поговорим (Горький, Мои университеты); Ага! Я так и знал, что *у вас* особые цели... (Достоевский, Подросток); ...по тону Александры Михайловны он сразу заметил, что *у нее есть* какая-то задняя мысль (Вересаев, Два конца) и мн. др.

В данном случае нас интересует не семантическое различие между данными конструкциями, которое уже привлекало к себе внимание и которому давалось различное истолкование (заметим только, что во многих случаях оно связано с категорией определенности—неопределенности), но, напротив, то общее, что объединяет их, а именно несомненно предикативный характер сочетания, не зависящий от наличия глагола.

Поскольку же глагол в личной форме всегда сам по себе определяет предикативное значение сочетания, в котором он участвует, в данном случае, по-видимому, нужно говорить об иной «предикативности», присущей обстоятельственным словам и словосочетаниям в определенных условиях, которую можно условно назвать квазипредикативностью.

Свойственная собственно номинативным предложениям семантическая неопределенность сразу же снимается при сочетании формы именительного падежа имени с обстоятельственными словами, обусловливающими их актуализацию (пространственную и временну́ю). Ср.:

Матч... и *Матч — завтра*;

Дети... и *Дети — в саду*;

Брат... и *Брат дома*;

Телевизор... и *Телевизор на даче* и т. п.

Такая же семантическая неопределенность свойственна и глаголу, когда он выступает в своей независимой форме, т. е. в форме инфинитива. Значение инфинитивной конструкции зависит от лексического значения глагола, от контекста, так же как значение независимого номинатива корректируется частицами. Характерно, например, устойчивое значение инфинитивных конструкций «*не* + инфинитив + *же*», «*не* + инфинитив + + *ли*» и т. п.

Конструктивно-обусловленное значение имен существительных ярко проявляется в их противопоставлении существительным, выступающим с собственно «предметным» значением, во фразеологизированных конструкциях типа *Золото, а не ребенок!* (или *Не ребенок, а золото!*).

Понятно, что один из членов противопоставления является здесь субъектом оценки, а в другом существительном выражена сама оценка, хотя связь между ними никак не позволяет говорить о каком-либо подобии подлежащно-сказуемостной структуры.

Конструкция, не изменяя структуры и значения, выступает как «изолированно», так и в роли сложного «сказуемого» в предложениях, которые могли бы быть определены как именные двусоставные, и в предложениях с синтаксическим местоимением *это;* ср: Непредвиденная осечка! Но зато, братцы, до чего же сильна эта женщина! *Не женщина, а просто прелесть!* Таких я еще не видывал (Шолохов, Они сражались за Родину); Ну, вы как хотите, а я, если живой останусь, после войны приеду в этот

хутор и у лейтенантика эту женщину отобью. Это же — *находка, а не женщина!* (Там же); Не знаю, как вас, Глаша, по отчеству, но *прелесть вы, а не женщина!* Просто взбитые сливки, да и только! (Там же).

Предикативное значение конструкции, как таковой, очевидно, не изменяется в этих примерах. Ср. другие иллюстрации аналогичного применения данной конструкции (с иным «лексическим наполнением»):

1. Дело прошлое, и скромничать нечего, а потому скажу вам, что мост получился у меня великолепный! *Не мост, а картина,* один восторг (Чехов, Пассажир 1-го класса); Не гляди на них. *Звери, а не люди* (Чехов, Барыня); А ведь петух-то какой! *Гора, а не петух!* За пять рублей другого такого не купишь! (Чехов, Индейский петух); *Не лошади, а звери,*— обратился он к Жданову с той любовной хвастливостью, с какой говорят о своих лошадях русские ямщики (Куприн, Игрушка); Четыре тройки от Ечкина... *Не лошади, а львы* (Куприн, Юнкера); И вот она всегда недосаливает! *Горе, а не стряпуха!* (Шолохов, Поднятая целина); Зубатая девка! *бой, а не девка!* (Там же); *Сатана, а не баба!* (Там же); *Зверь, а не мотор;* двадцать километров в час! (Казаков, Трали-вали); Скажет это Алексей и уйдет в вагончик или к трактору. И не было случая, чтобы он затеял спор или перебранку с Нюрой и уронил свой авторитет. *Скала, а не человек* (В. Сухаревич, Ошибка знаменитости).

2. [Розовый.] Паша, мы давеча ошиблись с тобой; это *чудо, а не женщина!* (Островский, Неожиданный случай); Разве это локомотив? Это *не локомотив, а тряпка!* (Чехов, В вагоне); А почерк? Это *не почерк, а отчаяние* (Чехов, Розовый чулок); Что это за чернила? Это *деготь, а не чернила!* (Чехов, Сельские эскулапы); Кота надо высечь,— сказал Иван Васильевич,— это *не кот, а бандит* (Булгаков, Театральный роман); Кончится наконец мытье вручную. *Мука это, а не мытье* (Гранин, После свадьбы); *Это ужас, а не ребенок*! — сказала Аня (Николаева, Битва в пути); Это ж *головорезы, а не пассажиры,*— говорит он про заключенных (С. Воронин, Две жизни).

3. *Тряпка вы* после этого, *а не следователь* (Чехов, Шведская спичка); *Вы не офицер, а скот* (Шолохов, Поднятая целина); *Горе он, а не инженер* (Из газет).

Приведенные примеры не требуют специальных разъяснений. Легко заметить, что общее устойчивое значение фразеологизированной конструкции делает возможным проявление оценочных значений у довольно широкого круга существительных, причем и у таких, оценочные значения которых по существу не являются словарно-закрепленными; ср.: Что Белокуров? *Белокуров — арифмометр, а не конструктор,*— сказал Бахирев, забыв о присутствии безмолвного Зябликова.— Белокуров правильно рассчитает действие одной силы и не заметит десяти других (Николаева, Битва в пути).

Следует отметить, что конструкция может включать формы связочного глагола *быть,* переводящие ее в план грамматического прошедшего или будущего времени; например: Прямо вам скажу — *лев был, а не человек!* (Куприн, С улицы); *Огонь был, а не парень!* Настоящий комсорг был, таких в полку поискать. Да что я говорю — в полку! В армии! А как он танк поджег? (Шолохов, Они сражались за Родину); Сниму квартирку и перевезу вас к себе. *И будет у нас не житье, а рай* (Куприн, Святая ложь); Думаешь, пойдет машина? — У меня пойдет. *Зверь будет, а не машина* (Владимов, Большая руда).

Как видно из примеров, члены данной конструкции могут меняться местами. Но семантическое отношение, устанавливаемое между ними (синтаксически закрепленное отрицанием *не,* стоящим перед «определяемым» существительным), остается при этом неизменным. То, что данная «конструкция противопоставления» не выражает реального противопоставления, а служит лишь экспрессивным определением «отрицаемого» существительного, обусловлено, конечно, лексическим значением входящих в нее существительных. При ином соотношении их семантики, т. е. отсутствии оценочных моментов (своего рода «оценочного потенциала»), в значении одного из них конструкция реализует свое прямое значение, т. е. выражает реальное противопоставление. Вовлечение в конструкцию (и в фиксированные в ней отношения) широкого круга существительных, в том числе таких, оценочные значения которых можно считать окказиональными, указывает на синтаксическую продуктивность конструкции, на ее именно синтаксический (а не лексико-фразеологический) характер. Зависимость же ее значения от определенной лексико-семантической группировки образующих ее единиц должно, как кажется, указывать на синтаксическую значимость соответствующей группировки, на то, что в ряде случаев при определении формулы синтаксического построения недостаточно основываться лишь на морфологической характеристике сочетающихся единиц, но приходится учитывать и их лексическую семантику. Некоторые из фразеологизированных синтаксических конструкций связаны именно с определенными лексическими ограничениями. Приведем еще несколько примеров конструкций с «оценочными» существительными, в некоторых случаях близких собственно номинативным предложениям.

Одной из таких конструкций является сочетание, образованное по схеме «именительный падеж существительного + творительный падеж того же существительного» (*Дурак дураком* и т. п.), имеющее значение усиленного сравнения (ср. *как дурак).* Интерес представляет то, что подобные сочетания употребляются и в синтаксически независимой позиции, т. е. как экспрессивно-оценочные предложения, и как предикативное определение другого существительного или местоимения (т. е. в роли «именного сказуемого»), и как «именная часть» составного ска-

зуемого (при семантически недостаточном глаголе), и в ро приглагольного определения, «обстоятельства образа действи (как иногда по традиции называют такие члены предложени в том числе и обособленного.

Вот несколько примеров из литературных произведени

1. Именное сказуемое:

Какой вздор! Она перед тобой *урод уродом* (Пушкин, Б рышня-крестьянка); [Гаврило.] Бедная она, бедная! Вот и с от цом, с матерью живет, а *сирота сиротой!* (Островский, Горячее сердце); Он даже радовался, что у него будет жена сильная, *печь-печью;* думал, что при сильной бабе в доме больше порядку будет (Салтыков-Щедрин, Игрушечного дела людишки); ...борода у него тогда в репейниках и брюхо *гора горой* (А. Толстой, Пастух и Маринка); Вот язык у тебя крапивяной, а сам ты *балда балдою, и* уши у тебя холодные (Островский, Как закалялась сталь); Бабка Ульяна — *буря-бурей,* не сдышится от гневу... (Шолохов, Поднятая целина); Да ведь пойми, дорогой секретарь, я в сельском хозяйстве — *телок телком* (Там же); Фотография *заваль завалью,* ей пятак цена, а мне за нее пятерку посулили (Гайдар, на Графских развалинах); Один я *дикарь дикарем* (Тендряков, За бегущим днем).

2. Именная часть сказуемого:

Как раз *дурак дураком* станешь (Тургенев, Отцы и дети); Я, когда у батюшки жила, тощая-претощая была. А теперь — ишь какая! *печь печью* сделалась (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); От Костика ей никакого почтения не было: *разбойник разбойником* вышел (Лесков, Житие одной бабы); Дома Федот Якимыч ходил *туча тучей,* так что Немушка Пелагея в свой кухне только хмурила брови, что означало, что там, наверху,— гроза (Мамин-Сибиряк, Братья Гордеевы).

3. Приглагольное определение (в том числе обособленное):

Он сию минуту приехал в департамент *зверь-зверем* (Каратыгин, Вицмундир); Подымаюсь я, вся *чуня-чуней,* потому вода по колдобинам стояла (Лесков, Воительница); Вот, например,— продолжал он, указывая на Алексеева,— сидит честная душа, *овца-овцой,* а напишет ли он натурально? Никогда (Гончаров, Обломов); Гляжу, а мать-то твоя, мошенница, за яблоню спрятавшись, красная вся, *малина-малиной,* и знаки ему подает, а у самой — слезы на глазах (Горький, Детство); Я как-то в Ростове под мостом жил. Подсел ко мне какой-то хлюст. Этакий же, как и я, *рвань рванью* (Гайдар, На графских развалинах); Сперва шло ничего, *порядок порядком* (Николаева, Битва в пути).

4. Предложение:

[3-й купец.] *Беда бедой,* живой ложись в могилу (Островский, Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский); [Хлынов.]... сам своему нраву не рад, *зверь зверем* (Островский, Горячее сердце); Скворцы полетели. Гляжу, куда сядут. *Туча-тучей!*

(Чехов, Брожение умов); А действительно, что я дураком был. *Баран бараном* (Чехов, Дурак).

В последней группе намеренно объединены различные по семантике сочетания. Совершенно очевидно, что фразы *Туча-тучей* и *Беда бедой* отличаются от остальных и только они представляют собой то, что можно назвать «предложением». Однако формально они не отличаются (не только строением, но и своим контекстом) от двух остальных, приведенных наряду с ними. Если же пойти по пути разграничения конструкций в соответствии с их семантикой, определяемой лексическими значениями входящих в них слов, то тогда придется отграничить друг от друга и эти два сочетания, поскольку *Беда бедой,* будучи «оценкой ситуации», в то же время сообщает о «наличии» этой ситуации (в этом смысле может расцениваться как номинативное предложение), фраза же *Туча-тучей,* реализующая переносное значение слова, является лишь «количественным определением». Вряд ли, однако, было бы целесообразно рассматривать подобные конструкции в отрыве друг от друга, включив, например, *Беда бедой* в разряд номинативных предложений, *Дурак дураком* — в разряд «неполных» (на том бесспорном основании, что это всегда предикативное определение, неизбежно связываемое с каким-либо вполне определенным субъектом). Если же мы объединим все эти конструкции, исходя из их фразеологичности (и несомненной «периферийности»), что, по-видимому, будет правильно, то все-таки возникнет вопрос, не следовало ли бы в таком случае наряду с собственно номинативными рассматривать и оценочные, в том числе «обзывные», по выражению Н. Д. Арутюновой. Вопрос этот не совсем праздный, так как ответ на него связан с общим определением соотношения, устанавливаемого между формальными и семантическими критериями классификации конструкций при их описании.

Как видно из приведенных выше в достаточно большом количестве примеров, рассматриваемые сочетания способны выступать в различных синтаксических позициях, причем определение этих позиций не всегда оказывается бесспорным. Не вполне единообразная пунктуация вообще затрудняет занесение ряда примеров в те или иные рубрики. Ср.: Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то *мужик-мужиком*... (Чехов, Вишневый сад); Взревел дедушка-то, *зверь-зверем,*— шутка ли это ему? (Горький, Детство); ... а Сашка неизвестно в кого уродился, *дурак дураком* (А. Толстой, Родные места); Варьке добро, она спит наверху, в укрытии, *барыня барыней*... (Шолохов, Поднятая целина) и т. д.

Во всех случаях несомненна, однако, предикативная значимость сочетания. Это и понятно, если учесть его экспрессивно-оценочный характер. Но известная неопределенность синтаксической позиции, занимаемой сочетанием в ряде случаев (при неизменности его общего значения), лишний раз подтверждает

ту мысль, что синтаксическая организация предложения не всегда соответствует ее подлежащно-сказуемостному представлению. Стремление представить все предикативные единицы языка в соответствии с отчетливой подлежащно-сказуемостной структурой «классических» двусоставных предложений, по-видимому, не может способствовать адекватной их характеристике. Экспрессивные конструкции разговорной речи явно не укладываются в рамки соответствующей классификации.

Трудно сомневаться также в том, что, как и в случае с конструкциями типа *Прелесть, а не женщина!*, здесь было бы, по-видимому, неоправданно анализ конструкций (когда он связан с общим описанием различных синтаксических структур русского языка) разбивать по рубрикам отдельных «членов предложения», отказываясь тем самым, несмотря на несомненное единство конструкций именно как синтаксических образований, от их общей характеристики.

Могут быть приведены в этой связи также такие примеры. Существуют конструкции (опять-таки свойственные разговорной речи), включающие существительные в форме именительного падежа (также во многих случаях имеющие или приобретающие в контексте оценочное значение), при помощи союза *а* существительное противопоставлено глаголу в спрягаемой форме. Например: [Феона.]... И *кроткий человек, а* не стерпел (Островский, Не все коту масленица); Как не знать этого? *Доктор, а* не знает таких пустяков (Чехов, Палата № 6); Вовсе тут нет никаких насмешек! *Генерал, а* не может понять! (Чехов, Смерть чиновника); Теперь-то вроде *не враги, а* мешают (Тендряков, Не ко двору); *Серьезный работник, а* брюки сузил! Шестой десяток, в каких переплетах побывал, а брючки сузил, эх! (Панова, Рабочий поселок); Я гляжу на нее и улыбаюсь. Еще *совсем девчонка, а* пытается делать замечания, как взрослая (С. Воронин, Две жизни); *Шкипер, а* подпрыгивает на будке, как мальчишка (Э. Шим, Помощник шкипера).

Было бы, конечно, ошибкой рассматривать объединение существительного в форме именительного падежа с личной формой глагола в таких случаях как некую «сегментацию» подлежащно-сказуемостной структуры или своеобразные «трансформы» двусоставных предложений. Помимо того, что «обратная трансформация» во многих случаях здесь вообще была бы реально невозможна, существенно также то, что вполне аналогичные конструкции включают не глагольную форму 3-го лица, а форму 2-го лица, когда высказывание непосредственно обращено к собеседнику: Какая ты баба! — вздохнул я.— *Умная женщина, а* бредишь, как старая нянька (Чехов, Шампанское); Кажется, *интеллигентный человек, а* не понимаете такой простой вещи (Куприн, Болото); *Граждане, а* деретесь,— упавшим голосом возразил околоточный (Л. Андреев, Иван Иванович); *Старый человек, а* чего городишь! (Нагибин, Павлик); Когда оратор

кончил, Сугробин сурово сказал: — *Аспирант, а* позорите работу поста! (Николаева, Битва в пути).

Противопоставление может создаваться и другими союзами, в частности союзом *и,* лишь иногда несколько изменяющим характер противопоставления, а также и без союза: [Параша.]... *Такой красивый, такой молодец, и* струсил (Островский, Горячее сердце); [Мурзавецкий.] *Хам и* важничает — это смешно даже (Островский, Волки и овцы); *Такой интересный мужчина, в представительной шубе, с красивой прической на щеках, и* вдруг плачет (Леонов, Вор); — А вы любите музыку?— Да... очень.— *Такой ученый человек и* любите музыку (Тургенев, Затишье); *Скрытница, скрытница, однако покраснела* и твердо заговорила... (Лесков, Полунощники); *Старый член партии, не знаете* Устава партии, в которой состоите! (Овечкин, Трудная весна).

Нужно отметить также, что аналогичные синтаксические отношения возникают при включении в конструкцию и других словоформ (как в качестве первого, так и второго члена противопоставления), когда их семантика допускает такое же противопоставление. Иными словами, указанное объединение существительного в форме именительного падежа со спрягаемой формой глагола является лишь одним из проявлений более общей синтаксической фразеосхемы; ср.: *Маленький, а* как чувствует!— воскликнул в восторге Ахилла (Лесков, Соборяне); [Устя.]... Что же это снилось-то мне? Хорошее такое... (Лена.) *Хорошее, а* забыла (Леонов, Ленушка); Помолчал бы ты, дед,— сказала Раиса нараспев,— *при постороннем, а* похабничаешь... (А. Толстой, Приключения Растегина); И не обидит тебя, руку тебе подаст, насчет семейства расспросит... *Начальник, а* равного с тобой поведения (Чехов, Разговор); *Садоводы, а* бестолочь. Не знаете своего дела (Бунин, Чаша жизни); Это меня удивило. *Жулик, и* такие рассуждения (С. Воронин, Две жизни); Это вообще какое-то безобразное недоразумение. *Заключенные — и* без охраны (Там же) и т. д.

Все эти примеры, на которых мы остановились достаточно подробно, показывают, что целый ряд конструкций реально существующих в русском языке (особенно в разговорной его разновидности), не поддается членению в терминах обычных «членов предложения». Думается, нет никаких оснований в связи с этим считать, что последние вообще не отражают языковой реальности или искажают ее. Нет только смысла искать соответствия им в тех конструкциях, которые представляют собой иные по своей природе образования. Неприменимость же к ним соответствующих определений сама по себе может известным образом характеризовать их.

Применение тех или иных четко сформулированных и последовательных принципов лингвистического анализа почти всегда встречается с фактами различной «трудности», так что не-

сомненное и однозначное в одних случаях становится спорным в других, т. е. появляется возможность нескольких отличных друг от друга решений. Думается, что дело не всегда только в недостатках применяемых методов, но и в природе самого исследуемого материала.

Это относится и к проблеме определения основных синтаксических единиц, начиная с предложения, и к решению частных вопросов структуры и членимости различных видов предложений.

Следует ли в связи с тем, что понятие «предложение» не находит бесспорного и исчерпывающего определения, считать бесполезным само это понятие и отказаться от него, заменив его, например, таким нерасчлененным понятием, как «текст» (ср. у Ельмслева). Оснований для этого нет, так как существеннее установить, какие именно типы синтаксических объединений и в какой степени не соответствуют принимаемому в той или иной синтаксической концепции определению предложения. Установление этого само по себе служит основой для характеристики различных синтаксических образований.

В русской разговорной речи существует целый ряд конструкций, которые употребляются только в роли своеобразных экспрессивных оценок и ограничены определенной интонацией. Такими конструкциями являются сочетания со словами *вот еще, вот тебе* [*вам*] *и, вот тоже, тоже, тоже мне, а еще тоже, а еще* и другими, стоящими в начале конструкции и сочетающимися со всеми классами знаменательных (обычно) слов [9]. Ну, *вот еще* выдумал! (Горький, Детство); *Вот еще* не родственник! (Гончаров, Обломов); *Вот тебе и* похвасталась! (Гоголь, Мертвые души); *Вот тебе и* проповедуй им! (Лесков, Очарованный странник); *Вот тебе и* женился на богатой! (Бунин, Сны); *Вот тебе и* диплом с отличием! (С. Антонов, Первая должность); *А еще тоже* хотел охотиться на тигров, сражаться! (Чехов, Мальчики); И ты тут, Парфен?! *А еще тоже,* слепец, святой старец! (Чехов, Брожение умов) и мн. др.

Совершенно ясно, что подобные синтаксические конструкции не только не подходят ни под один из трех видов предложений, устанавливаемых в зависимости от «цели высказывания», но и не соответствуют выделяемым группам двусоставных и односоставных предложений. Вряд ли, однако, на основании этого следует считать неправильным самый принцип деления предложений на односоставные и двусоставные. Видимо, полезнее представить указанные предложения своего рода «аномалиями» по отношению к той структуре синтаксических отношений, которая предполагает существование односоставных и двусоставных предложений.

---

[9] Многие из этих и другие подобные конструкции описаны в кн.: *Н. Ю. Шведова.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Линейный характер текста предполагает не только последовательное во времени развертывание его единиц, но и существование между ними каких-то «вневременных», нелинейных связей, без которых было бы невозможно самое создание синтаксических единств. Так называемые сверхсегментные синтаксические средства (фразовое ударение, интонация), такие явления, как порядок слов, формы согласования и т. д., предполагают, что во всяком тексте не менее реальны связи и взаимодействие между с х е м а м и конструкций [10], чем между материально выраженными и линейно расположенными единицами предложения. Понятно, что и психологически создание и понимание словесных единств возможно только на фоне их нелинейного восприятия. Многие хорошо известные факты вроде того, что значения многозначных слов определяются контекстом, свидетельствуют о целостном восприятии определенных синтаксических единств именно как единств, ведь многозначность — очень широко распространенное явление, между тем процесс коммуникации обычно не напоминает нам процесса составления и отгадывания ребусов.

Отсюда ясно, что в основе конкретных синтаксических конструкций с их индивидуальным «лексическим наполнением», как правило, лежат объективно закрепленные в языке схемы данных конструкций. Поэтому противопоставление синтаксиса морфологии в плане противопоставления речь—язык, признание за предложением, как таковым, статуса единицы не языка, а речи [11], представляются заранее неприемлемыми, поскольку только объективное существование в языке схем конструкций наряду со словами как единицами номинации и делает возможным линейное объединение последних в конкретные высказывания в процессе речи. Именно схемы конструкций, а не конкретные высказывания являются собственным предметом синтаксиса, а определение характера и связей этих конструкций — задачей синтаксиса.

Значит, как возможность последовательного сочетания слов, так и возможность целостного восприятия определенных сочетаний основана на языковой закрепленности и воспроизводимости тех формул, в соответствии с которыми осуществляются данные сочетания. Понятно, что эти формулы не даны непосредственно в речи. Непосредственно в тексте, в речи представлены конкрет-

---

[10] Под конструкцией понимается любое синтаксически значимое объединение слов.

[11] См., например: *A. Gardiner.* The theory of speech and language. Oxford, 1951.— С некоторыми уточнениями аналогичное мнение высказывается и рядом других исследователей. Ср. во «Введении» к кн.: *О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян.* Современные синтаксические теории. М., 1933; «Соотношения языка и речи нередко представляются как соотношение морфологии и синтаксиса. Хотя такое употребление этих терминов не может быть признано желательным, так как оно отнюдь не вносит ясность в это сложнейшее отношение, оно в достаточной степени показательно» (стр. 5).

ные высказывания, наблюдение над которыми и приводит к установлению закономерностей, определяющих их построение.

Однако структурные связи словоформ не осуществляются вне их линейных связей, поэтому было бы явным упрощением полагать, что особенности тех и других не находятся в определенном взаимодействии. Конечно, то, что одна форма предшествует другой или же следует за ней в таких языках, как русский, во многих случаях не регулируется жесткими грамматическими правилами. Однако в большей части случаев тот или иной порядок следования словоформ никак не безразличен к степени их семантической спаянности в словосочетании, а также к степени «обязательности», или «предсказуемости», последующей словоформы.

Если взять простейший пример глагольно-именной фразы типа *Мальчик читает,* нетрудно заметить, что перестановка компонентов, не изменяя общего «смысла» фразы (и не приводя к изменению их структурно-грамматической связи), отражается на представлении об общем характере их семантической связи.

Именительный падеж имени, предшествующий в данной фразе спрягаемой форме глагола, не требует для реализации значения предикативно определяемого члена высказывания именно спрягаемой глагольной формы, как таковой. За ним может следовать, не изменяя его роли предикативно определяемого члена, ряд других форм: имени в форме именительного падежа, предложно-падежной формы имени с локативным и другим значениями, полной формы прилагательного в именительном падеже, краткой формы прилагательного, причастной формы, например:

Мальчик — баловник;
Мальчик в саду;
Мальчик хороший;
Мальчик прилежен;
Мальчик наказан.

Иными словами, имя в форме именительного падежа «не предсказывает» появления в роли предикативного определения именно (и только) формы спрягаемого глагола. Семантическая спаянность не задана принудительной сочетаемостью, как таковой.

По-иному обстоит дело, когда в препозиции находится спрягаемая форма глагола. *Читает* предполагает сочетание только с именем в форме именительного падежа (или с замещающим его местоимением), причем заданным формой глагола (или, под другим углом зрения, отраженным в ней) оказывается и число (в случае прошедшего времени — также род) вступающего в сочетание имени. Семантическая слитность сочетающихся словоформ определена тем, что предыдущая форма слова уже предсказывает, таким образом, морфологическую характеристику следующей.

Бóльшие или меньшие ограничения в диапазоне сочетаемости, в свободе выбора, естественно, влияют на характер членимости соответствующих словосочетаний. Понятно, что это влияние мо-

жет осложняться различными лексическими факторами, варьировать в зависимости от общего контекста высказывания. Однако диапазон и основное направление этого варьирования в указанных случаях не одинаковы и должны быть определены.

В тех случаях, когда сочетаемость не задана морфологически, т. е. не предопределена морфологическими показателями слов, порядок следования членов конструкции приобретает, естественно, еще более весомую роль в выражении их семантической слитности. Иногда степень этой слитности представляется настолько существенной, что некоторые исследователи связывают с ней определение синтаксической структуры предложения. Можно вспомнить о разногласиях по поводу определения различий между конструкциями типа *Кататься весело* и *Весело кататься*. Некоторым исследователям казалось, что семантическое различие между этими конструкциями настолько существенно, что свидетельствует даже об их структурном различии — о том, что первая представляет собой двусоставное предложение, а вторая — односоставное (безличное). Как ни расценивать подобные взгляды (к более подробному рассмотрению разногласий, касающихся определения структуры указанных конструкций, нам еще придется вернуться), несомненно, они вызваны реальным различием в членимости указанных сочетаний, которое, в свою очередь, обусловлено различием в потенциальной сочетаемости соответствующих словоформ.

И инфинитив, и предикативные наречия на *-о* не ориентированы на строго закрепленный вид связи; иными словами, ни та, ни другая словоформа не предопределяет сама по себе сочетания с какой-либо другой определенной словоформой, как например, спрягаемая форма глагола. В этом смысле их сочетание друг с другом носит необязательный характер. Однако диапазон сочетаемости каждой из них неодинаков. Действительно, каждая из них может сочетаться со словами, обозначающими косвенный субъект действия или состояния, например: *читать—тебе (Следующую главу читать — тебе), весело — тебе (Мне грустно потому, что весело тебе)*. Некоторые из наречий на *-о*, способные самостоятельно выражать *состояние* (называемые предикативными, иногда выделяемые в отдельную «категорию состояния»), могут сочетаться со словами, определяющими временну́ю или пространственную локализацию состояния (*скучно сегодня, весело на дворе*), тогда как инфинитив при его самостоятельном употреблении (например, с императивным значением или со значением возможности—невозможности действия) сохраняет, естественно, те формы управления, которыми обладает данный глагол вообще (*Снова читать эту книгу?; Наверно, так и не встретиться с ним* и т. п.).

Однако собственно предикативное определение действия-состояния, выраженного инфинитивом, и состояния-признака, выраженного наречием на *-о*, связано с существенным различием в широте их сочетаемости.

Инфинитив может вступать в предикативные отношения с широким кругом словоформ. Ср.:

1. *Кататься — одно удовольствие; Кататься — несерьезное дело;*
2. *Кататься не было смысла;*
3. *Кататься не удалось; Кататься придется завтра;*
4. *Кататься негде;*
5. *Кататься — время терять* и т. п.

Наречия на *-о* вступают в определительные (следовательно, потенциально предикативные) отношения только с глаголом. Когда глагол представлен синтаксически самостоятельной формой, т. е. инфинитивом, эти отношения могут приобретать предикативный характер, причем здесь обнаруживается определенная параллель с другими определительными словосочетаниями, а именно прилагательного с существительным. Когда существительное представлено синтаксически самостоятельной формой, т. е. формой именительного падежа — при отсутствии более сильной предикативной связи,— его связь с прилагательным приобретает, как известно, предикативное значение. Эта связь отчетливее реализуется при постпозиции прилагательного и менее отчетливо при его препозиции. Фраза *Картина замечательная* интерпретируется как двусоставное предложение, фраза же *Замечательная картина* может оцениваться и как двусоставное и как назывное «восклицательное» предложение. Также обстоит дело с сочетаниями инфинитива и наречий на *-о*. Постпозиция наречия придает фразе более отчетливый характер предикативной расчлененности, его препозиция обусловливает большую семантическую слитность ее членов (ср. *Весело кататься! — Веселая поездка!* и т. п.).

Сказанное, как кажется, подтверждает и то, что между словосочетанием и предложением (как выразителем определенной структурной схемы) нет непреодолимой границы. Ведь если относить фразу *Замечательная картина!* к одной из разновидностей назывных, т. е. односоставных, предложений, то предложением ее делает не предикативный характер связи между ее членами (связь между прилагательным и существительным рассматривается в таком случае как связь между членами словосочетания), а только «интонация предложения» и отсутствие других предикативных связей у господствующего члена словосочетания. Если же видеть в этой фразе регулярную реализацию той же структурной схемы, которой обусловлена и фраза *Картина замечательная,* то придется поставить под сомнение отнесение к односоставным (назывным) предложениям предложений той же структуры, но семантическая слитность которых обусловлена соответствующей интонацией, т. е. в конечном счете контекстом или же «лексическим наполнением» схемы. Между тем все равно останутся случаи, когда противопоставленность соответствующих конструкций семантически несущественна и потому остается интонационно не выраженной (или может остаться недостаточно выраженной).

Ср.: Мы до какого времени будем тут заниматься? Может, покуда беляки нас всех не переколют?! *Военное же время!* Призываю к порядку (Залыгин, Соленая Падь); Это не дождь, это встречный поезд. Это сон. С открытыми глазами он лежал в темноте. *Страшный сон!* (Каверин, Исполнение желаний); Ты бы вот на пивоваренный завод съездила, в общежитие, поглядела бы, как там рабочие живут. *Молодые ребята,* а грамотней наших пеньковских мужиков (Антонов, Дело было в Пенькове).

Собственно, и границы между постпозитивными и препозитивными прилагательными в этом отношении оказываются легко пересекаемыми; ср.: А там *красивый клуб, просторный,* ни пьяных, ни хулиганства, *ребята вежливые* (Конецкий, Кто смотрит на облака); Я думаю, обойдется. Там *люди неглупые.* Очень даже неглупые. Разберутся что к чему (Солоухин, Моченые яблоки); Он был такого роста, что и сидя казался очень высоким... *Лицо было суровое, залысый лоб,* но *глаза серые, живые* и, если бы не усталость, еще насмешливые и совсем молодые (Каверин, Исполнение желаний) и т. п.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

*

Сами по себе те признаки, которые обычно приписываются подлежащему и сказуемому, вне всякого сомнения, каждый по-своему характеризуют компоненты предложения. Они важны для определения структуры предложения и его семантической организации. То, что сочетание именительного падежа имени и спрягаемой (личной) формы глагола всегда в русском языке является особым сочетанием, определяющим особое членение предложения, никак не может игнорироваться при исследовании структуры предложения. Вполне обоснованны и, бесспорно, важны наблюдения над совместимостью этих форм имени и глагола с другими словоформами в различных синтаксических условиях. Бесспорно также, что без определения коммуникативно-семантической организации предложения, того, как распределены между отдельными его компонентами элементы смысла сообщения («о чем сообщается» и «что сообщается» в предложении), синтаксический анализ не может быть полным. Однако попытки совместить эти признаки при определении подлежащего и сказуемого явно не привели к успеху. Они и не могли привести к успеху, потому что, как стало уже ясно из многочисленных наблюдений, эти признаки по-разному соотносятся с различными компонентами предложения.

Подобные наблюдения, как известно, привели к мысли о том, что синтаксическая организация предложения вообще характеризуется двумя различными уровнями и соответственно предполагает два различных аспекта исследования. Отдельно может быть исследована структурная организация предложения и отдельно — его актуальное членение. То, что явления языка могут быть (а нередко по необходимости и должны быть) исследованы отдельно друг от друга, не вызывает каких-либо возражений, поэтому не представляется неоправданным и раздельное исследование структурной, или конструктивной, и коммуникативной организации предложения. Не вполне бесспорным (или еще не вполне доказательно обоснованным) представляется тем не менее лежащее в основе такого подхода к синтаксическому анализу положение о существовании в самой синтаксической системе двух «уровней» — структурно-синтаксического (или конструктивного) и уровня актуального членения (или коммуникативного).

Представление о двух уровнях синтаксиса в известной мере вызвано, конечно, тем, что синтаксические описания языка были

сосредоточены в прошлом главным образом на формальных связях в предложении, т. е. связях определенных словоформ, выполняющих в предложении определенную функцию, и в гораздо меньшей степени касались роли интонации и словопорядка. Интонация и словопорядок благодаря этому стали казаться чем-то внешним, дополнительным к самому предложению, чем-то, что как бы «накладывается» на уже данное, оформленное предложение. Такому представлению способствовала и неустойчивость терминологии и формулировок в суждениях об этих явлениях. В ряде работ, не столь уж отдаленных во времени, можно встретить замечания вроде таких, что «при изменении порядка слов значение данного предложения не изменится» или что «любое предложение может быть произнесено с самой различной интонацией» и т. д.

Конечно, существует «множество способов» произнести одну и ту же фразу. Интонация различных носителей языка во многом индивидуальна. Но существуют и индивидуальные особенности произношения звуков, и — что еще важнее в данном случае — индивидуальное осмысление слов, предопределяемое жизненным опытом каждого отдельного говорящего. Это не мешает взаимному пониманию говорящих и не заставляет лексикографов отказаться от регистрации лексических значений слов как значений, принадлежащих языку, какими бы разнообразными ни были возможности их индивидуального осмысления и употребления.

Точно так же — сколь бы разнообразны ни были возможности индивидуального варьирования интонации при произнесении различных предложений — каждому из них, конечно, присуща вполне определенная, единственно возможная интонация, если понимать под интонацией только те «понижения и повышения голоса» и его «усиления», которые неразрывно связаны с лексико-грамматическим составом предложения[1]. Интонация в таком понимании задана или составом данного предложения, или значением сочетающихся с ним предложений[2] — это очевидно из того, что в письменном тексте интонационный рисунок фраз не кажется произвольным или требующим разгадывания. Тех немногих знаков препинания, которыми мы пользуемся, вполне достаточно для отображения и воспроизведения «лингвистически значимой» интонации.

---

[1] Разумеется, сказанное не может распространяться на то, что также называют интонацией в соответствии с более широким применением термина, когда им обозначается «сложный комплекс просодических элементов, включающих мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр и логическое ударение», см.: *О. С. Ахманова.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 180—181.

[2] Характерно, что в работах по актуальному членению примеры состоят или из отдельных предложений, или даны в контексте — это косвенно указывает на критерии определения интонации.

Каждое отдельное значение многозначного слова проявляется, естественно, в соответствии с коммуникативным заданием, которое стоит перед говорящим. Однако никому из лексикографов не приходило в голову утверждать, что отдельное описание, например, самих значений слова (его семантической структуры) и условий проявления этих значений (тех словосочетаний, в которых они могут реализоваться) отражает два различных уровня лексики. Если в словарях обычно отражена главным образом семантическая структура слова, а его сочетаемости, обусловливающей проявление каждого из выделенных значений, уделено меньше внимания, то это только потому, что лексическая сочетаемость изучена недостаточно и не найдены формы ее экономного лексикографического отображения. Недостаток этот отчасти восполняется указаниями к значениям отдельных слов «со словами, обозначающими», например, «одушевленные существа», «лиц» и т. п., а также речениями и цитатами из текстов.

Сказанное имеет характер внешней аналогии. Однако здесь возможна и более существенная параллель.

Система лексики и система синтаксиса характеризуются, понятно, каждая своими особенностями. Но единицы различных уровней языка имеют в своей организации и что-то общее, что делает язык единым и позволяет ему функционировать в неразрывном единстве составляющих его элементов. Как нет никакого смысла механически переносить категории, присущие единицам одного уровня, на единицы другого уровня, так, конечно, нет смысла и игнорировать те общие закономерности, которые регулируют функционирование единиц различных уровней.

Все значимые единицы языка имеют то общее, что их значения, с одной стороны, так или иначе (в лексике — непосредственнее, в грамматике — более опосредствованно) отражают явления внеязыковой действительности, с другой (эта сторона и является собственно языковой стороной их семантики) — определяются парадигматическими и синтагматическими связями данной единицы с другими единицами того же уровня.

Парадигматическая и синтагматическая закрепленность значения каждой языковой единицы находятся в определенном соотношении друг с другом. Чем закрепленнее данное значение в парадигматическом плане, тем оно свободнее в синтагматическом плане. И наоборот — чем оно свободнее, менее закреплено в парадигматическом плане, тем закрепленнее в синтагматическом плане. Относительно многозначных слов это было замечено давно и формулировалось так: основные, первичные (с точки зрения современного словоупотребления) значения характеризуются тем, что они более независимы от контекста, чем переносные, вторичные значения тех же слов. Большая парадигматическая закрепленность, связанность значения и соответствует тому, что оно воспринимается как основное, «главное» значение слова, оно первым возникает при отдельном, изолиро-

ванном произнесении слова, оно поддерживается более определенными ассоциациями с рядом других значений (т. е. именно более связано парадигматически), чем переносное значение, для проявления которого нужен контекст, т. е. обнаружение более специальных синтагматических (как лексических, так и синтаксических) связей.

В сфере синтаксических конструкций можно отметить такую же закономерность.

Когда мы встречаем в синтаксических работах приводимые как примеры двусоставных предложений фразы *Мальчик читает, Рабочие строят дом,* они даны вне возможного для них контекста, но это никак не затрудняет нас приписать им вполне определенную интонацию. Это «нейтральная» интонация с обычным фразовым ударением на последнем слове фразы. Именно в таком «прочтении» они наиболее свободны в синтагматическом отношении, так как при возможности такого прочтения не требуют какого-то «специального» контекста — рядом могут быть фразы разнообразного строения и содержания. Однако точно так же, как и прямое лексическое значение многозначного слова может реализоваться вне контекста и при «любом» контексте минус тот специальный контекст, который обусловливает появление вторичного значения, указанное прочтение данных фраз тотчас заменяется другим прочтением, как только появляется более «специальный» контекст — частичный вопрос, противопоставление и т. д.; например: *Кто это так хорошо читает? — Мальчик читает* и т. д.

Факты такого рода неоднократно отмечались в связи с вопросами о логическом ударении, о логическом и психологическом субъекте и предикате предложения, об актуальном членении предложения и т. д. Однако большинство исследователей оставили вне поля зрения тот факт, что степень синтагматической обусловленности фразы в том или ином «прочтении» неодинакова и обратно пропорциональна ее закрепленности в определенном парадигматическом ряду.

Понятие парадигматических отношений в синтаксисе само требует разъяснений, поскольку термин употребляется неоднозначно, применительно к различным явлениям [3].

---

[3] Было бы бессмысленно спорить, к каким именно явлениям его «нужно» применять или о том, что представляют собой парадигматические отношения «на самом деле». Поскольку широко распространено употребление термина в том понимании, которое придала ему Н. Ю. Шведова (да и сама «парадигматика предложений» именно в этом понимании наиболее разработана), было бы хорошо найти для обозначения того, о чем дальше пойдет речь, другой термин. Однако от термина жалко отказаться, поскольку, как кажется, он соотносит рассматриваемые явления с более широким кругом языковых явлений, выходящих за рамки синтаксиса.

Во избежание недоразумений «парадигматику», описанную Н. Ю. Шведовой, можно называть «внутренней парадигматикой предложения».

Значение каждого предложения, как и любой другой значимой единицы языка, определяется двумя факторами. Во-первых, теми отношениями внеязыковой действительности, выражением которых и является язык, в том числе и его синтаксическая структура. Во-вторых, теми отношениями, в которых данное предложение, данная конструкция находится со всеми другими предложениями, другими конструкциями языка, в первую очередь, естественно, с теми, с которыми оно связано чем-то общим: некоторой общностью значения, совпадением какой-то части составляющих его компонентов. Все такого рода связи и могут быть рассмотрены с точки зрения синтаксической парадигматики.

Так, предложение глагольно-именной структуры, представленное фразами, вроде *Мальчик читает, Птицы летают* и т. д., соотнесено с целым рядом других предложений, в которых, во-первых, раскрываются (развертываются) лексические признаки составляющих его словоформ (*Мальчик читает — что, Птицы летают — где, откуда, куда* и т. п.), во-вторых, изменена модальная основа высказывания (*Мальчик не читает; читает ли мальчик?*).

Ясно, что именно этот вариант предложения, который представлен приведенными фразами с реализованным в них порядком слов и их нейтральной интонацией, оказывается наиболее сильным в парадигматическом отношении, наиболее «активным» в парадигматических сопоставлениях. Он же оказывается и наименее связанным, обусловленным синтагматически.

Действительно, если отвлечься от двух вариантов предложения, отмеченных логическим ударением одного или другого из составляющих его компонентов, вызванным их противопоставлением или иным специальным выделением (*Ма́льчик* — «а не кто-то иной» — *читает, Мальчик чита́ет* — «а не делает что-то иное»), перед нами будут четыре варианта глагольно-именного нераспространенного предложения:

1. *Мальчик чита́ет.*
2. *Ма́льчик читает.*
3. *Читает ма́льчик.*
4. *Чита́ет мальчик.*

Каждый из этих вариантов характеризуется особой сочетаемостью, т. е. своими собственными синтагматическими связями. Их установление в более или менее полном виде пока не представляется возможным, но очень схематично они могут быть определены так: первый вариант обладает наиболее широкой, наиболее свободной сочетаемостью. Его связь с предложениями самой разнообразной структуры, в том числе введение в сложное предложение и в так называемое слитное предложение (ср. *Мальчик читает и пишет*), оказывается наиболее вероятным (десятки примеров, которые здесь нет надобности приводить, подтверждают это).

Появление каждого из трех других вариантов бывает вызвано более специальными контекстными условиями. В этом смысле они оказываются в большей степени синтагматически связанными.

Второй вариант (*Ма́льчик читает*) призван обозначить то семантически нерасчлененное событие, которое обычно связано с его актуальным восприятием, т. е. реализует относительное значение временно́й формы глагола (также в плане прошедшего и будущего), ср.:

Директор вы́ступит (с обычным фразовым ударением) и

Дире́ктор выступит,

когда явно предполагается соотнесенность обозначенного действия с каким-то другим событием.

— А помните, как я, вы и доктор ездили верхом в Шестово? — говорил Иван Алексеич Вере, подходя с нею к лесу.— Тогда еще нам *юро́дивый встретился.* Я дал ему пятак, а он три раза перекрестился и бросил мой пятак в рожь (Чехов, Верочка).

Третий вариант, также обозначающий действие как семантически нерасчлененное событие, тоже предполагает соотнесение с какими-то другими явлениями, которые (в отличие от предыдущего) часто бывают названы во фразах, объединяемых с данной в общем контексте. Ср.: *Наступает весна: прилетают птицы, тает снег...* Любопытно, что эта «заданность» связи явлений влияет и на строение фразы при его «изолированном» обозначении, например:

Птицы прилетают весной, но

Весной прилетают птицы,

где вынесение темпорального обстоятельства в начало фразы, отражая его семантическую «отдельность» во фразе (ср. наблюдения Н. Ю. Шведовой над детерминантами, о чем выше) и соответственно предикативную значимость (содержание фразы о том, «что происходит — *весной*»), оттеняет семантическую нерасчлененность глагольно-именного сочетания.

Обычной и стилистически нейтральной является данная конструкция при обозначении проявления признака, начала действия или события (*Идет снег; Наступило молчание; Началось болото* и т. п.), при соотнесении различных признаков предметов (*Между указанными явлениями наблюдается сходство; Из твердых веществ наиболее изученными являются вещества в кристаллическом состоянии* и т. п.).

Четвертый вариант (*Чита́ет мальчик*) также синтагматически связан — типичными условиями его появления оказываются контексты, содержащие повествование о действиях уже известного лица или иного производителя действий, самое обозначение которого может легко быть опущено во фразах, сообщающих о его последовательных действиях: ср. *Чита́ет мальчик. Перелистывает страницы, вдруг слышит...* В отличие от третьего

варианта здесь чаще выражена не связь событий, явлений, а последовательное развертывание действий одного и того же субъекта.

Ср.: Я шел по деревенской улице. Часть деревни была сожжена. *Торчали тру́бы. Валялись разбитые теле́ги. Лежала обгоревшая у́тварь* (Зощенко, Леночка) и:

Смо́трит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пестрый лоскут, и торчит из него кривая игла.

У́дивился Щенок: куда же Удод девался?..

Подбежа́л к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Ки́нулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло (Бианки, Первая охота).

Здесь сразу же нужны две оговорки. Во-первых, указанное интонационное членение характеризует не только подлежащно-сказуемостные фразы, но и ряд построений другого типа, например, семантически членимые односоставные предложения. Во-вторых, указание на обычность или типичность тех или иных употреблений ни в коей мере не равносильно признанию их «обязательности».

Как говорилось об этом выше, выбор одного из вариантов фразы зависит от целого ряда факторов, из которых здесь отмечены только наиболее однозначные. В реальной речи они осложняются целым рядом других факторов, которые с трудом могли бы быть обобщены. Ср. в повествовании: С февраля пошли оттепели... Капало с крыш, *играли сосульки,* и только по ночам, да и то редко, *ветер срывал* тучи, *лужи подмерзали,* и на небе *поблескивали звезды* (Паустовский, Далекие годы).

Парадигматически же закрепленным оказывается первый из представленных вариантов предложения. Именно он вступает в соответствие с предложениями, содержащими отрицание обозначенного действия (ср. нереальность фразы: *Вхожу и вижу: ма́льчик не читает*), вопрос или «распространяющими» содержание глагола (*Смотрю и вижу: мальчик читает журна́л,* где фразовое ударение — при отсутствии специального логического выделения — естественно перемещается на конец фразы).

Парадигматическая закрепленность именно первого варианта выражается и в том, что именно он наиболее естественно «представляет» соответствующую фразу в сопоставлении с конструкциями иного типа: *Мальчик прилежен, Мальчик — в саду* и т. д. Опосредствованно, через конструкцию с выраженным дополнением (когда речь идет о переходных глаголах, как в приведенном выше примере), именно он вступает в однозначное семантическое соотношение с пассивными конструкциями.

В работах о порядке слов, об актуальном членении предложений уже проводилось сопоставление вопросительных фраз с утвердительными, например, отмечалось, что фраза *Петр едет*

завтра в Москву является ответом на вопрос *Куда едет завтра Петр?,* в то время, как фраза *В Москву завтра едет Петр* — ответом на вопрос *Кто едет завтра в Москву?,* фраза же *Петр едет в Москву завтра* — ответом на *Когда едет Петр в Москву?* и т. п. Если понимать утверждение, что подобные фразы являются ответами именно на подобные вопросы, слишком буквально, то, конечно, придется признать, что при этом речевое общение представлено в довольно громоздком виде; ответом на вопрос *Куда едет завтра Петр?* будет, очевидно, *В Москву* или *В Москву едет,* но никак не дословное повторение и всей остальной части вопроса. Само же данное сопоставление, безусловно, отражает языковую реальность.

Все эти фразы парадигматически противопоставлены друг другу. Их безусловная синтаксическая соотнесенность указывает, в частности, на неправомерность трактовки лексически тождественных утвердительных фраз как «вариантов» или «видоизменений» одного и того же предложения, если не придерживаться того мнения, что вопросительные фразы *Кто едет...?; Куда едет...?; Когда едет...?* представляют собой также одно предложение. Но так как, говоря о предложении как синтаксической единице, обычно стремятся, насколько это возможно, отвлечься от конкретного «лексического наполнения», лексическая тождественность фраз с *кто, когда, куда* и т. д., по-видимому, не может иметь решающего значения, определяющей же здесь является различная направленность соответствующих вопросительных предложений, дающая основание считать их различными синтаксическими единицами. Соответственно и соотносительные с ними утвердительные фразы должны, очевидно, расцениваться как фразы, репрезентирующие парадигматически соотнесенные, но отдельные предложения.

Язык располагает различными средствами для выражения актуализации (пространственной и временно́й). В предложениях с личными формами глаголов выражение соответствующих значений сосредоточено главным образом в глагольном сказуемом. Значения выражены непосредственно формой глагола; так, форма глагола *летит* определяет неотнесенность действия к прошедшему и будущему времени и то, что обозначенное действие совершает не 1-е и не 2-е лицо; причем точкой отсчета, если при глагольной форме нет специальных слов, которые могли бы определить эту точку, становится сам говорящий: если форма *летит* выступает как отдельное высказывание — это значит не «вообще» и не «где-то», а «сейчас» и «здесь»; устанавливается и «непричастность» первого и второго лица к обозначенному действию.

В тех случаях, когда в высказывании нет глагольного сказуемого, а следовательно, нет и формы слова, специально выражающего значение лица и времени, за точку отсчета принимается

говорящий или, если речь уже шла о ком-то (или же ситуация указывает на кого-то), — этот кто-то.

Следует обратить внимание на то, что характер актуализации зависит от морфологической характеристики организующих высказывание слов.

Так, формы именительного падежа существительных, указывая на присутствие, наличие обозначаемого, соотносят его со «здесь» и «сейчас» (*Волк; Осень; Дождь; Река*); формы инфинитива в их изолированном употреблении, за исключением ряда закрепившихся с так называемым лексикализованным значением, как правило, или призваны выразить требование, т. е. адресованы ко 2-му лицу и указывают на действие, еще не осуществляющееся (*Встать! Бежать!* и т. п.) [4], или, если это обусловлено лексически, на действие, которое собирается или может совершить сам говорящий (*Пойти посмотреть*; ср. модальную обусловленность такого значения: *Отдохнуть бы* и т. п.), или же обозначают такое действие, отнесенность которого к какому-либо лицу вообще остается неопределенной и регулируется только контекстом (*Так ошибиться!*; ср. в известном стихотворении Блока: *Грешить* бесстыдно, беспробудно, Счет *потерять* ночам и дням...). Иными словами, эти формы в общем безразличны к лицу, представление о нем возникает из контекста или намечено лексическим значением глагола.

Наречия на *-о* при изолированном употреблении обнаруживают двойственную семантическую природу. Те из них, которые не относятся к разряду предикативных, выступают с оценочным значением (*Великолепно*), другие же, как отсеченные части глагольных словосочетаний,— чаще всего с императивным значением (*Быстро!*) и под., т. е. направлены вне говорящего. По-другому ориентированы в этом смысле предикативные наречия. Формы *светло, холодно, трудно* и т. п. могут иметь любую пространственную локализацию при соответствующем ее обозначении — прямом (*там холодно, ему трудно*) или косвенном (тогда точка отсчета установлена предшествующим контекстом или общей ситуацией речи). Но когда такие обозначения отсутствуют, эти формы могут быть ориентированы только на самого говорящего: *Холодно, Светло, Трудно!* и т. п. — можно интерпретировать только, как «Холодно» и т. д. — «здесь» и «мне».

Такая ориентированность предикативного наречия сохраняется и при сочетании с постпозитивным инфинитивом (*Трудно писать*), причем фразовое ударение остается на наречии, а между ним и инфинитивом нет паузы. Когда же наречию предшествует инфинитив, меняется не только интонационная структура фразы (между инфинитивом и наречием намечается пауза, т. е. сочета-

[4] Понятно, что в различных синтаксических условиях эти формы могут иметь иные функции. Кроме именительного темы может быть инфинитив темы (*Идти... Нет, пожалуй, не стоит; Вернуться! Как это хорошо* и т. п.), инфинитив может выступать в конструкциях типа *Не возвращаться же* и т. д.

ние интонационно расчленяется, ударение переносится на свое обычное место в конце фразы), что отмечалось исследователями, анализировавшими эти конструкции [5], но и ее субъектная ориентация.

«Безличность» или «внеличность» препозитивного инфинитива предопределяет соответствующее значение конструкции.

С этой точки зрения легко объясняются нарушающие отмечаемую закономерность «инверсии» вроде *Смотре́ть тошно, Слу́шать стыдно* (фразы с начальным ударением и интонационно не расчлененные): значение словосочетания здесь таково, что предполагает взаимоотношение между лицами, лексическое же значение инфинитива соответствует этому значению, так как глагол обозначает активно направленное действие; точкой отсчета в таком случае становится опять-таки сам говорящий.

Актуализированная таким образом в отношении лица фраза одновременно становится актуализированной во временно́м плане. Если фразы *Кататься весело, Читать интересно* и т. п. сами по себе неопределенны с точки зрения их отношения к моменту речи (вне контекста они, скорее, имеют обобщающее значение), то фразы *Слу́шать стыдно* и под., так же как *Ве́село кататься* и другие аналогичной структуры, приобретают актуализированный характер. Они включаются в ряд, представленный глагольно-именными фразами типа *Мальчик чита́ет — Ма́льчик читает*, соотношение которых (если оставить в стороне случаи выражаемого аналогичными фразами с логическим ударением противопоставления: «мальчик, а не кто-то еще», «читает, а не делает что-то другое») соответствует соотношению неактуализированного (во временно́м плане) действия: *Мальчик чита́ет* может значить «читает сейчас», «читает вообще», «умеет читать», «читает когда-либо» и т. д.; *Ма́льчик читает* значит только «сейчас» и «здесь», понятно, по отношению к устанавливаемой говорящим «точке отсчета». Такая же предполагаемая фразой точка отсчета обусловливает и актуализацию действия в случае глагольной формы прошедшего времени (ср. начальную строчку блоковского стихотворения: *Де́вушка пела* в церковном хоре...; ср. *Грачи прилете́ли* и *Грачи́ прилете́ли; За́яц пробежал* и т. п.)

Нужно обратить внимание также еще на одно обстоятельство, которое представляется существенным при определении роли словоформ, способных выступать в односоставных предложениях.

---

[5] *Н. Ю. Шведова.* Изменения в системе простого предложения. «Изменения в системе простого и осложненного предложения». М., 1964; *Е. И. Воинова.* Предикативные слова на *-о*, сочетающиеся с инфинитивом, в современном русском литературном языке.— АКД, Л., 1965; *В. П. Мельников.* О двусоставном характере предложений, имеющих при препозитивном инфинитиве слова на *-о*, с модальным значением. «Вопросы истории и теории русского языка». Тула, 1968; *Он же.* О двусоставном характере предложений, имеющих при препозитивном инфинитиве слова с модальным значением. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969.

Не только наречия на *-о*, но и существительные, обозначающие состояние или действие, представленное независимым от его производителя (*тишина, шум, веселье, дождь* и т. п.), при сочетании со словоформами, указывающими на границы распространения данного состояния или действия (в отношении времени, пространства, какого-либо другого действия), ведут себя не совсем так, как другие существительные в аналогичных словосочетаниях, имеющих значение локализации предмета.

Так, если не предполагается противопоставление (соответственно — выделение посредством логического ударения противопоставляемого члена словосочетания), изменение порядка слов сопровождается во фразах вроде *Гости — в саду; В саду — гости* переходом фразового ударения на второй член сочетания, т. е. в обоих случаях возможно нормальное фразовое ударение (в конце фразы). Возможно и актуализированное представление данной связи с выделением той или другой части фразы при помощи так называемого логического ударения (*Го́сти в саду — В саду́ гости*).

Таким образом, интонационное варьирование этих фраз аналогично варьированию глагольно-именной фразы:

Мальчик читает — Гости в саду;
Ма́льчик читает — Го́сти в саду;
Мальчик чита́ет — Гости в саду́;
Читает мальчик — В саду гости;
Чита́ет мальчик — В саду́ гости;
Читает ма́льчик — В саду го́сти.

Однако введение в глагольно-именную фразу существительных, обозначающих независимое от производителя действие или состояние, и глаголов, указывающих на проявление данного действия или состояния, меняет ее интонационную парадигму—фразовое ударение, независимо от порядка слов, остается на существительном: *Наступила тишина́ — Тишина́ наступила; Идет до́ждь — До́ждь идет* и т. п. Перенесение ударения на глагольную форму бывает обусловлено появлением во фразе уже логического ударения (*Идёт дождь! А дождь все идёт и идёт* и т. п.), т. е. синтаксически связанным употреблением конструкции.

Точно так же в соответствии с нейтральными вариантами *Гости в саду — В саду гости* (имеющими фразовое ударение на последнем слове) — окажутся не *Тишина в саду́ — В саду тишина́*, а *Тишина́ в саду — В саду тишина́* (с фразовым ударением на существительном в именительном падеже).

Обычно указывается на роль (грамматическую) порядка слов в тех случаях, когда морфологических показателей оказывается недостаточно (в силу омонимичности отдельных морфологических форм слов или же их тождественности в так называемых предложениях тождества) для различия отдельных членов предложения.

То, что характер синтаксических связей между различными компонентами предложения зависит от их расположения, т. е., иначе говоря, то, что порядок слов существен для синтаксической членимости предложения, представляется несомненным. Однако некоторые устойчивые до последнего времени представления о роли порядка слов в предложении нуждаются в серьезных коррективах.

Прежде всего вызывают сомнения утверждения об обязательном порядке слов для отдельных конструкций.

В академической «Грамматике» 1954 г.[6] было сказано, в частности, следующее: «В тех случаях, когда различные члены предложения выражены одной и той же частью речи, притом такими формами, аффиксы которых совпадают по своему звуковому составу, порядок слов часто не может быть изменен» (стр. 660). Среди этих случаев приведены такие, где фиксированный порядок слов, согласно академической грамматике, является обязательным.

Во-первых, это предложения, в которых подлежащее и прямое дополнение выражены существительными, у которых совпадают формы винительного и именительного падежей: *Бытие определяет сознание; Мать любит дочь; Грузовик везет на буксире легковой автомобиль.* По поводу таких конструкций говорится: «В этих случаях имя существительное, стоящее на первом месте, всегда является подлежащим, а имя существительное, стоящее после глагола-сказуемого, — прямым дополнением».

Далее указаны предложения, в которых оба главных члена выражены именами существительными в именительном падеже. «Существительное, стоящее на первом месте,— утверждается в „Грамматике“,— является подлежащим, а существительное, стоящее на втором месте, — сказуемым; ср. *Учитель — мой брат* и *Мой брат — учитель».*

Менее категорично сформулировано аналогичное правило для определения роли инфинитива.

«Порядок слов является определяющим признаком для выяснения синтаксической функции инфинитива, выступающего в роли одного из главных членов предложения: инфинитив-подлежащее, как правило, помещается на первом месте, а инфинитив-сказуемое — на втором; ср. *Поехать на Север было моей давнишней мечтой* и *Его мечта — поехать на Север»* (стр. 660—661). Аналогичный взгляд на роль порядка слов повторяется в ряде других работ, поэтому имеет смысл рассмотреть эти случаи подробнее, тем более что и опровержение этого взгляда (например, у П. Адамца) нуждается в существенном уточнении.

1. *Мать любит дочь.*

Еще А. М. Пешковский очень точно писал о необязательном

---

[6] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1. М., Изд-во АН СССР, 1954. Это мнение повторяется в ряде других исследований.

характере указанного осмысления. Он заметил: «Выше мы указали на возможную связь значения именительного падежа с постановкой существительного перед глаголом и значения винительного падежа с постановкой его после глагола (*мать любит дочь* и *дочь любит мать*). Но даже в этих исключительных случаях, где случайное различение возможно только при помощи порядка слов, русский язык не проводит одного обязательного порядка. Возможен и винительный падеж перед глаголом и именительный после глагола (например, *в этой семье отца любит сын, а мать любит дочь*). Только отвлекаясь от условий контекста, мы получим большее тяготение им. пад. к первому месту, а вин. пад. к третьему, и поэтому только в изолированных фразах (в сущности неестественных) словопорядок может получать обязательное значение»[7].

К этому следует добавить, что не только (и, как мы думаем, не столько) условия контекста играют решающую роль в указанных случаях, но весьма существенными являются другие факторы, характер которых необходимо выяснить с достаточной полнотой.

Хотя искусственность изолированных фраз вроде *мать любит дочь*, которая особенно очевидна в контекстах грамматических работ, в общем не вызывает сомнения, нельзя отказать в самостоятельной однозначности взятым и изолированно таким фразам, как *Бытие определяет сознание,* или газетным заголовкам, среди которых не столь уже редки такие, как *Грузы доставляют автоматы — Путь воде открывает туннель*, наряду с такими, как *Автоматы сортируют конверты, Искусственный дождь напоит степь* и т. п. Если понимание подобных фраз не вызывает затруднений, то, по-видимому, потому, что входящие в них слова в силу своего л е к с и ч е с к о г о значения предполагают именно такое, а не иное понимание. Следовательно, в конечном счете дело здесь не в порядке слов, а в лексике. Именно лексическое значение слов предопределяет то или иное понимание фразы, а в результате — и соответствующие синтаксические связи внутри нее, несмотря на отсутствие или двузначность морфологических показателей и независимо от порядка слов. Так называемый обратный порядок слов никак не препятствует однозначному пониманию таких, например, фраз: Болящий *дух врачует песнопенье* (Баратынский); А днем *простор* осенний *Пронизывает вой...* (Пастернак); *Путь* неожиданно *преградил автобус...* (Из газет); Большой *разбег берет* текстильный *цех* страны в новой пятилетке (Из газет); Но летящие *ракеты* корабельные радиолокационные *станции не обнаружили* (Из газет).

Собственно, только в тех случаях, когда субъект и объект действия выражаются семантически однородными существительными, можно говорить об определенной роли порядка слов

---

[7] *А. М. Пешковский.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 52.

(ср. *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать;* но: *Мать ест яблоко* и *Яблоко ест мать)* или о необходимости более широкого контекста. Так, например, фразы типа: В данном случае магнитное *поле создает ток* (Вайскопф, Наука и удивительное); Восточный *фасад* ныне *скрывает здание* Малого Эрмитажа... (Архитектурный путеводитель по Ленинграду) — могли бы, по-видимому, служить иллюстрациями к приведенному выше правилу академической «Грамматики», если бы не опровергали его, что становится ясным, однако, только при ознакомлении с более широким контекстом (по существу, «более широким контекстом» в ряде случаев можно считать знание соответствующей ситуации или самих реалий, о которых идет речь). Ср.:

Рассмотрим теперь создание магнитного поля электрическими силами. В данном случае *магнитное поле создает ток.*

Заметим, что дальше в цитируемом произведении следует фраза, которая, напротив, подтверждает указанное «правило»:

Итак, мы видим, что движущееся *электрическое поле создает магнитное поле,* точно так же, как движущееся магнитное поле создает электрическое.

В 1732—1735 гг. арх. Ф.-Б. Растрелли построил императорский дворец... Это сооружение им же полностью перестроено в 1754—1762 гг.... Восточный *фасад* ныне *скрывает* здание Малого Эрмитажа.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что основным определяющим фактором в подобных случаях выступают лексические значения слов, наиболее непосредственно отражающие реальные отношения соответствующих предметов. Именно лексическими (более специально: фразеологическими; ср. «Большое внимание этому уделяет также печать»; «Удивление вызывает тот факт, что...» и т. п.) связями слов определяются их синтаксические связи, а следовательно, и синтаксическая членимость соответствующих предложений.[8]

Ведь и то, что в некоторых случаях (*Мать любит дочь; Электрическое поле создает магнитное поле*) различительная функция переходит к порядку слов, не свидетельствует о «безразличии» синтаксических связей слов к лексической характе-

---

[8] Ср. у У. Вейнрейха: «Нередко теоретически возможная неоднозначность конструкции снимается либо в силу семантической абсурдности одной из интерпретаций, либо, как отметил Хоккетт, в силу симметричности („пропорциональности") с другими, и притом однозначными, отрезками текста. Так, рассматривая немецкое предложение Die Birnen assen die Kinder 'Груши съели дети', мы понимаем, что, несмотря на необычный порядок слов f (y, x), здесь x=Kinder, а y=Birnen. Мы понимаем это не только потому, что груши, поедающие детей,— это бессмыслица, но и потому, что в предшествующем контексте могла быть представлена однозначная конструкция, помогающая пониманию данной, например, Der Vater ass Kirschen, und... 'Отец съел вишни, а...'» («Новое в лингвистике», вып. V. М., 1970, стр. 199).

Следует заметить, что самая «симметричность» может быть установлена только на основании лексических соответствий: *отец* и *дети, груши* и *вишни,* т. е. так же, как и «абсурдность», определяется лексическими моментами.

ристике последних, поскольку самая возможность подобной роли порядка слов обусловливается собственно лексическими значениями: ср. *Яблоко ест дочь,* где аналогичная функция порядка слов не поддержана лексикой (разумеется, если нет намерения придать фразе необычное осмысление, что могло бы быть подготовлено контекстом).

Таким образом, выключение (в силу тех или иных причин) морфологических показателей, регулирующих синтаксические связи слов, не препятствует установлению этих связей, поскольку они могут быть ориентированы на лексико-фразеологические связи сочетающихся слов.

2. Мой брат — учитель.

В отличие от предыдущих конструкций здесь не недостаточность (вследствие формальной омонимии) морфологических показателей, а их принципиальное тождество. Именно тождеством падежных словоформ и определяется значение данной конструкции. Однако, если в одном из существительных, стоящих в именительном падеже, следует признать подлежащее, а в другом — сказуемое (ср. *Мой брат — учитель, Мой брат учительствует*), то это, по-видимому, не потому (или не только потому), что одно из них предшествует другому.

Можно еще согласиться с тем, что во фразе *Мой брат — учитель* сказуемым является *учитель,* в то время как во фразе *Учитель — мой брат* сказуемым оказывается *мой брат.* Однако то, что это — общее правило, сразу же кажется неправдоподобным. Возьмем такие примеры: Он рассказал о том, какое *великое изобретение градусник,* о его устройстве, способах применения... (Нагибин, Чистые пруды); *Милый сердцу обычай — встреча Нового года* (Панова, Времена года); [Лука.] *А хорошая сторона — Сибирь!* Золотая сторона (Горький. На дне); *Полигон ученых — завод* (Из газет) и т. д.

Имеет ли смысл утверждать, что функции сказуемого и подлежащего определяются в этих примерах порядком слов, т. е. что существительное, стоящее на первом месте, выступает здесь как подлежащее, а существительное, стоящее на втором месте,— как сказуемое? Несомненно, что те признаки, которые всегда связываются со сказуемым, сосредоточены именно в первом существительном, причем, изменяя порядок слов, мы, очевидно, не изменим этой его функции. Переводя фразы в прошедшее время, мы опять-таким видим, что именно первые существительные могли бы быть представлены в виде творительного предикативного без того, чтобы изменились отношения, сложившиеся в данных фразах. Напротив, такое изменение формы каждого второго существительного привело бы к созданию если не абсурдных, то, во всяком случае, требующих специального (не данного, в приведенных фразах) осмысления; ср.: *Он рассказал о том, каким великим изобретением был градусник* и: *Он рассказал о том, какое великое изобретение было градусником;*

Милым сердцу обычаем была встреча Нового года и: *Милый сердцу обычай был встречей Нового года* и т. п.

Если мы сопоставим такие, например, фразы: Здесь каждый *гость хозяин;* ему все позволено (Куприн, Домик) и: Утром до половины девятого на улицах села *хозяева* одни галки (Тендряков, За бегущим днем), то трудно сомневаться в том, что в первой сказуемым выступает *хозяин,* а во второй — *хозяева,* несмотря на то что первая словоформа следует за другим существительным в именительном падеже (*гость*), а вторая — предшествует ему (*галки*). Во всяком случае, синтаксическая функция обеих этих словоформ представляется одинаковой. Если мы изменим порядок слов в этих фразах, не изменяя их лексического состава, мы, очевидно, не изменим общего предикативного соотношения между соответствующими существительными, ср.: *Здесь хозяин каждый гость; ему все позволено; Утром до половины девятого одни галки хозяева на улицах села.* Перевод фраз в прошедшее время (с заменой именительного творительным предикативным) также свидетельствует об указанном членении фраз; ср. *Здесь каждый гость был хозяином; Утром до половины девятого на улицах села хозяевами были одни галки,* при явной невозможности **Здесь каждым гостем был хозяин* и **Утром до половины девятого на улицах села хозяева были одними галками.*

Следовательно, дело здесь не в порядке слов, но в соотношении лексических значений предикативно объединяемых в данной конструкции существительных.

Когда какому-либо существительному приписывается признак путем «приравнивания» его к другому существительному, выступающему в данном случае выразителем признака, возникает нелинейно направленное «тождество», обусловленное порядком слов, при котором изменение порядка слов влекло бы за собой изменение предикативного соотношения внутри конструкции, но такое предикативное единство, характер которого определяется в основном лексическими значениями обоих существительных и которое поэтому может сохранять направление предикации, независимо от следования компонентов.

В тех случаях, когда назначение конструкции заключается в отнесении предмета к определенному классу (*Блок — поэт; Актиномицин — антибиотик* и т. п.), т. е. когда смысл конструкции в наибольшей степени поддается «логической» интерпретации, порядок слов действительно оказывается наиболее устойчивым. Однако, во-первых, и здесь возможны изменения порядка слов, с которыми трудно связать изменение синтаксического статуса компонентов (ср. *Лучший поэт начала века — Блок* и *Лучшим поэтом начала века был Блок,* но, можно полагать, не: **Лучший поэт ... был Блоком*). Во-вторых, и указанный характер конструкции («отнесение предмета к классу») обусловлен по существу только ее лексическим составом. При любом словорасположении

здесь вообще возможны различные смысловые соотношения между существительными — определяются эти соотношения не порядком слов, а лексическим значением как самих существительных, так и зависимых от них слов.

Ср. также: *Основной тип* старых жилых зданий в Солигаличе — *одноэтажный, реже двухэтажный дом* со светелкой, выходящей на уличный фасад (А. А. Тиц, На земле древнего Галича).

Ср. в газетных заголовках: *Аудитория — весь город; Наше богатство — знания; Стройплощадка — вся страна; Оружие хирурга — ультразвук* и т. п.

Следует отметить, что при любом порядке слов возможно предикативное употребление существительных с оценочным значением: Я согласна, *визиты — глупость, предрассудок,* их не следует делать... (Чехов, Новогодняя пытка); Что такое «душевный человек»? — *Тряпка ваш душевный человек*... Ну да, тряпка!.. (Эртель, Записки Степняка).

Ср. с именами собственными: [Шишкин.] *Теленок ваш Быков*... (Горький, Мещане); *Горячка этот Иван Васильевич* (Житков, Волы) и т. п.

Нетрудно заметить, что предикативное употребление свойственно далеко не всем именам существительным. Оно не свойственно именам собственным (если, разумеется, они не выступают с нарицательным значением, ср.: Для ревнивой супруги *такие фразы — нож острый,* а моя *Ниночка — Отелло* в юбке. (Чехов, Ниночка), так же как и тем существительным, лексическое значение которых лишено оценочных и функциональных моментов (способность «служить для каких-то целей»; ср.: Все северные *реки — дороги* (Подъяпольский, По Сухоне и Северной Двине).

Таким образом, уже в самой семантике существительных намечены возможности их синтаксического применения. Благодаря этому омонимичность морфологических показателей не препятствует установлению однозначных синтаксических связей.

В преодолении фортунатовской точки зрения на предложение как на одну из разновидностей словосочетания в нашем языкознании укрепился тот взгляд, что «словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса»[9]. Резкое разграничение предложения и словосочетания, безусловно, способствовало более глубокому пониманию каждой из этих единиц синтаксиса. Однако оно как-то отодвинуло вопрос об их взаимодействии, о возможности преобразования одной из них в другую, т. е. возможности употребления некоторых конструкций, совпадающих по составу с предложением, в качестве словосочетаний и, наоборот, возможности предикативного расчленения разных типов словосочетаний.

До сих пор в общих описаниях современного русского синтаксиса, в которых подробно анализируются различные типы слово-

[9] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 1, стр. 11.

сочетаний и предложений, отсутствуют сведения о том, какие же сочетания словоформ могут образовать только словосочетания, какие — только предложения, а какие из них (и при каких условиях) выступают то как словосочетания, то как предложения. Между тем такие сведения помогли бы, очевидно, представить различные типы синтаксических структур в их динамике и взаимодействии, а не как статичные образцы или схемы построения отдельно словосочетаний и предложений.

Статичность и будто бы первичность этих образцов, или схем, привели к мысли о двух уровнях синтаксиса — конструктивном и коммуникативном [10]. То, что любая синтаксическая единица может быть рассмотрена (а иногда и лучше познана) на одном каком-то уровне анализа, не вызывает сомнения. Однако серьезные сомнения возникают тогда, когда приемам анализа придается сущностное значение. «Имея в виду,—пишет И. П. Распопов,— что структурная организация связной речи обусловливается необходимостью выражения мысли, с одной стороны, и необходимостью ее целенаправленного сообщения — с другой (обе эти функции и выполняет язык в процессе общения), а также учитывая, что такая организация в том и в другом случае осуществляется по-разному (с помощью различных формальных средств), целесообразно, по-видимому, различать и разграничивать два уровня синтаксического описания и синтаксической системы языка» [11].

В соответствии с таким пониманием за единицу конструктивно-синтаксического уровня принимается конструкция, за единицу второго уровня — предложение, поскольку становятся ли синтаксические конструкции «подлинными предложениями и каково их коммуникативное назначение в качестве предложений—этот вопрос на первом уровне описания не решается (поскольку... свойства коммуникативности не обнаруживаются в конструктивно-синтаксических связях словесных форм)» [12]. Но ведь конструктивно-синтаксические связи в предложении обусловлены именно коммуникативным назначением последнего. Возможность (в ряде случаев даже целесообразность) изолированного исследования отдельных сторон предложения (формальных связей компонентов предложения, их линейного расположения, интонации и фразового ударения) не свидетельствует об отсутствии взаимодействия между ними.

Понятно, что сочетания *большой дом* и *дом большой* в зависимости от интонации могут быть и предикативными и непредикативными сочетаниями, но ведь всегда отмечается, что второе из них более приспособлено, чтобы быть предикативным, что в слу-

---

[10] См.: *И. П. Распопов.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; *Он же.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
[11] *И. П. Распопов.* Очерки..., стр. 21.
[12] Там же, стр. 22.

чае соответствующей интонации (в письменной речи, определяемой контекстом, т. е. опять-таки формально выраженными синтагматическими связями сочетаний) первое из них легче становится односоставным предложением, а второе—двусоставным. Можно обратить внимание также на то, что включение в сочетания обстоятельственных слов уже само по себе как бы задает предикативную интонацию: *Дом там большой, Дом у реки большой, Дом у него большой;* ср. *Там большой дом, У реки большой дом, У него большой дом* и т. п. Таким образом, формальные связи никак не безразличны для построения предложения как коммуникативной единицы.

Нетрудно заметить, наконец, что и лексическая характеристика сочетающихся словоформ в известной степени сказывается на усилении или, наоборот, ослаблении их предикативной соотнесенности. Потенциальная предикативность сочетающихся словоформ в тех случаях, когда они не отягощены «принудительной» предикативностью (как спрягаемые формы глагола), во многом зависит от их лексико-семантической принадлежности. Так, *мужчина в пальто* и *брат в пальто* обладают явно неодинаковым «потенциалом предикативности» (и соответственно — семантической слитности) вследствие резкого различия существительных в плане определенности—неопределенности.

Возникает вопрос и об «омонимичности» отдельных синтаксических построений. Ср. следующие предложения:

Ребятишки были в лесу;

Незнакомец был в плаще;

Путешественники были в безопасности.

Можно ли считать, что эти предложения построены по одному образцу?

Совершенно очевидно, что, выводя морфологическую формулу каждого из этих построений, мы во всех случаях получим одинаковые результаты: «именительный падеж существительного + + связка + *в* + предложный падеж существительного». Вместе с тем так же очевидно, что семантика данных предложений различна.

Поскольку это различие не обусловлено морфологическими формами слов, остается считать, что оно вызвано лексическими факторами. Соответствующей констатацией чаще всего и ограничивались при рассмотрении подобных случаев, а так как все, что относится к лексике, признавалось лежащим за пределами собственно грамматического изучения предложения, то указанные различия до сих пор не привлекали должного внимания. Только в самое последнее время, в связи с развитием трансформационного метода в синтаксисе и возрастающим интересом к так называемым «глубинным структурам», аналогичные факты стали объектом тех или иных синтаксических интерпретаций.

Думается, что синтаксическая интерпретация приведенных конструкций заключена непосредственно в них самих — в их па-

радигматической закрепленности. Поэтому нет необходимости в данном случае прибегать к трансформациям или к понятию «глубинная структура».

Первое предложение (*Ребятишки были в лесу*) входит в ряд предложений пространственной характеристики, в которых предложно-падежные формы имени имеют значение локализации конкретного предмета, ср. *Ребятишки — были в лесу — были около леса — были за лесом* и т. д.

Ср. соответствующие литературные примеры: Петр сказал мне, что дядя с матушкой *в саду* (Чехов, Тайный советник); Какой теперь клуб. Все *в лесу*. Одна Райка *в деревне* (Абрамов, Две зимы и три лета); Все ребята *у реки*, а наших нету (Там же); Мелеховский двор — *на самом краю* хутора (Шолохов, Тихий Дон); Силосная яма у них *на въезде* в село, так что мы сразу и увидели происшедшее (Солоухин, Варвара Ивановна); Через пять минут он был *около клуба* (Чехов, Праздничная повинность); — Да нешто его (налима) так вытащишь? Надо за голову! — А голова *под корягой!* (Чехов, Налим); Эва! Нешто это Выселки? Здесь Хилово, а Гнилые Выселки правее будут, *за спичечной фабрикой* (Чехов, Заблудшие); Ты вчера был *за городом?* Или играл у кого-нибудь? (Чехов, Отец семейства) и т. п.

Второе предложение (*Незнакомец был в плаще*) является членом другого парадигматического ряда: *был в плаще — был без плаща — на нем был плащ*. Ср.: *Она была в грубых грязных сапогах, в телогрейке и темном старушечьем платке* (Казаков, Дом под кручей); Прохожий *был в брезентовом плаще и кепке* (Солоухин, Моченые яблоки); *На нем было помятое, вымоченное в грязи летнее пальто, сарпинковые брюки и резиновые калоши* на босую ногу (Чехов, Осенью); Я так плохо одет. Я прямо с дороги, *на мне лыжный костюм, сбитые ботинки* (Казаков, Голубое и зеленое); *Шляпа у него была на затылке*, галстук сполз набок (Чехов, Дочь Альбиона); ...за маленьким треногим столом сидят сам Яшкин и его гость, штатный смотритель уездного училища Пимфов. *Оба без сюртуков;* жилеты их расстегнуты... (Чехов, Мыслитель).

Именно этими соотношениями и регулируется значение каждого из предложений. Поскольку эти соотношения различны, есть смысл видеть в основе каждого из данных рядов предложений различные синтаксические формулы построения. В таком случае это будет не общая формула (им. п. *в* предл. п.), а две различные формулы (в первой должно содержаться указание на «локативное значение» существительного в предложном падеже, во второй дана семантическая характеристика существительного — «одежда»).

Указание на семантические разряды сочетающихся словоформ (так же как и на синтаксическую валентность глагола в формулах глагольных предложений) никак не грозит «растворить синтаксис в лексике», чего иногда опасаются, так как сами

синтаксические конструкции не только отражают лексическое своеобразие сочетающихся единиц, но и позволяют представить его в определенных рамках, делая возможной соответствующую группировку лексического материала.

То, что лексика вторгается в синтаксис, отмечено давно; Н. Ю. Шведовой был исследован вопрос о «лексическом наполнении» схемы предложения. В академической «Грамматике» 1954 г. В. В. Виноградов писал следующее: «Кроме синтаксической специфики разных частей речи, кроме словообразовательных связей слов, важную роль в группировке словосочетаний, в их классификации и в способах их построения играют различия между семантическими группами слов. Например, имена существительные, обозначающие эмоциональное отношение, чувство, расположение или нерасположение, сочетаются посредством предлога *к* с формой дательного падежа существительных, обозначающих лицо, предмет или отвлеченное понятие...» (т. II, ч. I, стр. 48). Совсем недавно на общем вопросе соотношения лексики и синтаксиса остановился Р. А. Будагов: «Как понимать зависимость синтаксиса от лексики? Быть может, лексика — это содержание синтаксиса? Синтаксис — форма, а лексика — содержание?» На этот вопрос дается такой ответ: «Как правило, в синтаксис „вмешивается" не семантика отдельных слов, а семантика определенных (более общих или менее общих) категорий» [13].

Поскольку в русском языке нет специальных форм для выражения категории определенности—неопределенности, но каждый язык располагает теми или иными средствами выражения существенных при коммуникации категорий, очевидно, и в русском языке есть возможность передать соответствующее значение. Давно обращено внимание на то, что одним из таких средств является порядок слов. Фразы *В комнату вошел мужчина* и *Мужчина вошел в комнату* соответствуют фразам с неопределенным и определенным артиклями (при обозначении «мужчина»). Трудность заключается тем не менее в том, что это лишь одна среди других функций порядка слов в русском языке (ср. *В комнату вошел Ваня — Ваня вошел в комнату,* где об определенности—неопределенности вошедшего, понятно, не может быть речи).

Эта трудность была отчасти преодолена учением об актуальном членении речи. Семантическое членение предложения определяется, согласно наблюдениям ряда исследователей, движением от «данного» (того, о чем шла речь, что предполагается известным и т. д.) к «новому» (тому, в чем, собственно, и сосредоточен смысл высказывания). Работы по актуальному членению (И. П. Распопова, И. И. Ковтуновой, О. А. Лаптевой и др.) заставили полностью пересмотреть распространенные не так давно

---

[13] *Р. А. Будагов.* К теории синтаксических отношений.— ВЯ, 1973, № 1, стр. 4, 6.

отрывочные и кажущиеся теперь наивными представления о порядке слов в предложении. Но и приняв во внимание, что словорасположение отражает движение от данного к новому (в случае эмфазы—обратное), мы не сможем до конца объяснить различие в приведенных выше фразах, если сопоставим их, например, с такими: *Кто-то вошел в ко́мнату — В комнату вошёл кто-то* и т. п.

Очевидно, в семантическом членении предложения, в той мере, в какой оно связано с порядком слов и фразовым ударением, участвуют и еще какие-то факторы, которые остаются пока не до конца опознанными. Заметную роль здесь играют лексические моменты; их влияние на порядок слов и фразовое ударение ясно видно не только в таких случаях, как *Сне́г идет—Идет сне́г* (ср. *А снег все идёт*); *О́сень наступила — Наступила о́сень* и т. п., но также, например, в сопоставлении фраз с фазисными глаголами противоположного значения; ср.:

Пошел до́ждь—Дождь ко́нчился;

Начались кусты́ — Кусты ко́нчились;

Начались ссо́ры—Ссоры прекрати́лись;

Возникли разногла́сия — Разногласия сгла́дились,

Слышатся сто́ны—Стоны продолжа́ются и т. п.

Интерпретация этих фраз легко укладывается в рамки представлений о движении фразы от «данного» к «новому»: при начале, возникновении действия, явления всегда является «новым» само явление — его обозначение и выносится в конец фразы и получает фразовое ударение; когда явление подходит к концу, «новым» является обозначение «конца», поэтому именно фазисные глаголы и становятся выразителями «нового», само же явление представлено как исходная точка сообщения, т. е. «данное». Существенно то, что отмеченное разграничение фиксируется лексически, в его сферу вовлекаются глаголы различных семантических групп, указывающие на начало или продолжение и прекращение действия. Ср.: В самый разгар мечтаний, когда он, сгорбившись и глядя в землю, сидел в темном уголке беседки, *послышались легкие шаги.* Кто-то не спеша шел по аллее. Скоро *шаги затихли,* и у входа мелькнуло что-то белое (Чехов, Володя).

Введение во фразу обстоятельственных слов разрушает лексически закрепленную «статичность» сообщения, создавая возможность варьирования: Она хорошо жила с мужем? Гм... не совсем. *Недоразумения начались вскоре же после свадьбы* (Чехов, Следователь).

Последняя фраза могла бы иметь и такой вид: *Вскоре же после свадьбы начались недоразумения.* И в том и в другом случае это был бы ответ на тот же заданный собеседником вопрос (*Она хорошо жила с мужем?*). Но «семантический потенциал» этих фраз все же различен: фраза в тексте имеет констатирующий характер, предполагаемая фраза — описательный.

В первом случае говорится о том, «когда начались разногласия», во втором—«что произошло после свадьбы». Роль обстоятельства в членении фразы при этом различна. Постпозиция обстоятельственного компонента обусловливает его большую прикрепленность именно к данному предикативному словосочетанию, предопределяя замкнутость конструкции. Этой замкнутости нет во втором случае, ср.: *Вскоре же после свадьбы начались недоразумения, возникли разногласия* и т. д. В первой фразе такое добавление могло бы примкнуть к конструкции в целом, но было бы неестественным, если бы вклинилось непосредственно после предикативного словосочетания: ср. *Недоразумения начались, разногласия возникли вскоре же после свадьбы.*

То, что значение «определенности» предмета (или явления) связано с предикативным расчленением фразы и определенным образом влияет на это расчленение, видно из соотношения различных признаков, которые приписываются предмету. Например, при локализации названного предмета предикативное значение у локализующих слов может быть обусловлено как тем, что о предмете уже шла речь (ср.: *А сейчас идите ко мне домой. Дом у реки*), так и тем, что предмет уже выделен во фразе при помощи других определений (*Наш дом у реки*). Значение определенности, а соответственно предикативной членимости фразы, может быть обусловлено и лексически. Ср.:

Пассажир на верхней полке и: *Брат — на верхней полке*;

Деревья у реки и: *Станция — у реки* и т. п.

Также: *Человек высокого роста* и: *Брат — высокого роста* и т. п.

Местоимения и имена собственные, не обладающие (обычно) обобщенным значением, соответственно не приобретают в подобных случаях характера непредикативных определений: *Он — на верхней полке, Он — высокого роста, Это — из-за опоздания* и т. д. Не нуждается, по-видимому, в пространном пояснении то, что *брат, станция* в обычной ситуации служат обозначениями «определенных» предметов, поэтому определения при этих словах обычно не имеют смысла собственно определения, а предполагают их характеристику в плане модально-временной отнесенности. Сочетание же *Пассажир на верхней полке*, если речь еще не шла о данном лице, является в целом обозначением последнего: *На верхней полке* — это своего рода определенный артикль (только лексически содержательный) при слове *пассажир*. Слово *брат* (в обычных условиях) само выступает как «определенное», поэтому подобное дальнейшее определение обозначаемого становится здесь предикативно значимым.

Сравним такие фразы, считая что они представляют законченный текст:

В дверь постучали, хозяйка пошла открывать —

В дверь постучали, открывать пошла хозяйка.

Действие эти фразы обозначают, несомненно, то же самое. Различия в определенности—неопределенности в строгом смыс-

ле слова здесь также обнаружить нельзя. Ударение в обоих случаях приходится на конец фразы, т. е. соответствует нормальному фразовому ударению. Если же говорить о семантической расчлененности этих фраз, то она несколько различна. Дело в том, что, хотя действие в обоих фразах названо то же самое, их семантический подтекст различен. В первой из этих фраз он по существу вообще отсутствует (оставляя в стороне такие заключенные уже в самой фразе данные, что изображение ситуации ведется «изнутри», что хозяйка была дома и т. п.). Во второй же фразе как бы заключены еще какие-то сведения, которые не выражены в ней эксплицитно, а именно то, что «пойти открывать дверь» мог и еще кто-то, т. е. дома она была не одна. Это и составляет тот семантический подтекст фразы, который отсутствует в первой.

Помимо интонации существуют другие, формальные средства для выражения предикативно значимого членения фразы. Если не останавливаться на специализации в функции предикативного определения краткой формы прилагательных, следует отметить в этой связи такие факты, как изменение порядка слов, разрушение некоторых форм согласования.

Возьмем такой пример: [Вера Артемьевна.] ...Приезжайте еще раз! Как видите, *дом большой,* березовая роща, речка... (Леонов, Обыкновенный человек).

Контекст не дает оснований для прочтения сочетания *дом большой* с логическим ударением на слове *дом,* что ввело бы его в общий номинативный ряд: *до́м большой, березовая роща, речка.* Более естественно такое прочтение, при котором, несмотря на назывной характер следующих обозначений, само сочетание *дом большой* оказывается предикативно членимым. Совершенно ясно, что при ином словорасположении оно примкнуло бы к номинативному ряду: *Как видите, большой дом, березовая роща, речка...* Напротив, постпозиция словоформ, выступающих в функции обстоятельства места, является нормальной при их собственно обстоятельственной роли при глаголах и атрибутивной роли при существительных (*Дети играли на улице. Проснулся от шума на улице*); их препозиция не только повышает их предикативную значимость, но и создает основу для выявления в предложении многоступенчатых предикативных связей; ср.:

Сумерки на улице; На улице — сумерки; На улице — сумерки, накрапывает дождь;

У нее маленький ребенок; У нее болен муж; У нее маленький ребенок и болен муж и т. п.

В ряде случаев предикативное вычленение компонента словосочетания приводит и к изменению его грамматической формы, т. е. сопровождается изменением его морфологической характеристики. Так, определительно-количественные словосочетания, подвергаясь предикативному расчленению, изменяют формы согласования:

В поселке три школы — Школ в поселке — три и т. п.
Ср.: В городе *врачей тридцать два* (Чехов, Интриги); А этих *патрулей* на моем пути *попадалось* по крайней мере *три,* и ни один не остановил меня (Катаев, Новогодний рассказ).

Закрепление краткой формы прилагательных для выражения этой функции общеизвестно и не требует комментариев.

Можно отметить только, что закрепленность краткой формы для выражения предикативных отношений создает возможности для ее противопоставления полной форме в другом плане, а именно по линии определенности—неопределенности определяемого предмета — в тех случаях, когда оба эти значения не предопределены лексическим значением определяемого или значением сочетающихся с ним слов. Функция полного прилагательного как непредикативного определения при существительном как будто накладывает на него и при его предикативном употреблении отпечаток «определенности», который отсутствует в сочетании с краткой формой (всегда предикативной), когда она относится к такому существительному, «определенность» которого не задана контекстом [14].

Ср.: *Закат прекрасный* (*этот, сегодня* и т. п.) — *Закаты прекрасны;*

Люди удивительные (те, о которых шла или будет идти речь) — *Люди удивительны* (общая сентенция);

Болото опасное (это, то, о котором идет или будет идти речь) — *Болото опасно* (вообще, всякое) и т. д.

Вместо «определенности» предмета в ряде случаев строение фразы связано с указанием на «определенность» самого явления или ситуации, в которой участвует или частью которой является и названный предмет. «Определенность» характеризует явление во временно́м плане, а соответственно и в плане соотнесения обозначенного явления с определенным моментом его восприятия или с другими явлениями и действиями. В этом смысле фразы *Мальчик чита́ет* и *Ма́льчик читает* различаются (если не считать их различной роли в противопоставлениях) тем, что первая меньше связана с временны́ми соотношениями — это может быть как актуальное, так и неопределенное настоящее: «Мальчик читает сейчас» и «мальчик читает вообще или в какие-то промежутки времени и т. п.», вторая же фраза представляет актуализированное настоящее — значение времени глагола здесь относительно, предполагает связь с какой-то ситуацией, которая

---

[14] См.: *О. П. Ермакова.* О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке. «Синтаксис и норма». М., «Наука», 1974, стр. 223—225.— В статье отмечается, что полные прилагательные в роли сказуемого с нулевой связкой «совершенно невозможны в сочетании с существительными, обозначающими по характеру высказывания предмет, явление вообще, вне их конкретных реализаций: Человек вообще, животное вообще (как «не человек и не насекомое») и т. п. Ср.: *Серебро — красиво, ценно* (не *ценное* и т. п.). *Смерть — неизбежна*» и т. д. (стр. 224).

находит разнообразное выражение в общем контексте речи[15].

Было бы не совсем точно определять движение от «данного» к «новому» во фразе как движение от действительно известного или уже названного к менее известному, к той части сообщения, которая содержит «больше информации». Правильнее, по-видимому, сказать, что фраза строится так, что какая-то ее часть может быть представлена как данное, как исходная точка сообщения, а другая—как новое. Понятно, что во многих случаях такое построение фразы отражает реальное соотношение фактов, о которых сообщается. Но в целом семантическая структура фразы не отражает, а выражает это соотношение в соответствии с тем, как оно устанавливается самим говорящим. Характерно, что в исследованиях об актуальном членении примеры различных видов расчленения предложения во многих случаях иллюстрируются фразами, взятыми вообще без всякого контекста. Это подтверждает тот факт, что структурная организация самой фразы и ее лексический состав достаточны для того, чтобы по крайней мере в ряде случаев определить «интонацию фразы» и то, соответствует ли ее «актуальное», т. е. семантическое, членение движению от «данного» к «новому» (тема—рема), или представляет «обратный порядок»—от «нового» к «данному» (рема—тема), или же заключает в себе только «новое» (рема). Сама лексико-грамматическая организация фразы, указывая на ее возможную интонацию (наиболее вероятную, поскольку в письменной передаче она никак более эксплицитно не выражена), указывает и на синтагматические связи, возможные для данной фразы. Таким образом, трудно согласиться с таким представлением об актуальном членении, согласно которому оно как бы «накладывается» на структурно организованное предложение, будучи как бы независимым от его лексико-грамматического состава.

Было бы неверно интерпретировать сказанное как утверждение, что разграничение двух аспектов синтаксического исследования (исследование грамматической организации и интонационного членения предложения) неосуществимо или неоправданно. Последовательное разграничение различных аспектов изучения

[15] Рассматривая соотношение личных и безличных отрицательных предложений, В. А. Ицкович отмечает, что, когда существительное в них называет лицо, они выражают разные значения. Различие между предложениями *Дети не были в цирке* и *Детей не было в цирке* в том, что «первое, личное предложение обозначает, что известные, определенные дети в цирк не ходили... или что дети в цирке вообще никогда не бывали; второе, безличное предложение может обозначать, как и первое, что известные, определенные дети в цирк не ходили... но может выражать и утверждение, что вообще какие бы то ни было дети в цирке отсутствовали.

Но в предложениях с существительным в форме единственного числа, обозначающим лицо, противопоставление определенности / неопределенности предмета снимается, заменяясь противопоставлением определенности / / неопределенности процесса во времени» (*В. А. Ицкович.* Очерки синтаксической нормы. «Синтаксис и норма». М., 1974, стр. 62—63).

предложения во многих случаях не только возможно, но и необходимо. Речь идет только о том, что актуальное членение предложения — это не некая надстройка над его «конструктивной основой», а такой же элемент формулы предложения, как и его грамматическая структура, и его «лексическое наполнение».

Само обозначение «лексическое наполнение» дает как будто основание исходить из первичности отвлеченной синтаксической схемы и вторичности ее лексической реализации. Можно думать, что на самом деле сама синтаксическая схема включает в себя указания не только на грамматические, но и на лексико-семантические признаки образующих ее компонентов. Иными словами, эти компоненты охарактеризованы не только грамматически, но и лексически. Точно так же интонационное членение предложения — это не просто некое «озвучивание» уже данной и потому стоящей вне этого «озвучивания» (и прежде него) конструктивной формулы предложения, но компонент самой формулы, если пытаться представить ее как реальную синтаксическую единицу.

Другое дело, что формула предложения — в зависимости от задач исследования — может быть представлена по-разному, в различном удалении от ее полного вида. Она может быть представлена как предикативное словосочетание: *Мальчик гуляет, Мальчик читает, Мальчик сломал* и т. п.—вне зависимости от способности данного словосочетания как такового, выступать в качестве самостоятельной законченной «коммуникативной единицы». Она может быть представлена с большей степенью приближения к ее реальному виду: *Мальчик гуляет,* но *Мальчик читает—что-либо,* с учетом парадигматических связей соответствующих предложений: *Мальчик читает книгу—Книга прочитана* (*читается*) *мальчиком* и т. д., но независимо от синтагматического значения данного предложения, т. е. возможностей его интонационного варьирования в связи с возможным контекстом (позицией данного предложения). Формуле будет дана полная и адекватная характеристика, однако лишь тогда, когда все эти признаки будут одновременно учтены. Понятно, речь здесь идет не о том, что можно или что надлежит называть «формулой» или «структурной схемой предложения», а о том, что лежит в основе синтаксического механизма языка, его способности производить неограниченное количество конкретных предложений, передающих самое различное содержание — на основе ограниченного, исчислимого репертуара образцов.

Возможность раздельного изучения различных сторон синтаксиса давно доказана многочисленными исследованиями; ни оспаривать, ни обосновывать эту возможность нет никакого смысла. Однако нет смысла игнорировать их внутреннее единство, а, может быть, в некоторых случаях и возможность их «одновременного» исследования.

До сих пор мы говорили о предикативности как о «свойстве предложения», или «способности быть предложением». Этим

свойством, или этой способностью, может обладать как отдельная форма слова, так и сочетание определенных словоформ. Совершенно ясно, что разные формы слов и разные их сочетания неодинаково приспособлены для того, чтобы выступать в качестве интонационно законченного, самостоятельного сообщения. Как отмечается в академической «Грамматике» 1970 г.[16], «сообщения могут быть оформлены не только при помощи специально предназначенных для этого конструкций, но и при помощи отдельных словоформ или соединений словоформ, такой предназначенности не имеющих», функционирование которых «в роли сообщения возможно лишь при определенных ограничительных условиях (конситуация, т. е. обязательное вхождение в контекст, или опора на речевую ситуацию; вхождение в сложное синтаксическое построение)» (стр. 541—542). В отличие от последних конструкции, которые специально предназначены для того, чтобы быть сообщениями, обладают категорией предикативности, образуемой «категориями объективной модальности и синтаксического времени». «Наличие категории предикативности,— отмечается дальше,— т. е. выражаемого специальными грамматическими средствами нерасчленяемого значения объективной модальности и синтаксического времени, наряду с существованием своей собственной структурной схемы... является важнейшим признаком простого предложения как самостоятельной грамматической (синтаксической) категории» (стр. 542).

Можно, по-видимому, несколько по-разному интерпретировать грамматическое (или собственно синтаксическое) содержание категории предикативности. Но бесспорным и важным в приведенном определении представляется отграничение конструкций, которые сами по себе уже обладают категорией предикативности (выраженной в них «специальными грамматическими средствами»), от конструкций, которые только при определенных условиях становятся высказываниями.

Чем меньше свойств «предикативности» у самой конструкции, как таковой, тем значительнее роль интонации в ее оформлении в качестве предикативно значимой единицы. Следовательно, целесообразно различать предикативность как определенную грамматическую оформленность конструкции и предикативность как приобретаемое словоформой или словосочетанием свойство быть интонационно законченным высказыванием. Имеет смысл говорить о предикативности прежде всего как о свойстве самой словоформы или конструкции быть предложением или основой предложения. С этой точки зрения, очевидно, следует рассматривать и роль интонации в формировании предложения.

На предикативность и интонацию сообщения как на «основные грамматические признаки предложения» указывал В. В. Ви-

---

[16] «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970.

ноградов в теоретическом «Введении» к «Синтаксису» в академической «Грамматике» 1954 г., отметив при этом, что «их взаимоотношение и взаимодействие до настоящего времени остаются не вполне определенными» (стр. 76). «Можно сомневаться в том,— писал В. В. Виноградов,— что в каждом предложении, даже в предложении резко эмоционального, грамматически нерасчлененного характера вроде *Ну и ну!, То-то!, Ваня!, Еще бы!, Вот тебе на!, Ай, ай, ай!* и т. п. выражается предикативное сочетание субъекта и предиката, но нельзя сомневаться в том, что этим выражениям или высказываниям присуща интонация сообщения. Таким образом, интонация является грамматическим средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения. Именно в этом признаке — в наличии интонации сообщения заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания» (стр. 77). Вместе с тем «интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, мысли не выражает. Интонация не является средством формирования и воплощения мысли» (стр. 78). И далее: «Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения» (стр. 80).

Из сказанного, по-видимому, можно было бы заключить, что «интонация сообщения» и предикативность взаимно дополняют друг друга. Наряду с «морфологическими» и «конструктивно-синтаксическими» способами выражения предикативности В. В. Виноградов выделил также «интонационно-синтаксический способ» (стр. 82). Таким образом, интонация признается не только основным признаком предложения, но и одним из способов выражения другого его признака — предикативности. Следовательно, именно предикативность — основной признак предложения, а интонационная законченность — необходимое условие предикативности.

«Неопределенность» же взаимоотношения и взаимодействия предикативности и «интонации сообщения» связана как раз с тем, что эти признаки предложения могут вступать в то противоречие друг с другом, о котором уже упоминалось выше. С одной стороны, интонационная законченность может быть присуща отдельным частям предикативно связанного целого, с другой стороны, единством интонации могут объединяться предикативно самостоятельные единицы высказывания. Ср.: Глагол «выдумывать», слово «выдумка» отец Лидии произносил чаще, чем все другие знакомые, и это слово всегда успокаивало, укрепляло Клима. Всегда, но не в случае с Лидией,— случае, возбудившем у него очень сложное чувство к этой девочке (Горький, Жизнь Клима Самгина); Он не возражал и против санатория. Что ж, можно

поехать. Только не в сентябре, когда назначена сессия Академии наук, и не в Ессентуки (Каверин, Исполнение желаний); Знаете, кто ночью ушел с военным? Та большая девочка, что все ссорилась со своей матерью (Панова, Валя); Не очень-то много народу осталось в селе, мало собралось и здесь. Пять-шесть мужиков, а то все больше бабенки (Солоухин, Закон набата); Бориса не раз премировали. Однажды даже костюмом, что по временам тридцатых годов значило многое («Известия», 5 мая 1970 г.); Тася видела, как Брусенков становился злым. Той злостью, которую все в главном штабе давно знали, в которой Брусенков был страшен, но быстр, решителен, смел... (Залыгин, Соленая Падь).

Поскольку интонационная оформленность вообще необходимое условие любого предикативно значимого высказывания, об особой роли интонации имеет смысл говорить лишь тогда, когда именно она создает определенную синтаксическую структуру высказывания. Но так как в письменном тексте интонация не выражена непосредственно, а в то же время осмысленный текст почти всегда обладает интонационной определенностью, основанной на немногих общепринятых знаках, приходится признать, что она зависит от других факторов, таких «внешних», как контекст, и таких «внутренних», как порядок слов и лексика самого высказывания.

Влияние этих факторов на структуру высказывания отмечают многие исследователи, хотя нельзя еще сказать, что их соотношение полностью выяснено.

Как пишет И. П. Распопов, «различные по своему составу и строению синтаксические конструкции для того, чтобы в соответствующих условиях выполнять назначение предложений (т. е. быть полноценными единицами речевой коммуникации), не в одинаковой степени нуждаются в помощи логического ударения» [17]. Сравнивая такие предложения:

1. *Ночью произошел взрыв;*
2. *Ночью взрыв произошел;*
3. *Ночью взрыв разрушил лучшее здание города,* И. П. Распопов отмечает, что «в использовании логического ударения они не равноценны». И далее: «Если в предложениях 1 и 3 логическое ударение может наличествовать, но может также и отсутствовать (последнее здесь как раз наиболее естественно), то предложение 2 вообще невозможно произнести без логического ударения, которое является для него структурно обязательным» [18].

Здесь правильно подчеркнута роль ударения в организации предложения, но необходимо обратить также внимание на обусловленность этой роли не только порядком слов, но и «лексическим наполнением» предложения.

[17] *И. П. Распопов.* Логическое ударение как особое средство структурной организации предложения.— РЯШ, 1966, № 4, стр. 92.
[18] Там же, стр. 93.

В академической «Грамматике» 1954 г. было отмечено следующее: «Языковая форма предложения не определяется всецело его грамматическим составом, отношением подлежащего и сказуемого. Фактически предложение существует как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов. Воспользуемся простейшими примерами для обоснования и развития этой мысли.

Предложение *Поезд пришел* таит в себе возможности разных осмыслений, если изменять порядок слов и варьировать так называемое логическое ударение. Так, *Поезд пришёл* (с ударением на грамматическом сказуемом) — это сообщение о приходе поезда; *По́езд пришел* (с ударением на подлежащем) — это сообщение о том, что пришел поезд, а не то, чего ждали. При перестановке слов выступают новые оттенки: *Пришел по́езд* — какой-то поезд, о котором не было речи, которого не ждали; *Пришёл поезд* — тот самый, который нужен, которого ждали» (т. II, ч. I, стр. 89).

Нетрудно заметить, что предложенные здесь «осмысления» вариантов предложения *Поезд пришел* неравноценны с точки зрения тех ситуаций, с которыми они при этом связываются. Так, первый вариант (Поезд пришёл) осмыслен только как констатация факта («сообщение о приходе поезда»), второй и четвертый варианты (По́езд пришел и Пришёл поезд) отнесены к ситуации ожидания определенного поезда («пришел поезд, а не то, чего ждали» и «тот самый, который нужен, которого ждали»), третий (Пришел по́езд) охарактеризован только негативно («какой-то поезд, о котором не было речи, которого не ждали»). Между тем очевидно, что оценка различий, существующих между приведенными выше примерами, возможна лишь при условии их осмысления в аналогичных или соотносительных друг с другом ситуациях (контекстах).

Предложение *Поезд пришел* характеризуется по крайней мере двумя семантическими особенностями, которые необходимо принять во внимание: во-первых, известной фразеологичностью, во-вторых, тем, что глагол *пришел* предполагает определенную «точку отсчета», вследствие чего предложение *Поезд пришел* не может быть истолковано вне определенной смысловой перспективы. Может прийти как тот поезд, которого ждут, так и тот, о котором не было речи, но сообщение *Поезд пришел* или *Пришел поезд* обычно возможно только по отношению к поезду, приблизившемуся к месту, где он может остановиться, или уже остановившемуся в таком месте. Если это место не является «точкой отсчета» при сообщении об остановке поезда, приведенная фраза нереальна.

Любые осмысления этой фразы окажутся наиболее правдоподобными, если она или будет исходить от кого-то, находящегося в таком месте, или же будет связана с описанием событий, происходящих там. Понятно, что осмысления фразы в этих случаях различны.

На соотношении, существующем между порядком слов в предложении и фразовым ударением, останавливался в своем исследовании, специально посвященном порядку слов в русском языке, П. Адамец. Он отметил: «Взаимоотношение между порядком слов и местом фразового ударения можно до известной степени характеризовать как отношение функциональной заменяемости. В одних случаях главную функцию берет на себя порядок слов, а место фразового ударения только способствует, вернее, не мешает ему; в других же случаях, наоборот, главную функцию перенимает фразовое ударение, причем порядок слов становится до известной степени иррелевантным». Дальше он пишет, что «различие в актуальном членении предложений *Константин включил мотор... План разработал коллектив завода... Постель Захарыча комендантша унесла...* сигнализируется разным порядком компонентов предложений (S—V—C // C—V—S // C—S—V); необходимым условием для того, чтобы сигнализировались именно данные разновидности актуального членения, конечно, является место фразового ударения (хотя бы и слабого) в конце предложения. Это значит, что, хотя главным выразителем актуального членения в данных случаях является порядок слов, он может сигнализировать такое актуальное членение только на фоне нейтральной динамической структуры с фразовым ударением в конце предложения. Напротив, различие в актуальном членении предложений *Я этот разговор забыл... Я любовницу заведу... Тоска меня взяла...* сигнализируется различием места фразового ударения, а порядок слов отступает на задний план»[19].

Эти наблюдения, несомненно, правильно отражают взаимодействие между порядком слов и фразовым ударением, но они оставляют в стороне вопрос о том, чем обусловлено (или что именно дает возможность определить) место фразового ударения во всех приведенных фразах. Почему в первых примерах фразовое ударение приходится на конец фраз (и тем самым «различие в актуальном членении предложений» определяется разным порядком их компонентов), а в последних примерах автор (очевидно, совершенно правильно) усматривает различие в месте фразового ударения?

П. Адамец сделал также ряд интересных наблюдений над зависимостью актуального членения предложения от его «лексического наполнения»[20]. В частности, он отметил, что «компоненты с высокой степенью индивидуализированности гораздо менее часто объединяются с глаголами в комплексное ядро, чем существительные с низкой степенью индивидуализированности»[21]. Как мы видели, определенность («индивидуализированность») имени вообще способствует его предикативному опре-

[19] *П. Адамец.* Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966, стр. 8—9.
[20] Там же, стр. 33 и сл.
[21] Там же, стр. 36.

делению (ср.: *Брат в плаще* и *Мужчина в плаще, Этот дом у реки* и *Дом у реки* и т. п.). В обзоре работ по синтаксису русского языка за 1966—1969 гг. О. Б. Сиротинина, оценивая соответствующие наблюдения П. Адамца, считает, что автор излишне категоричен в своих выводах. Она пишет: «Тенденция к выполнению роли основы или самостоятельного ядра у наиболее индивидуализированных компонентов (ср. *Они звали гостей* и *Они звали Владимира* — стр. 38) действительно существует, но иногда в анализе примеров П. Адамец излишне категоричен. Так, он утверждает, что в примерах *Главный инженер понравился Зеленину и Игорь обожал эту девочку* (стр. 37) функция основы индивидуализированных существительных обнаруживается на необычном месте и ядром являются лишь глаголы. В контексте данные предложения членятся именно так, но простейший эксперимент с информантами показывает, что вне контекста такого членения нет (информанты читают с обычным ударением в конце фразы). Следовательно, роль лексического наполнения в данном случае несколько преувеличена» [22].

Таким образом, О. Б. Сиротинина склонна объяснить «необычное» фразовое ударение в приведенных примерах влиянием не только лексики, но и контекста. Однако наши «эксперименты с информантами» дали обратный результат. Часть информантов действительно читала аналогичные фразы с ударением на последнем слове. Это можно объяснить инерцией более обычного интонационного членения фраз такого строения. Для того чтобы преодолеть такую инерцию, фразы с различным интонационно-семантическим членением давались информантам вперемежку. Результаты были при этом противоположны тем, которые получила О. Б. Сиротинина.

В глагольной фразе наблюдается сложное взаимодействие целого ряда факторов, связанных с семантикой глагола и сочетающихся с ним имен; этим взаимодействием обусловливаются возможности интонационно-семантического членения фразы, в частности место фразового ударения. Например, фразу *Он любил стихи,* когда она дается вне контекста, многие будут склонны прочесть по-иному, чем фразу *Он любил брата:* первую произнести с ударением на последнем слове (*Он любил стихи́*), вторую—на глаголе [*Он люби́л брата*], т. е. в первой акцентируется то, что́ именно он любил, во второй — его отношение к брату. Ср.: *Он испугался последствий — Он испугался угрозы;*

Спектакль понравился немногим—Спектакль понравился зрителям и т. п.

Самый характер глагола в ряде случаев предопределяет возможность интонационно-семантического членения фразы. Возьмем две следующие изолированные фразы:

---

[22] «Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966—1969 гг. Синтаксис (материалы для обсуждения)». Под ред. Ф. П. Филина. М., 1973, стр. 61—62.

Она вспомнила о концерте—Она забыла о концерте.

Взятые вне контекста, эти фразы не дают оснований для обнаружения в них различий в отношении выражения «данного» и «нового». И вспомнить, и забыть можно как о чем-то известном, так и о неизвестном субъекту. Однако, несмотря на одинаковое строение (и лексический «параллелизм»), интонационно-семантическое членение фраз оказывается различным, что подтверждает их прочтение большей частью информантов: в то время как первая получает фразовое ударение на последнем слове, во второй оно передвигается на глагол. Поскольку различие здесь опять-таки в семантике конкретных глагольных слов, очевидно, что именно этим различием и обусловлены особенности интонационного членения каждой из фраз.

Оставаясь в рамках понятий «данное» и «новое» (как они обычно трактуются — движение от «данного» к «новому»), мы не можем объяснить указанное различие. Ясно, что речь может идти лишь о том, что в определенных сочетаниях глаголы по-разному реагируют на выражение «данного» и «нового».

Можно сравнить также такие фразы:

Дочка занимала гостей—Дочка сторонилась гостей;

Журналист думал об этой встрече—Журналист избегал этой встречи;

Председателем выбрали Григория—Они прогнали Григория;

Майор направился к поезду — Майор опоздал к поезду;

Она позвала мужа—Она ненавидела мужа.

Таким образом, семантика глагола при определенном строении фразы сама по себе сигнализирует о том, как будет представлена ситуация: некоторые глаголы оказываются в более «сильной» интонационной позиции, т. е. в ином семантическом соотношении с существительными, выступающими в роли дополнения, чем другие. Это согласуется с тем, что наличие отрицания при глагольных формах (также различных частиц, модальных слов и т. д.) обычно способствует интонационному выделению глагола. Ср.:

Дежурная открыла дверь—Дежурная не открыла дверь;

Они позвали доктора—Они решили не звать доктора;

Он взял книгу— Он то брал, то откладывал книгу.

Такого рода факты, как и другие аналогичные, свидетельствуют о том, что выделение в синтаксисе двух уровней (уровень конструктивного синтаксиса и уровень коммуникативного синтаксиса или актуального членения) не безоговорочно решает проблему адекватного описания синтаксической организации высказываний. Если интонационно-семантическое членение высказывания зависит от его состава (в известной степени задано им), вряд ли полностью соответствуют действительности утверждения, что «коммуникативная направленность» обнаруживается как бы независимо от самой структуры предложения.

СИНТАКСИЧЕСКИ СВЯЗАННЫЕ КОНСТРУКЦИИ. ФРАЗЕОСХЕМЫ

*

Взамодействие интонации и лексико-грамматических средств в структуре предложения приводит к созданию синтаксических формул, определяющих фразеологически связанное значение ряда конструкций. В этом плане характерно, например, закрепление в русском языке устойчивой модели использования вопросительных по форме конструкций для выражения экспрессивного отрицания. От так называемого риторического вопроса эти конструкции отличаются как отсутствием собственно вопросительной интонации, так и своей отчетливо выраженной функцией отрицания. Конструктивным средством становится использование вопросительно-относительных слов (местоимений и наречий).

Предложения, оформленные при помощи этих слов, при соответствующей интонации выступают как своеобразные «эмоциональные эквиваленты» отрицательных предложений[1]. Так, формы местоимений *кто* и *что* не выражают реально никакого вопроса в таких, например, предложениях: — Ну, словом, — продолжал Аркадий: — он глубоко несчастлив, поверь мне; презирать его — грешно. — Да *кто его презирает?* — возразил Базаров, (Тургенев, Отцы и дети); [Борис.] Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: *кому его нужно.* Дома-то рады-радехоньки, что ушел (Островский, Гроза); *Что ему делается!* живет да поживает (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы) и т. п.

Подобные предложения не заключают в себе вопроса. Они не предполагают, в отличие от предложений, содержащих риторический вопрос, никакого ответа. Они сами часто являются ответом на высказывание собеседника, причем ответом отрицательным, подчеркнуто резким возражением. Следует обратить внимание на знаки препинания в конце этих предложений. В трех приведенных выше примерах они различны. Первое завершается вопросительным знаком, второе — точкой, третье — восклицательным знаком. Нетрудно заметить, что это не меняет их общего значения. Во всех трех случаях вопросительные местоимения служат для выражения экспрессивного отрицания, совпадая по функции с отрицательными местоимениями. Ср.: — А вы пош-

[1] Ср.: *А. Б. Шапиро.* Основы русской пунктуации. М., 1955, стр. 133 и сл.

лите за Шреком, — сказала Ольга Ивановна. — Был уже. Он-то и заметил, что дифтерит перешел в нос. Э, да *что* Шрек! В сущности, *ничего* Шрек. Он Шрек, я Коростелев — и больше ничего (Чехов, Попрыгунья).

В последнем примере местоимение *что* утрачивает свой «местоименный» характер, становясь выразителем модального (в широком понимании) значения. Ср.: — Как много домов! — *Это что!* — сказал медик. — В Лондоне в десять раз больше (Чехов, Припадок); — Болят руки? — *Что мне* руки? Тут сердце покою не дает (Островский, Рожденные бурей); Аграфена Ивановна равнодушно: — *Мне-то что* (Малышкин, Люди из захолустья); ...Да *что там* гильза? Блока нет! Вот до чего дожили! (Николаева, Битва в пути) и т. д. Аналогичное смещение местоименно-предметной соотнесенности можно наблюдать у формы *чего:* — Нет, я только к слову, сыт я! — *Чего* сыты! Колбасы кусок съели, а с ее, с проклятой, еще пуще живот пучит (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); — Он-то знает аль не знает? — *Чего* знает! Совсем не знает! Кабы узнал, так убил бы (Достоевский, Братья Карамазовы); — Да разве они люди? *Чего* на них обижаться (А. Толстой, Ночные видения).

Те же значения приобретают в соответствующих предложениях местоимение *какой,* вопросительные слова *где, куда:* Что ты, что ты, *какой* волк, померещилось; вишь! *Какому* тут волку быть! — бормотал он, ободряя меня (Достоевский, Мужик Марей); — *Какой* у нас нониче месяц идет? — спросит, бывало, Иван Ермолаевич. — Актяб? — *Какой* октябрь — июль... (Успенский, Крестьянин и крестьянский труд); — Может, у тебя дела *какие?* — сказал Колышкин. — *Какие* теперь дела! — со вздохом молвил Потап Максимыч. — На ум ничего нейдет... (Мельников-Печерский, В лесах); [Нелькин.] Задержало одно дело. [Муромский.], Полно, батюшка, в восемь часов вечера *какие* дела!.. (Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского); *Каких* нам удовольствий надо! Скучно — так в окошко погляжу (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); Не подходите, не подходите; я вам не дам руки: вы с холода! — Что вы, *какой* холод! (Гончаров, Обломов); Да *какой* теперь разговор,— все больше и больше пугалась Лизавета Прокофьевна, — ты весь в лихорадке (Достоевский, Идиот).

Утрачивая свое основное, *пространственное* («местное» и «местно-направительное») значение, наречия *где* и *куда* становятся выразителями модально-оценочных значений. При этом различие между самими этими наречиями в большой мере ослабляется. Ср.: Да и *куда тебе* жениться, за тобой за самим еще няньку нужно! (Достоевский, Идиот) и: *Где ему* жениться, ему самому еще няньку надо... (Там же).

Ср.: *Где мне! Куда мне!* Ср. также: [Соня.]... С фабрики приезжайте обедать. [Астров.]. Нет, уж поздно будет. *Где уж... Куда уж...* (Чехов, Дядя Ваня).

Замена одного из этих наречий другим не влияет на общий характер предложения, хотя каждое из них придает высказыванию несколько особую смысловую окраску. С обоими из них связывается значение невозможности или неуместности, неоправданности действия: — Нет, *куда же тут* жить! — заявляет тощая дама, брезгливо оглядывая мрачные стены и закрома. — Это сарай, а не дача (Чехов, Кулачье гнездо); — Может, с дороги чаю покушаете? — спросила дьячиха.— *Куда тут* чай распивать! — нахмурился почтальон (Чехов, Ведьма); — Что ты, свет, что ты, сударь Григорий Иваныч? — посмеиваясь и поеживаясь, говорила бабушка. — *Куда уж мне* плясать! Людей смешить только... (Горький, Детство); — Как, не зажинали еще по волостям? Не слышно? — *Куда ж еще* зажинать! — смеется беззлобно ямщик. — Ведь рожь — она как? Она две недели выметывается, да две цветет, да две наливает... а тут она еще и не побелела! (Леонов, Барсуки); *Куда нам на даля глядеть!* Хоть бы под ногами видеть, чтоб нос не разбить (Бажов, Далевое глядельце).

Ср. соответствующие конструкции с наречием *где:* [Бабакина (*вздыхая*)]. *Где уж нам в молодые лезть...* (Чехов, Иванов). Еще бы! *Где мне щи лаптем хлебать...* (Горький, Бывшие люди); Ничего, наверное, не выйдет! *Где ж этому драндулету да по такой шоссе проехать!* (С. Антонов, Весна); *Где уж* ему читать,— заговорил Ликоспастов, — у него времени нету современную литературу читать... (Булгаков, Театральный роман); — А ты понимаешь, об чем березы говорят? — Дак они по-своему, по-березьи небось говорят! Надо язык ихний знать. А то *где понять!* (Казаков, Никишкины тайны).

В академической «Грамматике русского языка» аналогичные случаи помещены среди других примеров на «вопросительные» инфинитивные предложения[2], после общего указания на то, что в данных предложениях «вопрос может выражаться специальными словами и интонацией или же только интонацией»[3]. Нетрудно заметить, что «вопросительный» характер этих предложений является весьма условным. Вопросительная интонация для них не обязательна, и не она является определяющей. Они сами часто служат ответом на вопрос собеседника, причем основным их назначением бывает отрицание возможности (в том или ином плане) названного действия. Наиболее существенным для понимания данного типа предложений является, однако, следующее. В отличие от «свободных» синтаксических конструкций, в которых реализуется независимое и прямое значение входящих в них слов и грамматических форм, рассматриваемые конструкции строятся по определенной фразеологической схеме. Значения опорных слов данной фразеосхемы оказываются сдви-

[2] «Грамматика русского языка», т. II. Синтаксис, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 47.

[3] Там же, стр. 46.

путыми. Наречия *где* и *куда,* теряя свою «пространственную» дифференциацию, становятся взаимозаменимыми, и их замена не влияет уже на общий смысл высказывания (ср. значение вопросительных предложений *Где ему проехать?* и *Куда ему проехать?*) и значение экспрессивно-оценочных *Где ему проехать!* и *Куда ему проехать!*). Место наречий в предложении (впереди инфинитива) становится обязательным. Благодаря утрате ими «пространственно-местного» значения, их сочетаемость с инфинитивами не определяется уже лексическим содержанием последних. Поэтому собственно вопросительные параллели к данным «фразеосхемным» конструкциям далеко не всегда возможны (ср. выше *Куда же тут жить!, Куда тут чаи распивать!* и мн. др.).

В ряде случаев употребление вопросительных слов для выражения отрицания перестает быть соотносительным с их употреблением при вопросе. Вопросительная интонация становится тогда почти невозможной. Так, строение фразы *Какие дела* не предполагает само по себе отрицания. В зависимости от интонации и контекста она может приобретать различный смысл, в том числе быть вопросом или же отрицанием. Но фраза *Какое — дела!* может быть воспринята уже только как отрицание[4]. Слово *какое*, утратив «формы согласования», становится выразителем категорического, усиленного отрицания. Оно может быть отрицанием при любой части речи. Ср.: — *Какое трех!* Больше, больше,— вскинулся Митя,— больше шести, больше десяти может быть (Достоевский, Братья Карамазовы); — Я боюсь, не опасно ли.— *Какое опасно!* дело верное, хорошее (Писемский, Богатый жених); — И ты смолоду все был кучером? — *Какое все кучером!* В кучера-то я попал при Сергее Сергеиче, а прежде поваром был... (Тургенев, Льгов); Я отвечал Овсянникову, что, вероятно, господин Любозвонов болен.— *Какое болен!* Поперек себя толще... (Тургенев, Однодворец Овсянников); — А что, он лечит, точно? — *Какое лечит!*... Ну, где ему! (Тургенев, Касьян с Красивой Мечи); — Разве дождь прошел? — *Каков прошел!* (Солоухин, Наша дама).

Как видно из примеров, утрачивая свое прямое значение и обусловленные этим значением ограничения в сочетании с другими словами, вопросительные слова *какое, какой, где, куда* выступают выразителями экспрессивного отрицания, причем замена одного из них другим почти совершенно не влияет на смысл и общую эмоциональную окраску высказывания. В связи с подобным употреблением этих слов формируется, так сказать, их самостоятельное «отрицательное» значение, например: — Может, чайку откушаете? Самоварчик?— *Какое!* Теперь не до того (Федин,

---

[4] Несмотря на возможность вопросительного знака в конце предложения, например: *Какое тут три года*? И месяца мне ждать нельзя! (Чехов, Староста).

Первые радости); — Подросли, помогают? — спросил он.— *Какое!* — вздохнул старик. Все учатся! Двое в школе, одна на заводе (Николаева, Битва в пути); — У вас там и без меня много дела.— *Какой!..* Так, по инерции... Ей-богу! (Боборыкин, Китай-город); [Аня.] Ну что, как? Заплатили проценты? [Варя.]. *Где там* [Чехов, Вишневый сад); — Лихой вояка был,—усмехнулся Михаил.— *Куда там!* По грабежу первый был (Шолохов, Тихий Дон); Хотели было перебросить Горшкова в другой отстающий колхоз, чтоб и там наладил дело,— *куда там!* Колхозники ни в какую: «Не отдадим Степана Егорыча!» (Овечкин, Районные будни).

В отличие от лексических фразеологизмов (устойчивых фразеологических словосочетаний) «фразеологические» конструкции, подобные указанным выше, не связаны строгой закрепленностью своего лексического состава. В пределах той или иной фразеологической модели (фразеосхемы) они допускают различное «лексическое наполнение», причем «фразеологичность» значения является общей для всех конкретных конструкций, образуемых по данной модели.

В отличие от предложений, обусловливаемых наличием тех или иных фразеологических сочетаний слов, будь то «фразеологизмы на расстоянии» типа *не успел ... как* или своеобразные фразеологические сцепления вроде *ох, уж эти мне...* (с любым дальнейшим лексическим наполнением—в пределах, естественно, имен),— построения, о которых идет речь, не определяются наличием лексических фразеологизмов. Но они характеризуются определенными семантическим «скрепами», т. е. или в какой-то мере устойчивым «обрамляющим контекстом», или словами определенных семантических групп, входящими в состав данных построений. Характер и природа этих «скреп», как и самих конструкций, могут быть весьма различны.

Богатые возможности для различного рода синтаксических (и модальных) сдвигов заложены в формах сослагательного (условного) и особенно повелительного наклонения. Остановимся на тех случаях, где конструкции с этими формами по своему формальному строению не отличаются от «свободных» конструкций с этими же формами, т. е. где соотносительные ряды «свободных» конструкций выступают как «омонимы» определенных, ограниченных теми или иными условиями фразеосхем.

Так, например, предложения типа *Сначала делай (сделай) то-то, потом делай (сделай) то-то* могут выражать простую последовательность требуемых действий. Видовые различия форм определяются тогда общим характером реального пробуждения и характером самих требуемых действий. Замена формы императива несовершенного вида формой совершенного вида (если это возможно) — и наоборот — не разрушает основного значения высказывания. Однако те же предложения могут выступать

для выражения уже особого, «несвободного» значения. Видовая прикрепленность формы глагола становится тогда обязательной. Предложения типа «*сначала* + императив соверш. вида», «*потом* + императив несоверш. вида» (или «императив + *сначала* ...—... *потом*»), приобретая характер устойчивой синтаксической модели, служат для выражения следующего значения: «ты не можешь (или: не смеешь) делать что-либо, пока не сделал того-то», «ты должен сначала... тогда можешь...» и т. п. Ср.: [Паратов.]. Так *выучитесь прежде* понимать, да *потом и разговаривайте!* (Островский, Бесприданница); Нет, ты *сперва* двадцать раз *подавись,* да *тогда и приходи* с разговорами (Успенский, Нравы Растеряевой улицы); — А не знаешь разве, что за девок-то вашему брату ноги колом ломают? — А ты *прежде излови* да *потом и ломай.* Эк чем стращать вздумал,— нахально ответил Захар (Мельников-Печерский, В лесах); — Нескладно брешешь ты, дядя.— Сбреши лучше! *Допрежь* чем брехней попрекать, ты *узнай,* а *тогда уж гутарь* (Шолохов, Тихий Дон); Жидковат ты супротив меня. *Подрасти сначала, а потом задавайся* (Седых, Даурия); Вы, сударь, *научитесь сперва* вежливости, а *потом уже разговаривайте* с людьми (Там же) и т. п.

Одно из противопоставляемых наречий может быть легко опущено, ср.: *Наживи* свой дом, *тогда и гони* (о 3-м лице; Чехов, В овраге); Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь... Ты *поседей сначала, да и говори,* что надо учить (Горький, Макар Чудра), но в общем фразеосхема строится на наличии слов, определяющих последовательность действий (*сначала, прежде, сперва — потом, тогда* и под., часто с частицами *да и, уж, уже, и*). Таким образом, рамки фразеосхемы имеют довольно определенные лексические «скрепы».

Фразеосхема может иметь и более свободное — «контекстное» обрамление. Так, формы повелительного наклонения несовершенного вида с отрицанием *не* могут служить для обозначения того действия, на которое указывается как на причину нежелательных для его субъекта последствий. *Не бездельничай!*— в ответ на *За что?* звучит как разъяснение п р и ч и н ы, почему собеседнику (или 3-му лицу) было (или будет) сделано что-то, и одновременно указывает, с к а к о й ц е л ь ю это было (или будет) сделано. *Не бездельничай!* в соответствующих условиях значит одновременно и «чтобы не бездельничал», и «за то, что бездельничал». Форма повелительного наклонения, таким образом, служит разъяснением того, чем вызваны то или иное действие, пожелание, намерение, и на достижение какого результата они направлены. Ср.: [Елеся.] Да и надо этих процентщиков грабить, братец ты мой, потому, *не пей* чужую кровь (Островский, Не было ни гроша...); [Генерал.] Черт! Я бы этот завод закрыл навсегда. *Не свисти* рано утром!.. [Ягодин.] Попозднее и нам бы лучше. [Генерал.]. А вас всех уморить голодом! *Не*

Бунтуй! (Горький, Враги); И — бац его, учителя, праведника. *Не мешай!* (Горький, Мои университеты); Кабы я был губернатором, я бы твоего сына повесил! *Не сбивай* народ с толку! (Горький, Мать).

Часто форме повелительного наклонения с подобным значением предшествует прямо выраженный вопрос *За что?*, т. е. вопрос, прямо предполагающий указание на причину: — А *за что* же их казнят? — Понятно, не за хорошее. За всякие разноверия, за начальство, за разбой. *Не буянь, не воруй...* (Бунин, Последний день); — Исаю Горбову я башку оторву, — увидишь! — *За что?* — спросил хохол. — *Не шпионь, не доноси.* Через него отец погиб... (Горький, Мать); — *За что* так, сударыня? — А *за то, что не каркай.* Кра! кра! «не иначе, что так будет»... пошел с моих глаз долой... ворона! (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); — А ты не боишься, что Петр набьет тебе еще горб? — *За что?* — тихо спросил Никита и услыхал: — *Не пяль* глаз на его жену (Горький, Дело Артамоновых).

Что в подобных случаях формой повелительного наклонения не выражается реального побуждения (запрета), видно из того, что она может относиться и к собеседнику (*за что меня?*), и к 3-му лицу (*за что его?*), а также не только к будущему, но и к прошедшему времени, причем интонация остается той же. Таким образом, форма повелительного наклонения утрачивает свойственное ей (при побуждении) значение 2-го лица, отнесенность к будущему (или настоящему в широком плане) времени, и вместе с тем служит для выражения не вытекающих непосредственно из ее значения оттенков. Поэтому проявляющееся в диалогической речи сочетание «вопрос: За что? — ответ: *Не*+ императив несоверш. вида» приобретает характер фразеосхемы, т. е. такой модели, в пределах которой грамматическая форма приобретает особое («контекстное», но вполне «регулярное») значение.

Остановимся на нескольких примерах другого рода.

Если мы возьмем ряд предложений с инфинитивами и словами *есть что, есть о чем* и т. д., ср.: *Есть чему поучиться* у *него писателям и в этом смысле* («Лит. газ». 29.IX.1955), то, меняя порядок слов, а также вид инфинитива, мы можем изменять «смысловые оттенки» высказывания, не изменяя в то же время его основного содержания. Предложения вроде *Есть чему поучиться у него писателям, Писателям есть чему у него поучиться, У него есть чему поучиться писателям, У него есть чему учиться писателям, Писателям есть чему учиться у него* и т. п. выражают с различными оттенками то же самое содержание. Они соотносительны в том смысле, что и порядок слов и вид глагола вносят в высказывание именно те смысловые сдвиги, которые связаны с общим значением видовых различий и общим значением порядка слов. Однако, если продолжить этот же ряд, мы неожиданно натолкнемся на предложение, которое сразу на-

стораживает. Такое предложение, как *Есть чему учиться у него писателям,* кажется выпадающим из этого общего ряда. Здесь порядок слов и инфинитив несовершенного вида как будто подсказывают иную интонацию фразы, а в связи с этим и иное осмысление ее содержания. Фраза легко представляется ироническим отрицанием того, что внешне утверждается в ней, т. е. *Есть чему учиться у него писателям!* становится тогда экспрессивным эквивалентом логического «Нечему учиться у него писателям». И уже именно специальная интонация нужна для того, чтобы «вдвинуть» это предложение в приведенный выше ряд предложений, тождественных с ним по лексическому составу. Естественно, что применение специальной интонации может превратить и все эти предложения в отрицательно-иронические, как и последнее — в утвердительное, но характерно, что как в том, так и в другом случае необходимо именно определенное «усиление» интонации. В то же время лишенные контекста (а следовательно, указаний на особую интонацию) первые предложения связываются для нас с утвердительным значением, а последнее естественнее выражает отрицание. И действительно, применение формы совершенного вида в аналогичных конструкциях — при любом словорасположении, ср.: О нем *есть что рассказать.* Удивишься ты, если узнаешь, как мы живем (Новиков-Прибой, Капитан 1-го ранга); Приезжайте к нам, а всего лучше приезжайте ко мне в деревню, в старый мой дедовский замок. *Есть что посмотреть* (Соллогуб, Тарантас) и т. п.— так же как и формы несовершенного вида при о п р е д е л е н н о м порядке слов, связываются о б ы ч н о с утвердительной интонацией, ср.: Надо только упорно идти к своей цели, и я добьюсь своего,— думал Левин,— *а работать и трудиться есть из-за чего* (Л. Толстой, Анна Каренина).

Вынесение же слов *есть из-за чего, о чем* и т. п. в начало конструкции при следующем инфинитиве н е с о в е р ш е н н о г о вида является как бы опорой уже именно для экспрессивно-иронического отрицания, для иронической по существу интонации, ср.:—...Я часто о ней думаю.— *Есть о ком думать!* (Л. Толстой, Анна Каренина); [Юлинька.] *Есть об чем жалеть!* и без них тоска смертная! (Островский, Доходное место); *Есть за что любить!* Окромя ехидства, ты от нее ничего не видел (Чехов, Дипломат) и т. п.

Те же отношения наблюдаются в конструкциях со словами, выражающими необходимость или желательность и т. д. действия, такими, как *очень нужно, нужно было, стоит, охота.* Поставленные в начале предложения, эти слова с инфинитивами н е с о в е р ш е н н о г о вида служат чаще всего для выражения отрицания необходимости или желательности обозначаемого действия. Таким образом, определенная модель конструкции (фразеосхема) становится связанной по преимуществу с особой интонацией. «Логические», рациональные соотношения грамма-

тических значений при этом нарушаются. В предложениях *Написать об этом стоит!* и *Стоит писать об этом!* при обычной, так сказать, наиболее естественной для них интонации видовые формы инфинитивов оказываются не просто средством выражения нормального для других случаев видового сопоставления, но и одним из средств создания модального значения конструкций. Также необычная вне аналогичных конструкций функция связывается и с порядком слов. С другой стороны, данная «схема» конструкции становится настолько прикрепленной именно к данной «модальности», что до некоторой степени ограничивает возможность «нормальных» соответствий. Ср. также употребление личных форм вспомогательного глагола *стать* (в будущем времени и в сослагательном наклонении). При определенном словорасположении, а именно помещенные в начале предложения с непосредственно за ними следующим личным местоимением (или именем существительным), они служат обычно для выражения не утверждения, а также экспрессивного отрицания. И, таким образом, между «нормальными», синонимичными *Я стану заниматься с ним, Я заниматься с ним стану, С ним заниматься стану я, Заниматься с ним я стану,* и т. д. и экспрессивным *Стану я заниматься с ним!* образуется смысловой разрыв. Ср.: *Стану я разговаривать с тобой! Станет он советоваться с тобой! Станешь ты возиться с этим!* и т. п.

Как мы видим, указанные конструкции не включают каких-либо фразеологических элементов. Их формальное построение ничем не отличается от свободных синтаксических образований. В этом отчасти и причина того, что они обычно не обращают на себя внимания. Влияние контекста и интонации на смысл высказывания чрезвычайно многообразно, и рассмотрение разных вариантов вытекающих отсюда переосмыслений, конечно, не всегда является задачей синтаксиса. Однако в данном случае специальное значение предложений, подкрепляемое в конечном счете также интонацией и контекстом (в широком понимании), опирается на особую, совершенно определенную «модель» конструкции, т. е. проявляется в определенной фразовой схеме. Таким образом, возникает необходимость говорить не просто о результатах «игры» интонации и контекстных переосмыслениях, но о повторяющихся, регулируемых определенными закономерностями фразеосхемах.

При определении сочетаемости той или иной грамматической формы мы сталкиваемся со случаями, когда именно различия в сочетаемости тех же форм сигнализируют о синтаксической «связанности» известной конструкции. Например, в русском языке возможно сочетание личных форм глагола с инфинитивом. Однако способностью сочетаться с инфинитивом обладают, как известно, не все глаголы, а только глаголы определенных семантических групп. Существующие в языке сочетания личной формы глагола с инфинитивом того же глагола не всегда связаны

с этими правилами сочетаемости, например: *читать — он читает*, *сделать — я сделаю* и т. п. Но возможность подобного сочетания личной формы глагола обусловливает «связанность», т. е. определенную устойчивую схему самой конструкции; это — препозиция инфинитива и (обычно) наличие предшествующего или последующего противопоставления: *Грешить — грешу,* да каюсь в окаянстве... (Островский, Комик XVII столетия); Я от земли освободился,— что она? *Кормить не кормит,* а руки вяжет (Горький, Мать); Я, маменька, мотать не стану: а *пожить — поживу,* с шиком поживу (Островский, Свои собаки грызутся) и т. п.

Синтаксическая обусловленность, «связанность» подобных конструкций делает невозможным их грамматически формулируемое соотнесение с близкими по смыслу и по строению «свободными» конструкциями. В результате они выключаются из общих парадигматических рядов, не поддаваясь и предварительной синтаксической редукции, например: *грешить грешу — грешу, кормить не кормит — не кормит* и т. п., так как помимо всего прочего не поддаются сколько-нибудь грамматически определенному выражению те изменения, которые при этом возникают. Эти изменения не являются ни лексическими, ни категориальными, поскольку присутствие инфинитива перед личной формой того же глагола не изменяет грамматической характеристики этой формы, но оно изменяет общую «модальность» (в широком смысле) всего высказывания и предопределяет известным образом его структуру. В то время как модальность «свободных» синтаксических построений выражается или морфологически, или («модальность» в широком смысле) лексически — союзами, частицами, «модальными словами», «связанные» конструкции характеризуются специальной, так сказать синтаксически обусловленной, «модальностью», которая не может найти адекватного определения, не будучи связанной ни со значением определенных слов, ни со значением определенных форм, как таковых (понятно, что в указанных выше предложениях значение инфинитива само по себе не определяет специального «значения» этих предложений). Вместе с тем она не может быть признана несущественной для синтаксиса, так как находит формальное синтаксическое выражение.

Устанавливая парадигматические связи грамматических форм, выступающих в конструкции, мы тем самым определяем границы парадигматических тождеств внутри данной формулы предложения. Так, отмечая, например, что в данной конструкции выступает личная форма глагола, мы определяем тем самым тождественность для этой конструкции всех форм лица, всех форм времени; если нет специальных видовых ограничений, то здесь могут быть формы обоих видов и т. д. Совокупность соответствующих форм глагола представляет собой парадигматический ряд данной глагольной конструкции. Определение такого

ряда необходимо для адекватной грамматической характеристики этой конструкции; оно является обязательной предпосылкой формализации соответствующих наблюдений, а также необходимо и для выявления синтаксически свободного характера функционирования грамматической формы. Например, формула предложения, включающего именительный падеж имени и личную форму глагола, предполагает возможность (грамматическую) употребления в составе данного предложения любой формы времени глагола. Другими словами, замена форм времени не влияет на синтаксическую структуру предложения. Однако это положение нуждается в существенном уточнении. Необходимо различать собственно грамматическое, «свободное» и синтаксически обусловленное «значения» глагольных форм. «Свободное» значение грамматической формы обусловливается соотношением этой формы с другими в определенном плане противопоставленными ей формами. Например, значение форм настоящего, прошедшего и будущего времени русского глагола устанавливается, конечно, не на основании соотнесенности этих форм с определенными отрезками реального времени, а в зависимости от характера грамматических противопоставлений между самими формами; эти противопоставления и конструируют их грамматическое значение. Но помимо такого употребления данных форм, при котором реализуется их основное грамматическое значение, в языке возможно так называемое переносное употребление этих форм. Тогда временна́я приуроченность этих форм не основывается на их грамматической противопоставленности. Нужно отметить, что это далеко не всегда только стилистическое перемещение временно́го плана обозначаемого действия. В определенных случаях приходится говорить о синтаксически обусловленном значении форм, т. е. значении, связанном с определенной синтаксической конструкцией.

В. В. Виноградов ввел в научный обиход разграничение «свободных» и «фразеологически связанных» значений слова. Он иллюстрировал различие, в частности, таким примером: «Слово *брать* в значении: овладевать, подвергать своему влиянию, и в применении к чувствам, настроениям — не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота бе́рет* и некоторые др. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т. п.» [5]. Это разграничение было поставлено под сомнение рядом исследователей, прежде всего Н. А. Амосовой, которая отметила, что поскольку каждое значение многозначного слова зависит от его сочетаемости с определенным кругом слов (так как то или иное значение проявляется в зави-

[5] *В. В. Виноградов.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, стр. 26.

симости от того, в каких словосочетаниях выступает данное слово), то нет оснований говорить о «свободных» значениях слова в таких случаях, противопоставляя их «фразеологически связанным».

С первого взгляда это возражение может показаться справедливым, однако оно игнорирует то обстоятельство, что указанное разграничение вовсе не предполагает сочетания слова в «свободном» значении с какими угодно другими словами. Это разграничение имеет смысл, если учитывать различие между лексико-семантической и лексической сочетаемостью слова. Допустим, слово X имеет три выделяемых в словаре лексических значения: *a*, *b*, *c*. Первое из этих значений реализуется в сочетании со словами A_1, A_2, A_3, A_4 и т. д., второе — со словами B_1, B_2, B_3, B_4 и т. д. Слова A_1, A_2, A_3, A_4 и т. д. характеризуются общим для них семантическим признаком, поэтому их перечисление не обязательно, достаточно указания на этот признак (перечисление обычно оказывается и невозможным, так как лексическая группа соответствующих слов оказывается незамкнутой, поскольку она может пополняться и за счет новообразований, и за счет переносного употребления в соответствующем значении слов иных тематических групп). Слова B_1, B_2, B_3, B_4 и т. д. характеризуются также общим для них семантическим признаком, что делает излишним (и невозможным в силу указанных выше обстоятельств) их перечисление. Для реализации же значения *c* возможными оказываются сочетания слова лишь с некоторыми словами из группы *c*, например C_1 и C_4. Хотя и у других слов этой группы (C_2 и C_3) в их значениях присутствует тот же семантический признак, они невозможны в сочетании с интересующим нас словом X. Здесь, следовательно, невозможна семантическая характеристика сочетаемости, но требуется как раз «лексическое перечисление». В этом думается, и заключается то различие, которое увидел и отметил В. В. Виноградов между «свободными» и «фразеологически связанными» значениями слов.

Точно так же разграничиваются «свободные» и «фразеологически (или синтаксически) связанные значения грамматических форм слов.

Если мы приписываем той или иной грамматической форме слова наряду с ее основным, «свободным» значением также и синтаксически связанное значение, то мы, конечно, не должны ожидать, что «свободное» значение сможет проявляться безгранично — его ограничение явствует уже из признания того, что форме присуще и другое значение. Но последнее требует для своего проявления более специальных условий, в соответствии с чем оно и может быть квалифицировано как вторичное, переносное или «фразеологически связанное», если его реализация ограничена также и лексически.

От конструкций, в которых реализуется «фразеологически связанное» значение отдельной словоформы (речь идет о ее

грамматическом значении), отличаются конструкции, в которых «фразеологически связанным» оказывается сочетание слоформ — значение всего словосочетания не определяется тогда грамматическими значениями вступающих в связь словоформ.

В составе предложений — в качестве их конструирующих элементов — выступают как формы слов, значение которых обусловлено их собственной, морфологической парадигматикой, так и формы слов, значение которых возникает и проявляется только в определенной конструкции. Варьирование последней в таком случае оказывается ограниченным (по сравнению с соотношениями той же конструкции с другими, связанными с ней в том или ином плане, когда эта конструкция реализует прямое значение словоформы). Например, значение форм настоящего — будущего глаголов совершенного вида определяется их морфологически закрепленной парадигмой: *подойдет — подошел, остановится — остановился* и т. д. Для реализации этого значения не требуется каких-то специальных контекстных условий, оно свободно проявляется в любых условиях, за исключением тех, в которых реализуется вторичное, позиционно обусловленное значение формы, т. е. например, значение повторяющегося действия в плане прошедшего времени: *А потом началось беспокойство — подойдет к окну, постоит, снова сядет в кресло.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*

В синтаксисе возникает та же проблема, которую приходится решать и при исследовании многих других явлений. Описывая различные синтаксические конструкции, мы можем стремиться распределить их в соответствии с некоторыми общими категориями, вести описание в рамках последовательно единообразной терминологии. В таком случае нам придется различать центральные и периферийные конструкции, полные и редуцированные, типичные и нетипичные для выражения определенных отношений. Совершенно очевидно, что и характеристика общих категорий становится при этом в значительной степени неопределенной. Другая возможность заключается в том, чтобы считать, что те явления, которые не соответствуют первоначально сформулированным определениям, характеризуются уже иными свойствами и должны быть не уравнены (с помощью тех или иных оговорок), а сопоставлены с теми, которые полностью соответствуют данным определениям. Вопрос тогда заключается в ценности самих этих определений и в реальной выделенности в самом языке охватываемых ими явлений. Сказанное в первую очередь относится к таким традиционным конструктам синтаксиса, как подлежащее и сказуемое. Думается, что выделение этих членов предложения наиболее обосновано в том случае, если мы признаем, что наряду с подлежащно-сказуемостной структурой в русском языке существуют и иные синтаксические структуры, компоненты которых образуют также предикативно значимые единства, но демонстрируют иной, не подлежащно-сказуемостный тип предложений. В таком случае мы сможем принять достаточно жесткое и однозначное определение подлежащего и сказуемого [1], не стремясь соотнести с ним при помощи введения дополнительных условий те структуры, в которых обнаруживается иная связь между предикативно объединяемыми компонентами, как, например, *Кататься весело*, *У нее радость*, *Радистов там трое*, *Дождя не было*, *Нет никого*, *За окном море*

[1] Вроде, например, того, которое было сформулировано В. Н. Сидоровым и И. С. Ильинской: «Подлежащим мы называем абсолютно определяемое слово в предложении, выраженное формой именительного падежа имени, с которым грамматически связано определяющее его сказуемое» (*В. Н. Сидоров* и *И. С. Ильинская*. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском языке.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 345).

и т. п. Хотя многие из подобных предложений по традиции относят к односоставным, их двухкомпонентность, если отрешиться от представления о подлежащно-сказуемостной двусоставности, в общем, не может вызывать сомнения. Представляется очевидным, что между предложениями *Радость* и *У нее радость, Река и Передо мной река* и т. п. гораздо бо́льшая дистанция, чем между *У нее была радость* и *У нее радость, Показалась река* и *Передо мной река* и т. п.

Отграничение «собственно двусоставных» предложений (с «классическими» подлежащим и сказуемым) от других двухкомпонентных (трудную задачу терминологически обозначить соответствующие компоненты здесь можно не ставить) — в том числе и подводимых обычно под ту же категорию двусоставных — на практике всегда проводится достаточно определенно. Это отграничение осуществляется уже благодаря тому, что для них признается структурно не значимым порядок следования главных членов, в то время как для предложений с инфинитивом, с двумя именительными и т. д. именно порядку слов часто приписывается решающая роль в формировании того или иного из главных членов. Довольно неестественно, однако, считать, что в одних случаях подлежащее и сказуемое сохраняют каждое свой статус независимо от порядка слов (*Мальчик читает* и *Читает мальчик*), в других же подлежащее порождается именно порядком слов (*Весело кататься* — нет подлежащего, *Кататься весело* — оно налицо). То, что порядок слов для разных конструкций может иметь различное значение, несомненно. Но вряд ли имеет смысл объединять эти конструкции, отмечая в них те же предикативные отношения. По-видимому, нужно как раз констатировать их отличие в связи с тем, что предикативные отношения проявляются в них по-разному.

Но если для «неклассических» двусоставных предложений порядок слов признается структурно значимым, поскольку ему приписывается (подчас решающая) роль в выявлении подлежащего и сказуемого, можно думать, что и в формировании собственно двусоставных предложений он не остается лишь показателем актуального членения, которое только как бы «накладывается» на некое статическое предложение. Уже тот факт, что «предсказуемость» (а следовательно, и обязательность) личной формы глагола после именительного падежа имени и именительного падежа имени после личной формы глагола неодинакова, свидетельствует о различии именно в конструктивных связях соответствующих форм, что и выражается в их различном интонационном членении.

Это различие подтверждается и различной парадигматической соотнесенностью соответствующих предложений. Не совсем понятно, почему следует говорить, что «одно и то же предложение» может получать различный смысл в зависимости от порядка слов, коль скоро соотносительные вопросительные предложе-

ния (которые обычно и приводятся в таких случаях для демонстрации «изменения смысла») указывают как раз на особую парадигматическую закрепленность соответствующих предложений: *Петр едет в Москву — Куда едет Петр?, В Москву едет Петр — Кто едет в Москву? и т. д.* Синтагматические возможности данных предложений также различны: *Петр едет в Москву, а не в Киев, В Москву едет Петр, а не Василий* и т. д.; представляется несомненным также, что, поскольку эксплицитное или подразумеваемое противопоставление (*Петр едет — а не летит — в Москву*) обусловливает и характер фразового ударения, естественно говорить о разных предложениях (построенных по разным, хотя и, как это очевидно, соотносительным друг с другом синтаксическим формулам).

Разумеется, можно называть предложением ту внеконтекстную (внеситуативную) «неозвученную» и линейно не определенную схему, которая условно конструируется указанием лишь на морфологические формы сочетающихся слов, но в таком случае термин «предложение» становится своего рода дублетом термина «схема предложения».

Вопрос о том, должна ли «схема предложения» кроме морфологической характеристики предикативно сочетающихся словоформ включать указания на порядок их следования и — во многих случаях — на их лексико-семантическую отнесенность, опять мог бы привести только к терминологическому решению. Совершенно ясно, что за термином «схема предложения» вполне может быть закреплено то содержание, которое этому термину было придано в «Грамматике» 1970 г., как ясно и то, что морфологическая характеристика предикативного ядра предложения необходима в первую очередь и может быть дана независимо от других его характеристик. Вместе с тем несомненно также, что построение реальных фраз не основывается целиком на такой схеме; порядок следования словоформ определяет не только интонационно-семантическое членение предложения, но и возможность включения в него синтаксически однородных (указанным в схеме) словоформ и возможности «распространения» как данных словоформ, так и предикативного ядра в целом. Широта и неопределенность уже такой первичной схемы, как «именительный падеж имени+личная форма глагола», под которую должны быть подведены различные типы предложений, заставляет признать необходимость учета при определении типа предложения также ряда лексико-семантических показателей.

Возможность (а иногда и методологическая целесообразность) последовательного включения в анализ различных по природе факторов синтаксической организации высказывания иногда создает впечатление их независимого проявления в языке. То, что между сочетающимися словоформами существуют внелинейные связи, не подлежит сомнению; очевидно также, что эти связи могут быть описаны независимо от других факторов. Но не-

сомненно также, что реально они всегда переплетены с другими отношениями внутри предложения.

Интонационно-семантическое членение предложения, обусловленное целью высказывания, обнаруживается во многих случаях на основе более широкого контекста. Но, с другой стороны, оно же и фиксирует цель высказывания и само по себе уже в какой-то мере предопределяет характер синтаксического контекста. В ряде случаев оно определяется лексическим составом самого предложения; таким образом, вряд ли полностью соответствуют действительности утверждения, что «коммуникативная направленность» предложения является чем-то внешним по отношению к его структуре, что актуальное членение как бы «накладывается» на некое статическое предложение, которое в зависимости от коммуникативной цели может видоизменяться, меняя свой смысл.

Не представляется оправданным отрицание конструктивной роли в предложении так называемых второстепенных членов. Отказав им в статусе вообще членов предложения (и соответственно переместив их в область словосочетания), «Грамматика» 1970 г. по существу отказалась тем самым от выяснения условий, при которых те или иные из второстепенных членов начинают вторгаться в выражение предикативных отношений. Подробно разработанное учение о детерминантах не возместило полностью этого отказа, так как последние анализируются и независимо от их морфологической характеристики (что явно не соответствует именно морфологическому представлению главных членов в указанной «Грамматике»), и без соотнесения их с аналогичными словоформами, которые признаются членами только словосочетаний. Между тем очевидно, что, например, определение, выраженное прилагательным, в зависимости от места в предложении, от лексического состава последнего способно по-разному участвовать в формировании предикативных отношений в предложении, причем между пассивным определением и прилагательным в составном сказуемом лежит довольно подвижная зона так называемой полупредикативности. Сопоставление соответствующих функций прилагательного представлялось необходимым А. А. Потебне, А. А. Шахматову и другим исследователям [2].

---

[2] А. А. Потебня писал: «Определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие: атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его» (*А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 122). А. А. Шахматов считал возможным говорить о «второстепенном сказуемом», отмечая, что «такое сказуемое остается второстепенным сказуемым до тех пор, пока при нем имеется другое, глагольное сказуемое; оно переходит в главное сказуемое, когда глагол опущен или низведен в своем значении до связки, до вспомогательного глагола без реального значения...» (*А. А. Шахматов.* Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 492).

Вряд ли целесообразно отказываться от сопоставления и таких фраз, как *Дышать там легко* и *Дышится там легко*, в которых наречное определение *легко* явно участвует в формировании предикативности, хотя его конструктивная роль в этих фразах неодинакова. Существенное участие обстоятельств (особенно локативов) в выражении предикативных отношений достаточно хорошо известно. Вместе с тем то, что одним из основных признаков детерминантов признается их позиция в предложении, в свою очередь значительно расширяет (поскольку детерминантам отводится место не в коммуникативном, а в конструктивном синтаксисе) круг явлений, свидетельствующих о «собственно грамматической» значимости порядка слов в русском языке. Но ведь если определенный порядок слов делает словоформу детерминантом, то и иной порядок следует считать синтаксически значимым, поскольку он изменяет синтаксический статус той же самой словоформы.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Предложение, его главные члены 18
Словосочетание и предложение 42
Второстепенные члены предложения и выражение предикативности 65
Лексические факторы 74
Лексический состав и членение предложения 98
Синтаксически связанные конструкции. Фразеосхемы 132
Заключение 145

www.ruslang.ru
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

Дмитрий Николаевич Шмелев

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства Л. М. Гаврилова
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор Т. Д. Панасюк
Корректор Г. М. Котлова

Сдано в набор 22/VI 1976 г. Подписано к печати 27/IX 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 5100.
Тип. зак. 790. Цена 64 коп.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГА:

*

Абдуллаев З. Г.

ОЧЕРКИ ПО СИНТАКСИСУ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА.

1971. 480 стр. 2 р. 02 к.

Книга представляет собой монографическую разработку вопросов синтаксиса даргинского языка. Изучаемые синтаксические структуры сопоставляются с аналогичными фактами других дагестанских языков. Работа рассчитана на лингвистов-кавказоведов, а также синтаксистов других направлений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петрозаводская ул. 7а, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайшие магазины «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 13.
320005 Днепропетровск, 5, проспект Гагарина, 24.
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95.
375009 Ереван, ул. Туманяна, 31.
664033 Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 289.
252030 Киев, 30, ул. Ленина, 42.
252142 Киев, 142, проспект Вернадского, 79
252030 Киев, 30, ул. Пирогова, 4.
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28.
343900 Краматорск, ул. Марата, 1.
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2.
192104 Ленинград, Литейный проспект, 57.
199164 Ленинград, Университетская наб., 5.
199004 Ленинград, 9 линия, 16.
220026 Минск, Ленинский проспект, 72.
103009 Москва, ул. Горького, 8.
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7.
630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22.
630076 Новосибирск, 76, Красный проспект, 51.
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137.
700128 Ташкент, Ц-15, ул. 50 лет Узбекистана, 11.
700029 Ташкент, Л-29, ул. Ленина, 73.
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43.
700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28.
634050 Томск, 50, наб. реки Ушайки, 18.
450025 Уфа, 25, Коммунистическая ул., 49.
450075 Уфа, проспект Октября, 129.
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42.
310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6.

64 коп.